

КОНТОРА: Спб. Караванная, 7.

Цена 10 коп.

М 1

ДК262
Р4
Рис. М.
М. М.

Отъ редакціи.

„Волшебный фонарь“ будетъ посвященъ общественной и политической сатирѣ. Ей будутъ служить наша проза, наши стихи и рисунки. Смѣхъ беспощадный,—наше оружіе.

„Смѣхъ! Онъ долженъ быть прямой, дерзкій, острый, какъ бритва, ядовитый, бичующій,—чтобы тотъ, кого вы осмѣяли, чувствовалъ, какъ у него горитъ щека“ (см. ниже „опросъ“).

Въ теченіи Декабря „Волшебный фонарь“ можно приобрѣтать только въ розничной продажѣ (по 10 коп. экз.) На 1906 годъ открыта подписка, за годъ 4 р. съ пересылкой и доставкой, за $\frac{1}{2}$ 2 р. 50 коп.

Серенада современнаго Мефистофеля.

(Поется на мотивъ: „Выходи, о другъ мой нѣжный“).

Посвящается Шалыпину.

Выходи, народъ безпечный,—
Билъ свободы часть. Билъ свободы часть.
Сонъ глубокий, вѣковѣчный—
Отгони отъ глазъ. Отгони отъ глазъ.

Но, проснувшись, смотри въ оба,—

Велика чиновья злоба,—

Проведутъ какъ разъ.

Ха, ха, ха, ха, ха, ха, ха, ха, ха.

Мой совѣтъ—до исполненія

Обѣтамъ не вѣрь.

Если-жъ будутъ утѣшенія,

Покажи на дверь. Покажи на дверь!..

Видишь ли, вонъ тамъ украдкой
Поджигаютъ домъ... Поджигаютъ домъ.
То блюстители порядка
Мастерятъ погромъ. Мастерятъ погромъ.

Завтра-жъ тѣмъ ищадымъ ада

Будетъ выдана награда—

По рублю серебромъ.

Ха, ха, ха, ха, ха, ха, ха, ха, ха.

Мой совѣтъ: ты обозначь имъ,

Что ты не дуракъ.

И нагайка ты казачьимъ

Покажи кулакъ. Покажи кулакъ.

Хе, хе, хе, хе, хе, хе, хе, хе, хе.

К. Р.

Опросъ.

Начинать, такъ съ самого большого: звонюсь къ Максиму Горькому.

— Что надо?

— Ваше мнѣніе относительно...

— Всѣ мои мнѣнія печатаются въ „Новой жизни“.

— Да, но...

— Никакихъ но, тѣмъ болѣе, что вы, повидимому, мѣщанинъ, а я съ мѣщанами не разговариваю...

Пришлось позвониться къ Минскому.

— Ваше мнѣніе относительно...

— Ахъ, извините, я еще не установился.

— Какъ не установились?

— Да вѣдь вы же знаете, я еще башмаковъ не износилъ, въ которыхъ въ редакцію „Новаго пути“ г. Мережковского ходилъ, а теперь вотъ уже новые башмаки купилъ, разношнуровые.

— Жмутъ?

— Ужасно! знаете, у меня большой расходъ на башмаки. Чуть что новое, я ужъ не могу. Вѣдь вы же знаете: сперва я мѣщанскіе стихи писалъ, потомъ мѣщанскую „Альфу“ сочинялъ,—помните, еще тамъ перепутали младенцевъ... Затѣмъ мѣщанской религіозной философій занимался, съ архимандритами являлся и даже съ архіереями, чуть-чуть самъ схиму не принялъ... Потомъ мѣщанскій „Новый путь“, а засимъ аристократическая „Новая жизнь“... Вѣдь все это надо пережить...

— А съ Максимомъ Горькимъ какъ же вы?

— А Горькаго я почитаю, какъ отца. Котати, онъ—Максимъ, а я—Максимовичъ.

— Но помилуйте, вы по лѣтамъ ему въ отцы годитесь.

— Это ничего. Я сынъ по духу... По социально-демократической метрицѣ его духъ куда старше моего духа... Ахъ, извините, это немножко изъ „Новаго пути“... Я еще сбиваюсь. Я дрожу при мысли, что завтра откроется еще что нибудь болѣе новое,

чѣмъ „Новая жизнь“... И опять новые башмаки покупай...

— Скажите, правда ли, будто г. Мережковский съ г-жей Гиппиусъ поѣхали въ Парижъ издавать журналъ для пропаганды своихъ благочестивыхъ идей во всей вселенной?

— Навѣрно не знаю, такъ какъ съ тѣхъ поръ, какъ я сдѣлался пролетаріемъ, я съ ними не видался. Но съ нихъ станется... Они давно уже не довольствуются извѣстностью въ предѣлахъ земного шара.

Иду къ Ходскому и застаю у него Ганнейзера. Оба въ глубокомъ недоумѣніи.

— Помилуйте,—говорятъ они въ одинъ голосъ:—мы вѣрой и правдой служили освободительному движенію и вдругъ намъ объявили отставку. И кто-же? Онъ,—самъ онъ, которому мы курили фиміамъ и ломали наши копья, рискуя всѣмъ своимъ достоинствомъ, свободой, а въ случаѣ надобности, даже жизнью... Теперь не знаемъ, что и дѣлать.

Отъ нихъ прямо къ Н. О. Анненскому.

Застаю и удивляюсь.—Какъ? говорю,—вы не въ ссѣлкѣ?

— Нѣтъ,—отвѣчаетъ мнѣ почтенный старецъ,—теперь въ этомъ уже нѣтъ надобности. Изъ 70 лѣтъ моей жизни я сорокъ лѣтъ провелъ въ ссѣлкѣ и тюрьмѣ, сражаясь за свободу; а теперь г. Горькій объявилъ, что все это было съ моей стороны одно мѣщанское прекраснѣйшее. Мы, говоритъ, въ этомъ не нуждаемся. Мы—сами...

Дѣлаю отчаянный прыжокъ и перебѣгаю въ редакцію „Слова“.

— Господа,—спрашиваю,—что это съ вами? Такъ мило вы балансировали, и вдругъ спархнулись вправо...

Отвѣчаютъ:—А это очень просто: мы, собственно, существуемъ для подставленія ножки г. Витте. Когда г. Витте собирался уничтожить земство, а мы управляли торговымъ мореплаваніемъ и строили порты, мы были либеральны; но развѣ вы не замѣтили, что нашъ либерализмъ былъ особый, такъ сказать—портовой. Тогда мы подставляли г. Витте лѣвую ножку. Теперь мы болѣе не управляемъ торговымъ мореплаваніемъ, а потому и портовъ не строимъ, а г. графъ Витте укрѣпляетъ конституціонныя начала. Ну, намъ ничего не остается, какъ подставить ему правую ножку. Къ тому же, г. Сигма женился, а женитьба консервируетъ человѣка...

Стучусь къ князю Ухтомскому.

Мраченъ, черенъ, одичалъ, весь обросъ.

— Что съ вами?

Плоды балетной забавовки.

Голосъ сверху.—Г-жа Преображенская, будучи уличена
въ подписаніи крамольной петиціи...
Преображенская. беру на-задъ!..

Голосъ сверху. Освободить её.
Преображенская. Мнѣ-бы балетикъ—на! чаекъ ст.
вашей милости... за безчестье.

— Не могу простить себя свой прежний радикализм. Но развѣ я могъ ожидать, что это вызоветъ цѣлую революцію?

— Да вы успокойтесь, это не вы сдѣлали революцію, это вышло само собой, въ силу непреложныхъ законовъ исторіи...

— Рассказывайте, — какіе тамъ законы исторіи!.. Съ тѣхъ поръ, какъ я сталъ во главѣ „С.-Петербургскихъ вѣдомостей“... при помощи моихъ разоблачений и казенныхъ объявленій... А тутъ еще угораздило меня выступить съ дешевымъ „Разсвѣтомъ“...

— Но увѣряю васъ, что тутъ были другія причины...

— Ахъ, нѣтъ, нѣтъ, никогда вы въ этомъ меня не увѣрите. Это все я, все я... Я сдѣлалъ русскую революцію... Вы понимаете: подъ эгидой двухглаваго орла... И теперь не знаю, какъ мнѣ показаться на глаза... Хорошо еще, что отъ времени до времени бастуетъ Царскосельская дорога. Все-таки я могу сослаться на это...

— Ну, положимъ, въ Петергофъ можно моремъ, а оттуда

— Не могу. Страдаю морской болѣзью. Ахъ, я желалъ бы, чтобы желѣзныя дороги бастовали до конца двадцатаго вѣка.

— Но, позвольте... Вѣдь это же проявленіе революціи.

— Все равно, все равно... До свиданія.

Мнѣ осталось только одно: пойти въ Эртелевъ переулокъ. Тутъ я нашелъ удивительную картину.

Всѣ замерли въ живописныхъ позахъ, приставили ладони къ ушамъ и прислушиваются, откуда вѣтеръ дуетъ, а очи всѣхъ устремлены на крышу, гдѣ

...въ большомъ затрудненіи стоятъ флюгера:

Ужъ какъ ни гадаютъ, никакъ не добьются,

Въ которую сторону имъ повернуться...

Вертятся подлые то влѣво, то вправо, и хоть бы на минутку остановились.

— Просто, знаете, измучились. Не ѣдимъ, не пьемъ, не спимъ. Вѣдь намъ въ сущности все равно: абсолютная монархія, конституція, республика, анархія — только бы что нибудь определенное. Ждали пріѣзда старика, думали, что онъ что нибудь у Витте разузнаетъ, а оказывается, что Витте самъ ничего не знаетъ. Сбилъ съ ногъ его сіятельство. Потерявъ „самого либеральнаго челоуѣка“ — генерала Трепова, онъ повисъ на воздухѣ. Земцы коварно подвели его. Сверху его давятъ, снизу подкапываются, всѣ отъ всего отказываются, одинъ только Дурново ни отъ чего не отказывается, готовъ поддерживать его и сверху и снизу...

— Ну, а на счетъ Польши какъ вы?

— Да и на счетъ Польши тоже ничего определен-

наго не знаемъ. Прежде вѣдь мы во — какъ твердо смотрѣли, а теперь... Нѣтъ, глядите, глядите: О, проклятые флюгера!..

Иду въ „Русь“.

— Господа, вы какъ полагаете относительно...

— Подите, подите... Намъ не до разговоровъ... Развѣ не видите?

И дѣйствительно вижу: захваченные потокомъ, всѣ стремительно несутся туда, къ бушующему морю. Оживленные лица, пылающіе глаза. Юноши и старцы, всѣ ужасно молоды.

— Куда вы, господа? Развѣ вы не видите, что вы ужъ оставили позади вашу программу, за которую такъ упорно бились еще мѣсяцъ тому назадъ?

— Уйдите съ дороги. Мы живемъ, мы не хотимъ стоять на мѣстѣ, наша программа — жизнь, которая повелѣваетъ. — Вы видите, тамъ бушуетъ море — это она и есть. Она зоветъ насъ и мы идемъ къ ней...

Ну, теперь надо побывать въ журналахъ. Почтенные ежемѣсячные толстяки, чтобы тамъ ни говорилъ Максимъ Горькій, сыграли важную роль въ подготовкѣ русскаго общества къ освободительному движенію. Провинція вся на нихъ воспиталась и даже самъ господинъ Горькій ихъ почитывалъ и въ нихъ пописывалъ...

Иду въ „Вѣстникъ Европы“.

— Тукъ, тукъ, тукъ...

Никто не откликается.

Поворачиваю на Развѣзную и стучусь въ „Миръ Божій“: — тукъ, тукъ, тукъ!

Слабые признаки жизни.

Обеспокоенный, бѣгу въ „Русское богатство“ — тамъ еле-еле потягиваются.

Въ отчаяніи телеграфирую въ Москву — въ „Русскую мысль“ — ни звука въ отвѣтъ. Да что же это такое, господа?

— У насъ каникулы. Время теперь стремительное. Никто не хочетъ ждать мѣсяцъ, при томъ жизнь идетъ такъ быстро, событія такъ мѣняются, что статья, написанная вчера, сегодня уже дѣлается анахронизмомъ. Мы, правда, выходимъ — для поддержанія связей прошлаго съ будущимъ, но наши статьи звучатъ, какъ академическія лекціи... Газета, газета и газета...

Газета проглотила насъ.

Стучусь въ иллюстрированные еженедѣльники.

— Ну, вы, господа, кажется могли бы воспроизводить въ картинахъ событія современности...

— Да гдѣ же тутъ! Мы привыкли къ тихой, спокойной жизни. Бывало, событіе какое нибудь, вродѣ провала моста, или убійство случится, такъ

о немъ говорятъ мѣсяцы. Вотъ мы и привыкли заготовлять матеріалъ заблаговременно... Этакъ мѣсяца за полтора. Вотъ видите, уже Январскій номеръ составляемъ. Нѣтъ, мы созданы не „для житейскаго волненія“...

А вотъ Баранцевичъ со своимъ двухнедѣльнымъ „Пробужденіемъ“ собирается будить при посредствѣ художественныхъ рисунковъ, беллетристики и поэзіи.

— Ну, что? — спрашиваю я его.

— Не жалуюсь!

— Bravo! Жаль, что съ Января. Долго ждать.

— Ничего. Хорошаго и подождать можно. Тамъ будетъ государственная дума — если она будетъ, — вотъ мы съ нею и начнемъ...

Иду въ юмористическія гнѣзда. Ну — ка, российский смѣхъ, какъ то ты встрепенулъ при новыхъ началахъ...

Вотъ ужъ, можно сказать, никому такъ горько не жилось, какъ российскому смѣху.

Повыдергали у него всѣ зубы, изъяли изъ его вѣдѣнія все, что дѣйствительно заслуживало осмѣянія и оставили ему нѣсколькихъ бѣдныхъ Макаровъ, каковы: земство, дума, адвокаты, доктора, актеры, купцы, теши, адюльтеръ, городской — и то лишь не при исполненіи обязанностей...

И онъ, российский смѣхъ, послѣ Гоголя, Грибоѣдова, Островскаго, Кузьмы Пруткова, Щедрина, самъ того не замѣчая, впалъ въ беззубую пошлость да такъ и засѣлъ на ней.

И теперь старыя юмористическія изданія напрасно стараются обратить на себя вниманіе публики. Ихъ смѣху никто не вѣритъ, въ немъ нѣтъ ни остроты, ни яду, ни — можетъ быть, это главное, — ни смѣлости.

А смѣхъ безъ смѣлости это то же, что выстрѣлъ однимъ пистономъ, безъ заряда.

Смѣхъ долженъ быть прямой, дерзкій, острый, какъ бритва, ядовитый, бичующій. Чтобы тотъ, кого вы осмѣяли, чувствовалъ, какъ у него горитъ щека...

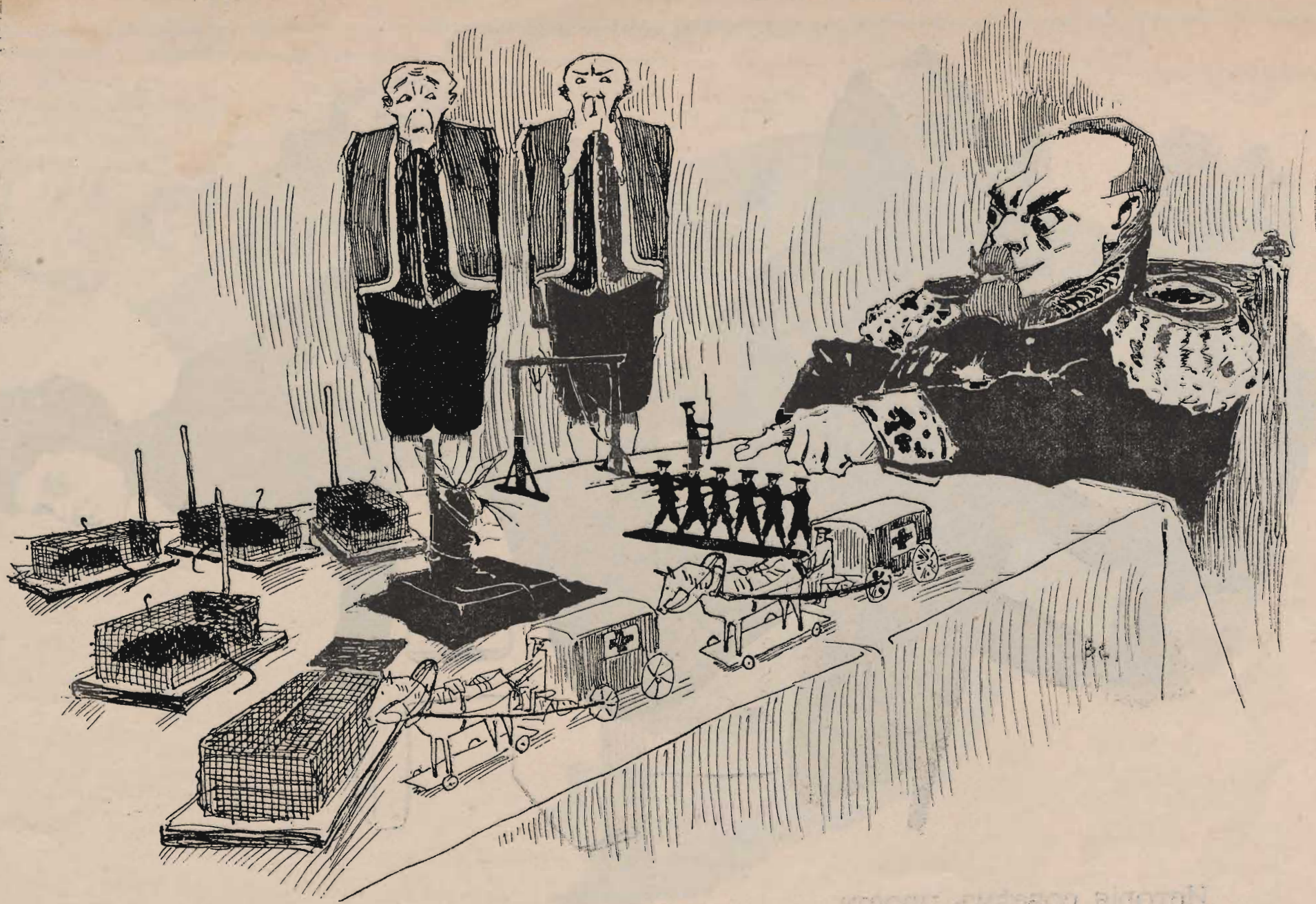
Потомъ, когда мы добудемъ себя „благоденственное и мирное житіе“, можно будетъ смѣяться добродушно. А теперь во всемъ долженъ быть порошокъ, все должно горѣть, всѣ пули должны мѣтко попадать въ цѣль, и именно въ ту цѣль, куда нужно.

Вотъ милый „Зритель“ со своими загадочными картинками. Онъ смѣлъ, ядовитъ, но таинственъ. Ну, товарищъ, бросай-ка таинственность, давай руку и мы дружно пойдемъ къ одной цѣли.

Къ кому бы еще пойти? Не постучаться ли къ почтенному отцу Григорію Петрову?

— Здравствуйте, пастыръ безъ прихода!

— Какъ — безъ прихода? Да у меня теперь такой приходъ, какому позавидовали бы многіе пастыри —

За устраненіемъ отъ активной политики (пулеметы, патроны, нагайки), имѣя, однако-же, много свободнаго времени и подчиняясь врожденнымъ склонностямъ, дворцовый комендантъ чинить судъ и расправу въ дворцовомъ подпольѣ.

пѣлая Россія. Нѣтъ, я доволенъ своимъ приходомъ.

— Скажите, что вы думаете о современномъ положеніи?

— Думаю, что мы идемъ къ воскресенію...

— Къ воскресенію?

— Да, къ воскресенію, къ воскресенію мертвыхъ, которое предсказано пророками.

— Но вѣдь это будетъ передъ страшнымъ судомъ...

— Судъ идетъ уже. Развѣ вы не видите? Развѣ вы не слышите—трубные звуки?..

— Но казаки, патрули, пулеметы, черносотенцы,

избіенія, погромы, генераль-аъдютанты, военное положеніе... Сколько страданій!

— Христосъ тоже воскресъ послѣ страданій. Можетъ быть, это необходимо. Можетъ быть, безъ страданія невозможно воскресеніе...

Я. Самъ.

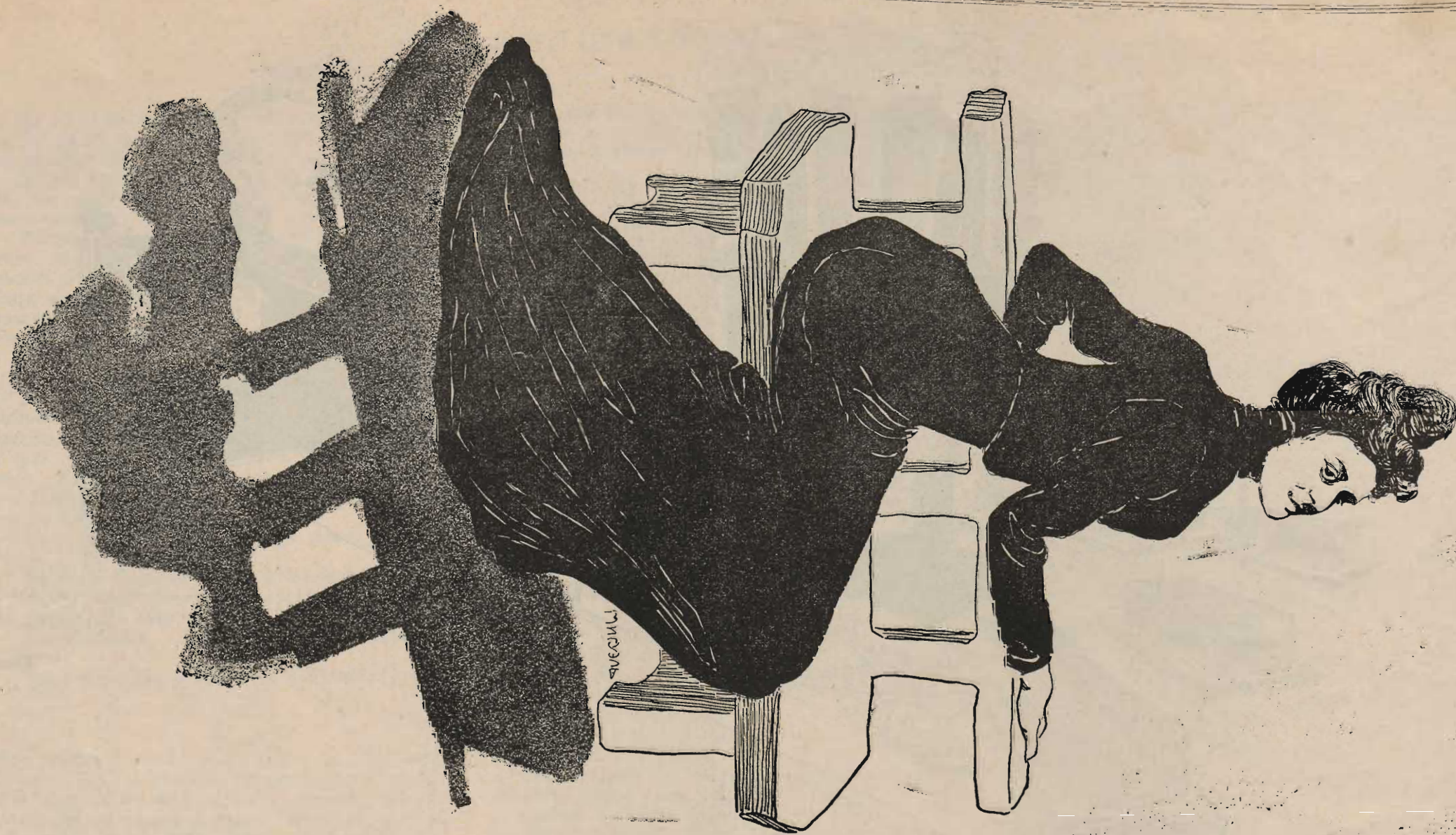
* * *

Есть слухъ о введеніи новаго налога на редакціи повременныхъ изданій—на предметъ постройки п совершенной особой тюрьмы, предназначенной спеціально для г.г. редакторовъ, нарушившихъ временныя правила о печати.

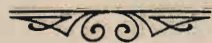
Пять и одна.

Пять свободъ намъ обѣщали,
И—хоть мы ихъ не видали,
Но—подумай, о народъ,
Цѣлыхъ пять вѣдь ихъ—свободъ.

А народъ затылокъ чешетъ,
Молвя: пять меня не тѣшатъ.
Лучше-бы дали мнѣ, народу,
Просто на просто—свободу.

Исторія совсѣмъ проста:
Хотя актриса Балета,
Но тѣнь ея—о, *diable!*
Походитъ на корабль...

ГОВОРЯЩІЯ

„Тѣни иногда говорятъ больше,
(Изрѣченіе скандинавскаго лого

ТѢНИ.

чѣмъ бросающіе ихъ предметы“.
графа Моргенъ-гештерна).

Витте, Витте, Витте, Витте...
Дурново и Дурново...
Ради Бога пощадите!
Нѣтъ-ли новаго чего?..

Изъ Тредьяковского.

Графъ Сергій Витте о!
Все ѣздитъ въ царское село...

Заклинание.

Одинъ и безмолвенъ министр-президентъ
Сидитъ въ своей хранилѣ строгой.
И старую книгу магическихъ чаръ
Читаетъ онъ съ тайной тревогой.
Бьетъ полночь... Не въ силахъ министръ удержать
Кипящаго въ сердцѣ желанья;
И, блѣдный, воветъ онъ подземныхъ владыкъ,
И робко творитъ заклинанья.
„Помощника вѣрнаго мнѣ отыскать,
Прошу васъ, подземныя власти.
Чтобъ мѣрами умными онъ умирилъ
Народа вскипѣвшія страсти“.
Едва заклинанье министръ произнесъ,
Его сотряслася утроба;
Онъ видитъ: безмолвно предсталъ передъ нимъ
Фонъ-Плеве, вставшій изъ гроба.
Предсталъ и простеръ указательный перстъ,
Съ какимъ-то зловѣщимъ изгибомъ...
Дрожитъ и блѣднѣетъ министр-президентъ,
Встаютъ его волосы дыбомъ...

Подъ-Гейне.

Мои интервью.

I.

У генерала Трепова.

Г-нъ дворцовый комендантъ весьма доступенъ... Попробуйте побывать сами... Не желаете?.. А я былъ... Правда, послѣ этого я слегка посѣдѣлъ и третій день страдаю несвареніемъ желудка... Но все-таки былъ!..

Живетъ его превосходительство въ коттеджѣ весьма стараго образца, одиноко торчащемъ среди широкой площади. Какъ только я вступилъ на эту площадь, мнѣ показалось, что я попалъ въ гороховое поле. На столько оно было наполнено субъектами разнаго возраста въ гороховыхъ пальто и гороховыхъ котелкахъ... Съ обычною храбростью я хотѣлъ уйти назадъ, но было уже поздно. Со всѣхъ сторонъ меня тѣснили и толкали. Со всѣхъ сторонъ на меня заглядывали удивительно мерзкія хари. Я невольно вспомнилъ судьбу гоголевскаго семинариста Хомя Брута...

И Вій не заставилъ долго ждать себя... Открылась форточка въ коттеджѣ, и пронзительный вѣтеръ, какъ стрѣла, прорѣзалъ воздухъ. Тогда чудовища въ гороховыхъ пальто подняли меня и донесли (ихъ специальность—доносить!) до воротъ коттеджа.

Здѣсь меня любезно встрѣтилъ оберъ-начальникъ гороховыхъ пальто. Ему уже извѣстно было, зачѣмъ я пришелъ... Ему вообще все извѣстно...

— Г-нъ дворцовый комендантъ радъ будетъ при-

нять представителя прессы. И теперь его превосходительство такъ же охотно бесѣдуетъ съ сотрудниками газетъ, какъ въ бытность свою (оберъ-гороховое пальто вздохнуло) генералъ-губернаторомъ... Пожалуйста... Мы васъ сейчасъ приготовимъ къ интервью...

— Т. е. какъ—приготовите?..

— Очень даже просто...

Дѣйствительно, вышло очень просто. Меня освободили отъ всѣхъ искусственныхъ покрововъ и оставили въ чемъ мать родила.

— Свобода личности, такъ сказать...—пошутить г-нъ оберъ-гороховое пальто...

— Но мнѣ стыдно явиться передъ г. дворцовымъ комендантомъ...

— Ничего, миленькій... Онъ такъ любитъ... Кто васъ тамъ знаетъ... А такъ спокойнѣе...

Затѣмъ меня поставили на платформу, на которой по бокамъ, обращенные ко мнѣ дулами, стояли два пулемета (но ни одинъ изъ нихъ не принадлежалъ г. Шебуеву). Это, очевидно, было ужъ нѣчто символическое: платформа съ пулеметами—политическая платформа генерала Трепова... Впрочемъ, я сей символики весьма опасался, и во все время послѣдующаго интервью сохранялъ серьезную, осторожную неподвижность.

Оберъ-гороховое пальто нажалъ кнопку, и платформа съ пулеметами и съ голымъ человѣкомъ поднялась вверхъ.

Черезъ полъ-минуты я былъ въ кабинетѣ дворцоваго коменданта...

Его превосходительство стояло въ весьма величественной позѣ.

Да иначе и быть не могло. Его превосходительство было заковано въ бронированный костюмъ, на головѣ шлемъ съ опущеннымъ забраломъ, сквозь отверстія котораго мерцали только острые огоньки глазъ. Еслибы сейчасъ взорвалась бомба подъ ногами его превосходительства, конечно, оно полетѣло бы вверхъ тормашками, но сейчасъ же, вполне невредимо, вернулось бы внизъ...

Я осторожно приступилъ къ своимъ обязанностямъ.

— Вы очень древняго рода, ваше превосходительство?..

— Да... Мои предки—выходцы изъ Франціи... Они—потомки гвельфовъ, организовавшихъ Варфоломеевскую ночь... Фамилія наша читалась собственно не Треповъ, а Трепѣвъ... Это дало даже поводъ одному шутнику (глаза генерала метнули молніей) нарисовать гербъ нашъ: — пустую голову и руку, указующую на нее и снабженную надписью—„tres peu“... Впрочемъ, сей остроумецъ за плохой, каламбуръ былъ казненъ...

— Ваше дѣтство?

— Вполнѣ боевое... Говорятъ, три кормилицы отказались кормить меня, такъ какъ я нестерпимо кусалъ имъ грудь... Какъ только я началъ ходить, я неустанно занимался тѣмъ, что рвалъ крылышки

у мухъ, бабочекъ, стрекозъ... Вообще я и тогда уже питалъ непреодолимую злобу ко всѣмъ, стремящимся улетѣть... Мой знаменитый отецъ даже выдавалъ мнѣ премію—фунтъ мармеладу за каждую согну доставленныхъ ему крылышекъ...

— Отрочество и юность?..

— Я упорно развивался въ томъ же направлении... Какъ бы въ предвидѣніи будущаго, я неоднократно организовывалъ отряды изъ малолѣтнихъ предшественниковъ хулигановъ, которые тогда назывались „посадскими“... Я помню, какъ, выскочивъ изъ подворотни, мы однажды избили до безчувствія студента, а затѣмъ изодрали лапсердаки у двухъ жидовъ... Это лучшія воспоминанія моей юности...

— Ваша дальнѣйшая дѣятельность?..

— Она вся была посвящена благу отечества, и она у всѣхъ на виду... Какъ я имѣлъ уже случай выразиться—только потомство сумѣетъ меня вполне оцѣнить... Впрочемъ, пользуюсь случаемъ, чтобы показать вамъ проектъ памятника, доставленный на мое усмотрѣніе инженеръ-архитекторомъ Ярмонкинымъ...

Его превосходительство указалъ мнѣ на небольшую гипсовую группу. На пьедесталѣ генералъ Треповъ въ полномъ боевомъ облаченіи, низвергающій колоссальныхъ размѣровъ кулакомъ тощаго студента со знаменемъ въ рукахъ, карабкающагося по цоколю.

— Содержаніе символическое ваше, превосходительство?..

— Какъ видите... Я думаю попросить ваятеля нанести еще два барельефа по бокамъ пьедестала: корнета Фролова и полковника Мина...

— Гдѣ вы думаете поставить сей памятникъ?..

— Вѣроятно всего—на мѣстѣ историческомъ—на углу Гороховой и Загороднаго... Хотя, быть можетъ, при дальнѣйшемъ развитіи моей дѣятельности, найдутся мѣста еще болѣе историческія...

— Довольны ли вы настоящимъ своимъ положеніемъ?

— Вполнѣ... Вѣдь я же—всероссійскій комендантъ...

— Дворцовый, ваше превосходительство...

— А развѣ это не одно и то же?..

При этомъ пара глазъ изъ подъ забрала такъ сверкнула, что я поспѣшилъ согласиться... Затѣмъ я предлагалъ уже самые невинные вопросы.

— Ваши любимые духи?..

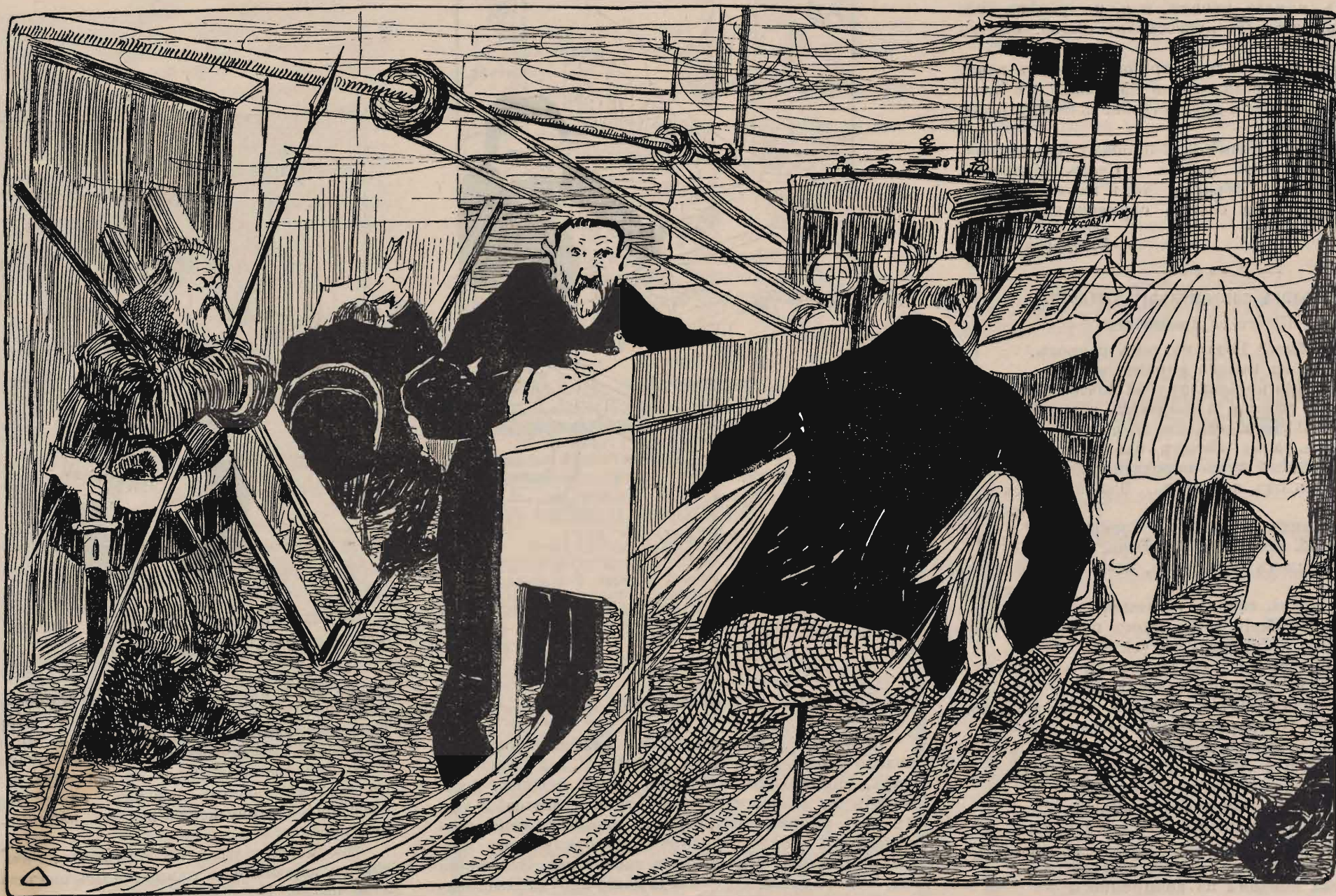
— Sand-du-peuple, triple extract...

— Любите ли вы дѣтей и собакъ?..

— Дѣтей люблю только возраста, не способнаго къ членораздѣльной рѣчи—слѣдовательно, не умѣющихъ еще предъявлять требованій къ правительству. Собакъ признаю только специальныхъ породъ: ищейекъ и выслѣживающихъ всякую дичь...

— Охотно ли вы путешествуете?..

— Нѣтъ, я упорный домосѣдъ... Я предпочитаю заставлять путешествовать другихъ и, при томъ, далеко...

Тайная типографія „НОВАГО ВРЕМЕНИ“.

— Ваши близкіе, друзья?..
 — А вамъ это зачѣмъ?..
 — Говорятъ: — скажи мнѣ, съ кѣмъ ты знакомъ, и...
 — Довольно-съ!!..

Генералъ нажалъ кнопку, и я, не успѣвъ поблагодарить даже его превосходительство, быстро опустился внизъ.

Оберъ-гороховое пальто приказалъ одѣть меня. Затѣмъ я былъ выставленъ на площадь, гдѣ меня бережно подхватили и дружественно понесли просто гороховня пальто...

Дома я, однако, замѣтилъ пропажу бумажника, кошелька и носового платка... Счетъ собираюсь подать въ контору журнала, такъ какъ я пострадалъ при исполненіи своихъ служебныхъ обязанностей...

Импрессионистъ.

Монологъ современнаго гамлета.

(Почти по Кронебергу).

Быть или не быть? Вотъ въ чемъ вопросъ. Что выгоднѣй: на ропотъ справедливый Уступки ли давать—одна другой ничтожнѣй, Иль силу всю собрать и раздавить народъ? Да, раздавить! Легко сказать то слово— Умнѣйшее изъ словъ. Заразъ, однимъ ударомъ! Сломить свободный духъ народа на всегда, Чтобъ пикнуть онъ не смѣлъ... Такой конецъ

достойнъ

Желаній жаркихъ. Раздавить? Сломить? А если впрямь проснется богатырь, И, бремя съ плечъ страхнувъ, всей грудью молодецкой

Въ защиту правъ своихъ возстанетъ, наконецъ?.. Вотъ что дальнѣйшій заграждаетъ путь, Вотъ отъ чего не можемъ мы уснуть. Кто снесъ бы дерзкое глумленіе надъ властью, Свободы кличъ, тирановъ низверженіе, Надменный черни видъ и красный цвѣтъ знаменъ, Презрѣнны къ государственнымъ заслугамъ,— Когда бы могъ насъ подарить покоемъ Одинъ ударъ? Кто смѣлъ бы власть унижить? Кто диктовать дерзнулъ бы ей законъ? Да, только страхъ народнаго возстанья, Ареста и тюрьмы, подваловъ Шлиссельбурга— Страна безвѣстная, откуда путникъ Не возвращался цѣль,—смущаетъ волю. И мы скорѣй пойдемъ на компримиссы, За каплей каплю уступая власть, Чѣмъ отдадимъ себя на судъ народный. Такъ шкурный страхъ насъ обращаетъ въ трусовъ. Такъ блекнетъ въ насъ и самый призракъ власти И покидаетъ насъ навѣки здравый смыслъ, И гнуть готовы мы свои сановны спины Предъ страшнымъ призракомъ желѣзной гильотины...

Ш. К. Эсперъ.

ВНЕЗАПНЫЙ ПРОЛЕТАРІЙ.

Минскій—въ своемъ коттеджѣ на Англійской набережной.

Переписка.

Chère Nini, это письмо ты навѣрно получишь только черезъ два мѣсяца, потому что, какъ говоритъ рара, почтальоны измѣнили своей родинѣ. Ахъ, еслибъ ты знала, что у насъ тутъ дѣлается! Я уже 12 разъ умираю отъ страха, нервы у меня разстроены, и меня теперь пичкаютъ бромистымъ натромъ. Недавно у насъ была забастовка. Знаешь-ли ты, что это такое? Это—когда какіе-нибудь ремесленники или другіе рабочіе люди измѣняютъ своей родинѣ. И это было ужасно, потому что на этотъ разъ рѣшительно всѣ измѣнили своей родинѣ. Представь, на улицахъ потухли электрическіе фонари и, когда я ѣхала вечеромъ отъ тети—Маки въ каретѣ, мнѣ все казалось, что вотъ-вотъ отворится дверца, и въ карету ввалится какой-нибудь косматый студентъ и начнетъ оскорблять мою честь. Рара говоритъ, что эти господа не признаютъ ничего святого, и отъ нихъ

Онъ-же въ роли восходящей звѣзды на социаль-демократическомъ горизонтѣ.

можно всего ожидать. У каждого студента всѣ карманы набиты бомбами. У маленькаго Жоржа былъ учитель—студентъ, но 17-го Октября, когда вышелъ манифестъ, Рара отказалъ ему, потому что онъ въ этотъ день весело вошелъ въ гостиную и, потрясая въ воздухъ газетою, сказалъ: слава Богу! Рара нахмурился, пригласилъ его въ кабинетъ и далъ ему расчетъ.

Вообрази, у насъ въ столовой и въ гостиной горѣли керосиновыя лампы, и отъ нихъ такъ неприятно пахло! Но самое худшее—это то, что я цѣлыхъ десять дней не видалась съ кузеномъ Вольдемаромъ. Ты знаешь, онъ—преображенецъ и его засадили куда-то на какой-то вокзалъ, гдѣ онъ что-то такое водворялъ. А потомъ я его видѣла во главѣ цѣлой роты, когда онъ разгонялъ толпу измѣнившихъ своей родинѣ людей. У него было такое строгое и благородное лицо, видно было, что этотъ человѣкъ назвкозъ проникнуть сознаниемъ своего долга.

Ты знаешь, милая Nini, что у насъ своя ложа

въ балетѣ, и что мы каждое воскресенье ѣздимъ туда. Рара особенно любитъ балетъ и говорить, что это, единственное зрѣлище, какое онъ допустилъ-бы если-бы былъ министромъ внутреннихъ дѣлъ. По крайней мѣрѣ не рискуешь услышать слова, оскорбляющія нравственность и чувства истиннаго гражданина, потому что въ балетѣ не говорятъ никакихъ словъ.

Вообрази-же мое огорченіе, когда я узнала, что и балетъ забастовалъ. Какъ могли забастовать эти чудныя поэтическія созданія въ эфирныхъ тюникахъ! Неужели и они способны измѣнить своей родинѣ. И, благодаря этому, мы были лишены представленія? Дядя Кока (онъ занимаетъ мѣсто самаго главнаго балетомана съ жалованьемъ 18 тысячъ въ годъ) говорить, что эта забастовка напоминаетъ ему паденіе ангеловъ. Впрочемъ, все кончилось благополучно. Оказалось, что они что-то перепутали, раскаялись, и теперь опять танцуютъ. У нихъ тамъ есть Крупенскій (это такой чинъ, — въ каждомъ театрѣ есть свой полицеймейстеръ и свой Крупенскій), такъ онъ все объяснилъ имъ, и они тогда поняли, что ошиблись.

Говорятъ, что многіе даже плакали. Преле стная крошка Преображенская такъ была потрясена своей виной, что даже просила, чтобы ее высѣкли, то съ условіемъ, чтобы, сѣкъ ее самъ директоръ, потому что она балерина. Но директоръ сказалъ, что у него на такое слабое созданіе рука не подымется.

Нашелся тамъ какой-то Сергѣевъ, который соглашался собственноручно всѣхъ высѣчь, но его предложеніе было отвергнуто изъ боязни, что это могло-бы отвѣчь его отъ прямыхъ обязанностей. Все это я узнала отъ дяди—Коки.

Была забастовка и въ оперѣ, но тамъ, кажется, не дошло ни до чего серьезнаго. Одинъ только бѣдный Собиновъ поплатился. Говорятъ, что въ ту самую минуту, когда другіе измѣняли своей родинѣ, онъ громко запѣлъ: „Боже царя Храни“, и съ тѣхъ поръ ничего другого не можетъ пѣть. Въ какой-бы партіи ни вышелъ, — оркестръ играетъ что полагается, а онъ поетъ: „Боже, царя храни“. Недавно, говорятъ, въ „Евгеніи Онѣгинѣ“ вмѣсто „куда-куда вы удалились“ (эту арію, ты знаешь, онъ поетъ божественно!) онъ пропѣлъ тоже — „Боже, царя храни“, и тутъ даже патріоты, которые никогда не измѣняютъ своей родинѣ, пожали плечами.

Говорятъ, что это такъ на него подѣйствовала военная служба, которую онъ съ честью и достоинствомъ истиннаго сына своей родины отправлялъ въ Висбаденѣ.

Теперь у насъ довольно спокойно. Рара говорить, что это оттого, что у насъ еще есть Дурново, но что одного Дурново мало, а надо-бы ихъ съ дюжину, и тогда уже въ Россіи все было-бы хорошо.

Обнимаю тебя, милая Nini! Обѣщаю тебѣ сообщать обовсемъ, что будетъ здѣсь происходить. Не знаю только, будешь-ли ты получать мои письма, такъ какъ неизвѣстно, когда почтальоны перестанутъ измѣнять своей родинѣ.

Mimi.

— Непостижимо, почему Дурново не смотря на общее настойчивое желаніе, такъ долго не выходитъ въ отставку!

— А видите-ли, онъ немного не дослужилъ еще до пенсіи...

— Но мы охотно рассчитаемся съ нимъ по законамъ военнаго времени...

— Эврика! я понимаю, почему Графъ Витте такъ долго тянетъ почтово-телеграфную забастовку.

— Почему-же?

— Да очень просто: онъ избавился отъ 500 ежедневныхъ телеграммъ, которыя онъ получалъ со всѣхъ концовъ Россіи. По крайней мѣрѣ ему теперь есть когда пообѣдать.

Издатель К. Четвериковъ.

Современные переводы извѣстныхъ изрѣченій.

Dura lex, sed dura.—Законъ суровъ, а потому не лучше ли бѣзъ него обходиться?

Audiat et altera pars.—Бей и праваго и виноватаго.

Quousque tandem Catilina...—Когда же, наконецъ, уберутъ патрули?

Cogito, ergo—sum.—Я еще живъ, а слѣдовательно могу вредить.

Ecce homo...—Это тотъ, который еще не явился...

Sic transit gloria mundi.—Въ крайнемъ случаѣ можно сдѣлаться дворцовымъ комендантомъ...

Si vis pacem, para bellum.—Если хочешь водворять свободу, куй цѣпи.

Fimeo danaos et dona ferentes.—Къ конституціи, водворяемой при помощи эскадроновъ, отношусь съ сомнѣніемъ.

Ut desint vires, tamen est laudanda voluntas.—Если не хочешь дать, то обѣщай какъ можно больше.

Cave canem.—Остерегайся патріота, или: всегда имѣй наготовѣ рюмку водки, чтобы угостить патріота; въ крайнемъ же случаѣ полезень и револьверъ.

Chaque sot en trouve toujours un encore plus sot qui l'admire.—На каждого губернатора найдется Генералъ-губернаторъ.

Отвѣт. Редакторъ И. Н. Потапенко.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА на 1906 г.
на первый ЕДИНСТВЕННЫЙ въ Россіи двухнедѣльный
художествен. ЛИТЕРАТУРН. и НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛЪ,
по образцу лучшихъ загранич. художествен. изданій
СЪ РОСКОШНЫМИ МНОГОКРАСНЫМИ КАРТИНАМИ.

„ПРОБУЖДЕНИЕ“

ПРИ УЧАСТИИ ИЗВѣСТНЫХЪ ПИСАТЕЛЕЙ
Издатель Н. В. Корецкій. Редакторъ К. С. Баранцевичъ.

Цѣна наждаго отдѣльнаго № журнала 50 к., съ пересылкой 75 к.
подписавшіеся на 1906 г. получаютъ въ теченіе г. съ 1-го января:
роскошныхъ иллюстрированныхъ выпусковъ двухнедѣльнаго жур-
нала въ изящныхъ папкахъ съ рельефными тисненіемъ
ЗОЛОТОМЪ и КРАСНЫМИ.

(1-го и 15-го числа каждаго мѣсяца).
12 выпусковъ „Свободная рѣчь“. Фельетонъ. 12 выпусковъ „Провинція“. Обзоръ общественной дѣятельности въ провинціи, съ портретами видныхъ провинціальныхъ дѣятелей. 12 выпусковъ „Хрестоматія“. Критическій обзоръ произведеній появляющихся въ періодическихъ изданіяхъ. 12 выпусковъ „Государственная Дума“. 12 выпусковъ „Идѣйный театръ“. Новыя, выдающіяся по мысли драматическія произведенія. Комедіи и драмы 12 портретовъ популярныхъ современныхъ дѣятелей, литераторовъ и художниковъ. 12 портретовъ „Наши освободители“, съ биографіями общественныхъ дѣятелей принимавшихъ участіе въ освобожденіи народа. 12 роскошныхъ многокрасочныхъ копій съ картинъ великихъ художниковъ. 6 пейзажей воспроизведенныхъ множествомъ красокъ, автотипіей и хромо-литографіей. 6 картинъ исполненныхъ фототипіей красками. 6 картинъ въ дендритномъ стилѣ исполненныхъ красками съ золотомъ и серебромъ. 6 многокрасочныхъ копій съ картинъ знаменитыхъ художниковъ религіознаго содержанія. 12 цвѣтныхъ этюдовъ воспроизведенныхъ радужной печатью съ картинъ извѣстныхъ художниковъ. 6 многокрасочныхъ картинъ съ изображеніемъ цвѣтовъ.
одна роскошная картина воспроизведенная крас. на бѣломъ атласѣ.
ГЛАВНАЯ КОНТОРА Спб., Невскій пр. № 53.
ПОДПИСНАЯ ЦѢНА: въ годъ 6 руб. съ пересылкой, на полгода 4 руб.

Съ 15-го Ноября выходитъ ежедневная
ПОЛИТИКО-ЭКОНОМИЧЕСКАЯ и ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

„ОБНОВЛЕННАЯ РОССІЯ“.

Газета высылается со дня полученія денегъ.

Подписка на
1906 г.
открыта

ЦѢНА
ЗА
3 ГОДЪ
РУБЛЯ
60 к.,

съ доставкой
и пересылкой
по всей
Россіи.
допуск. раз-
строчка.

Газета „Обновленная Россія“ ставитъ себя цѣлью: борьбу за новую дѣйствительно, обновленную Россію и безпристрастную, живую разработку всѣхъ вопросовъ, связанныхъ съ судьбами и положеніемъ русскаго крестьянства, деревенской интеллигенціи, городского и сельскаго пролетаріата.

Главн. Контора и Редакція. | ОТДѢЛЕНІЕ. КОНТОРЫ:

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Стрем., № 12, с. 8. | Невск. пр., № 96.

Редакт. А. Е. Зоринъ.

Издатель П. П. Сойкинъ.

Яко по суху пѣшествовавъ Израиль, по безднѣ стопами...

Эпизодъ изъ кронштадтской эпопеи.

КОНТОРА: Слб., Караванная ул., 7.

Ц. 10 к.

№ 2. 11 Декабря 1905 г.

ПОДЪ РЕДАКЦІЕЙ
И. И. ПОТАПЕНКО

ВОЛШЕБНЫЙ

КРОКОДЪ

АРЬ

DK262
129

Отъ редакціи.

Успѣхъ обязываетъ. И такъ какъ на долю нашего журнала выпалъ исключительно выдающійся успѣхъ, то онъ обязанъ пворолжать свое существованіе и будетъ выходить каждое воскресенье.

„ВОЛШЕБНЫЙ ФОНАРЬ“ будетъ посвященъ общественной и политической сатирѣ. Ей будутъ служить наша проза, наши стихи и рисунки. Смѣхъ безпощадный—наше оружіе.

Смѣхъ! Онъ долженъ быть прямой, дерзкій, острый, какъ бритва, ядовитый, бичующій,—чтобы тотъ, кого вы осмѣяли, чувствовалъ, какъ у него горитъ щека!

Въ теченіи Декабря „Волшебный фонарь“ можно приобрѣтать только въ розничной продажѣ (по 10 коп. экз.) На 1906 годъ открыта подписка, за годъ 4 р. съ пересылкой и доставкой, за 1/2 года 2 р. 50 коп.

СОНЪ.

Мнѣ снился сонъ:
Какъ будто нѣкій баринъ,
(Аллахъ храни его, хоть онъ и не татаринъ!)
былъ званіемъ министра награжденъ
За то, что весь овесъ,
Что скудный урожай странъ принесъ,
Задешево скупивъ
И въ закромахъ своихъ надежныхъ сохранивъ,
Въ продажу выпустилъ, когда овса не стало
И даже сѣна было мало,
И клячи бѣдныя отъ глада грызли крыши
И дохли даже мыши.
Отъ операци такой нажился баринъ,—
(Аллахъ храни его, хоть онъ и не татаринъ!)

Я знаю, многіе отыщутъ оправданье:
На томъ молъ міръ стоитъ отъ своего созданья.
Хоть и не мало тутъ дурново,
Но это вѣдь не ново:
Ростовщики всегда такъ поступаютъ.
Но возражу: въ министры ихъ не приглашаютъ.

Всѣ это лишь приснилось мнѣ.
Проснувшись, сонъ я рассказалъ женѣ.
Она воскликнула:—овесъ?

Ахъ пѣсь!..

Н. Р.

Въ почтамтѣ.

Въ воздухѣ пахнетъ крѣпкими духами. У кого то мигрень. Кто то жалуется на безпорядокъ. У генерала Бомбардоса не клеится. Графиня Журфиксъ обругала своего человѣка скотиной за „не деликантность“. Настроеніе приподнятое. Французскій языкъ изъ кожи лезетъ. Баронъ Макао разсматриваетъ открытыя письма. Княжна Кокоскина читаетъ и никакъ не можетъ разобрать адресъ заказного письма.

— Удивительно, какъ пишутъ: или безграмотно, или ужъ такъ грамотно, что ничего не поймешь,—говоритъ княжна.

— А вы такія письма не читайте, бросайте подъ столъ. Потомъ разберутъ кому нужно. Все это, откровенно говоря, вздоръ! И не такъ важно! Я впередъ вамъ могу сказать, что въ нихъ содержится: сорокъ поцѣлуевъ, поклонъ батюшкѣ, привѣтъ ма-

тушкѣ. Еще поклонъ и еще поклонъ, а затѣмъ прощайте. Остаюсь въ бѣдственномъ положеніи, чего и вамъ желаю.

— Ахъ, баронъ!—вы положительно не выносимы. Развѣ можно такъ относиться къ дѣлу!

Баронъ неисправимъ. Онъ жужжитъ.

— Княжна, каковы событія? Я вотъ сейчасъ разбираю тутъ всякую дрянъ и предо мною рисуется перспектива. Я представляю себѣ большіе глаза нашихъ потомковъ. Вы вѣрите въ нихъ, княжна?

— О! да, конечно, я въ этомъ не сомнѣваюсь. —И представьте себѣ,какой нибудь пра-праправнукъ раскрываетъ книгу исторіи, собираетъ около себя всю свою семью и торжественно говоритъ: прочтите, дѣти мои, эти золотыя строки и вы узнаете въ нихъ свою пра-прабабушку въ роли petite ouvrière defendante sa patrie.

Княжна ломаетъ голову и жмуритъ глаза. Она съ упрямствомъ остановилась на этомъ письмѣ и

во что бы то ни стало хочетъ разобрать его адресъ. Графъ Макао совѣтуетъ ей не усердствовать.

— Потомъ дочитаете,—говоритъ онъ.—Вы, кажется,забыли,княжна,такъ умоляю васъ,обратитесвое благосклонное вниманіе: сторожъ уже два раза приходилъ за вами и я вамъ говорю въ третій разъ—въ импровизированной столовой васъ ждетъ общество пить шоколадъ.

Княжна молчитъ, ея маленькіе мозги усиленно работаютъ. Разговоръ барона она считаетъ празднымъ и легкомысленнымъ. Она дѣлаетъ святое дѣло—она отечество спасаетъ отъ забастовки.

Барону наконецъ надоѣло разбираться. Онъ всталъ, подошелъ къ княжнѣ и, переступая съ ноги на ногу, какъ опоенная лошадь, сталъ шарить въ карманахъ узкихъ и синихъ рейтузъ.—Дрянъ, выѣденнаго яйца не стоитъ: какая то кухарка жалуется на свою „жисть“. Солдатъ пишетъ своей родительницѣ, чтобы та послала ему четвертакъ. А то, видите ли, ему не начто мыла купить. На военной службѣ этого даже не полагается.—Какъ вамъ нравится: а получить—пропѣетъ. Возмутительно! Драть некому! И это въ открытыхъ письмахъ! Misérable! А эти выходы еще о цензурномъ гнетѣ разсуждаютъ. Да я бы въ каждомъ почтовомъ отдѣленіи цензурный комитетъ устроилъ!

Въ импровизированной столовой пьютъ шоколадъ. И кого только здѣсь нѣтъ! самое разнообразное общество, но все—самое пріятное.

Камеръ-юнкеръ Плюшкинъ ворчитъ.

— Зря эти лоботрясы почтамтскіе у правительства хлѣбъ ѣдятъ, половину можно съ успѣхомъ разогнать. Крамольниковъ меньше будетъ... а для остальныхъ написать такой законъ, чтобы они не посмѣли и пикнуть.

Съ нимъ солидаренъ генералъ отъ краснаго сукна „Жвачка“, онъ шамкаетъ губами, языкъ едва шевелится и заплетається, какъ старая тряпка:

— Совершенно вѣрно,—говоритъ онъ. И я бы еще посовѣтовалъ министру на мѣста этихъ уволенныхъ взять двухъ-трехъ молодыхъ лицейстовъ—на должности чиновниковъ особыхъ порученій. Какъ никакъ, знаете ли, свои. Предупредить вовремя и не допускать.

Въ этомъ спектаклѣ участвуютъ разныя мамыши. Они являются сюда со всеѣмъ своимъ багажомъ: съ ридикюльчиками, съ дочками, пропитанныя духами и сплетнями. У всеѣхъ участвующихъ на лицахъ торжественное выраженіе: мы спасаемъ отъ гибели отечество! Серьезнѣе относятся къ своимъ ролямъ женщины. Въ замшевыхъ перчаткахъ, чтобы не замарать пальчиковъ, онѣ развязываютъ пачки писемъ и, разбирая ихъ налѣво и направо, заставляютъ „кавалеровъ“ подбирать. И вокругъ нихъ звякаютъ шпоры, стучатъ штатскіе каблукі. Почтамтскія комнаты напоминаютъ салонъ. Все атрибуты почтамта

Покупатель. Уступили-бы, ваше превосходительство...
 Продавец. Меньше какъ по шести гривенъ не могу.
 Покупатель. Дорогонько, ваше превосходительство!
 Продавец. Такъ ты-же вникни: какой овесъ! Вѣдь министерскій! Понялъ? Гм...
 Покупатель. Ну, коли такъ, такъ и по рублику дать не жаль... Пожалуйста, получите, только, въ случаѣ чего, насъ не забудьте...

представляют собой бутафорию на любительском спектакле. Княжны и графини с собачьими именами (Зизи, Туту, Муму и т. д.), хотя и не знают своих ролей, но не краснѣют, потому что нѣтъ публики. И игра плохихъ актеровъ забавляетъ только ихъ близкихъ.

Въ столовой появляется баронъ Макао, съ княжной Кокошкиной. Она все съ тѣмъ же адресомъ, который начала читать еще съ утра. Теперь наконецъ ей удалось его прочитать и она какъ будто бы сдѣлала какое то открытіе.

— Господа! какъ вамъ понравится,—говоритъ она: письмо изъ Женевы, и кому бы вы думали?—Рабочему на заводѣ Выборгской части. Не правда ли, странно! И по-французски написано. Черезъ конвертъ видно, посмотрите на свѣтъ.

Письмо обходитъ всѣхъ присутствующихъ и всѣмъ кажется страннымъ и непонятнымъ. У многихъ является желаніе вскрыть, но повлесе не позволяетъ. Обсуждаютъ вопросъ, какъ быть съ такими письмами. Послѣ долгихъ преній вырабатывается комитетъ изъ двухъ добровольцевъ: одинъ изъ нихъ съ погонами жандармскаго генерала. Въ обязанность комиссіи ставится отбирать письма подозрительнаго свойства и отсылать куда нужно для экспертизы.

Въ столовой также, какъ въ другихъ комнатахъ почта, тюки, баулы и проч. Партія хулиганствующей аристократіи все увеличивается. Приступаютъ къ погрому и въ импровизированной столовой. Д. ст. с. Спаржа съ головой ошипаннаго цыпленка приказываетъ своему камердинеру извлечь изъ кучи баулъ съ провинціальной почтой. Камердинеръ исполняетъ приказаніе своего господина. Генераль Бомбардосъ срываетъ печать съ баула и собирается потрошить его содержимое въ сотрудничествѣ съ нѣсколькими дамами. Къ Бомбардосу подбѣгаетъ лиценстъ съ глазами сибирскаго кота и спрашиваетъ, откуда почта? Бомбардосъ смотритъ на дощечку, прикрѣпленную къ баулу и въ испугѣ отскакиваетъ, потомъ, какъ бы не вѣря себѣ, снова вливается глазами въ дощечку. Лицо его зеленѣетъ отъ ужаса. Генеральскіе эполеты начинаютъ трястись, какъ въ лихорадкѣ, ноги сгибаются и генераль безпомощно падаетъ на колѣни, съ воплемъ: изъ Астрахани?!.. И вся комната наполняется возгласами испуганныхъ:

— Что съ вами, генераль? Ваше превосходительство! Что случилось? Ударъ? Куда вы смотрите?!.. Бомба?.. Гдѣ бомба?—И черезъ минуту весь персоналъ добровольцевъ онѣмѣлъ отъ страха. Въ первый моментъ думали, что забастовщики подбросили бомбу, но взрыва не было. Болѣе смѣлые окружили Бомбардоса. Онъ окаменѣлъ. Его глаза съ ужасомъ обращены на баулъ. Всѣ восклицали: Генераль! Ваше Превосходительство, что съ вами!? И изъ груди Бомбардоса снова вырвался душу раздираю-

щій вопль: „изъ Астрахани!! Слышите, изъ Астрахани!!! Въ Астрахани чума“!!! Все было кончено. Случилось что то невѣроятное. Княжна Мышкина и ея три дочери отъ страха сошла съума и всѣ четверо полѣзли на стѣну. Графиня Журфиксъ и двѣ дочери д. ст. с. Сыщикова отъ ужаса умерли тутъ же, на мѣстѣ. Съ „генераломъ—отъ красной подкладки“ сдѣлался ударъ. Пять лицейстовъ, одинъ студентъ, два инженера, пятнадцать контролеровъ и три камеръ-юнкера выбросились изъ окна съ пятаго этажа. У четырехъ матерей, дочери которыхъ были здѣсь же, отнялся языкъ. Тайный совѣтникъ Разстрѣляевъ, также какъ многіе другіе, сошелъ съума и сталъ плясать Кекъ-Уокъ. У генерала Бомбардоса вытекли глаза. Со всѣми другими нехорошо сдѣлалось.

Далай-Норъ.

Сказки почти для дѣтей.

1. Ракъ.

Жиль — былъ ракъ. Обыкновенный, черный рѣчной ракъ...

Пришло время, когда черный цвѣтъ сталъ не въ модѣ, и большой спросъ явился на все красное...

И когда черный ракъ вылѣзалъ на рѣчной берегъ, красноперые жаворонки, пестрые бабочки, жуки и стрекозы—всѣ надъ нимъ смѣялись:

— Смотрите, вонъ тащится черносотенецъ!..

А то что ракъ ползъ задомъ—это было ужъ совсѣмъ скверно.

Стало стыдно черному раку. И задумалъ онъ сдѣлаться краснымъ. Пошелъ онъ къ гигантскому жуку—отшельнику, который жилъ въ дуплѣ стараго дуба, и слылъ за чудодѣя.

— Послушай, отче—сказалъ ракъ—ты все можешь. Преврати меня въ краснаго...

— Мудрено что то—отвѣтилъ жукъ—отшельникъ. Кто въ какомъ цвѣтѣ родился, тотъ въ такомъ и долженъ жить... Не то плохое можетъ случиться...

— Хочу быть краснымъ!.. Хочу быть краснымъ!..—кричалъ черный ракъ.

— Ну—тебя, неладный!.. Какъ знаешь!.. Только, смотри, потомъ на меня не пеняй!..

Взялъ жукъ—отшельникъ горшокъ, налилъ въ него воду, поставилъ на очагъ.

А когда вода вскипѣла, сказалъ раку:

— Ну, теперь ползи въ воду, и ручаюсь тебѣ, что ты сдѣлаешься краснымъ...

Ракъ съ радостью бултыхнулся въ кипятокъ, и дѣйствительно сейчасъ же покраснѣлъ.

Но когда жукъ—отшельникъ, подождавъ немного, вытащилъ рака изъ горшка—ракъ оказался уже мертвымъ...

Милыя дѣти, всегда помните:—что социаль-революционеру здорово, то члену партіи правого—порядка—смерть.

2. Сталь.

Изъ жерла заводской печи выбросило комокъ расплавленной стали.

Когда сталь застыла, пришло на мысль тяжело-му молоту, который былъ подвѣшенъ на балкѣ, ударить по этому куску стали и уничтожить его, растеревъ въ прахъ.

Молотъ опустился и съ размаху хлопнулъ по стали.

Но сталь не исчезла.

Молотъ поднялся выше и ударилъ сильнѣе.

Сталь чуть-чуть только сплюснулась.

Молотъ озвѣрѣлъ и безчисленные удары посыпались на комокъ стали.

Сталь же все не уничтожалась, а только сплюсчиваясь и истончаясь вытягивалась въ продолговатую, узкую полосу.

Совершенно обезсиленный работой молотъ поднялся вверхъ и остался висѣть на блокѣ. Когда же онъ взглянулъ внизъ на комокъ стали, то съ ужасомъ увидѣлъ, блестящее на солнцѣ, острое, прекрасно отточенное стальное лезвіе...

Милыя дѣти, если вы вздумаете играть „въ правительство“, или въ „генераль—губернаторовъ“, то не принимайте слишкомъ рѣшительныхъ мѣръ, такъ какъ это можетъ кончиться для васъ неприятнымъ скупризомъ.

Импрессионистъ.

ДВА ГРАФА.

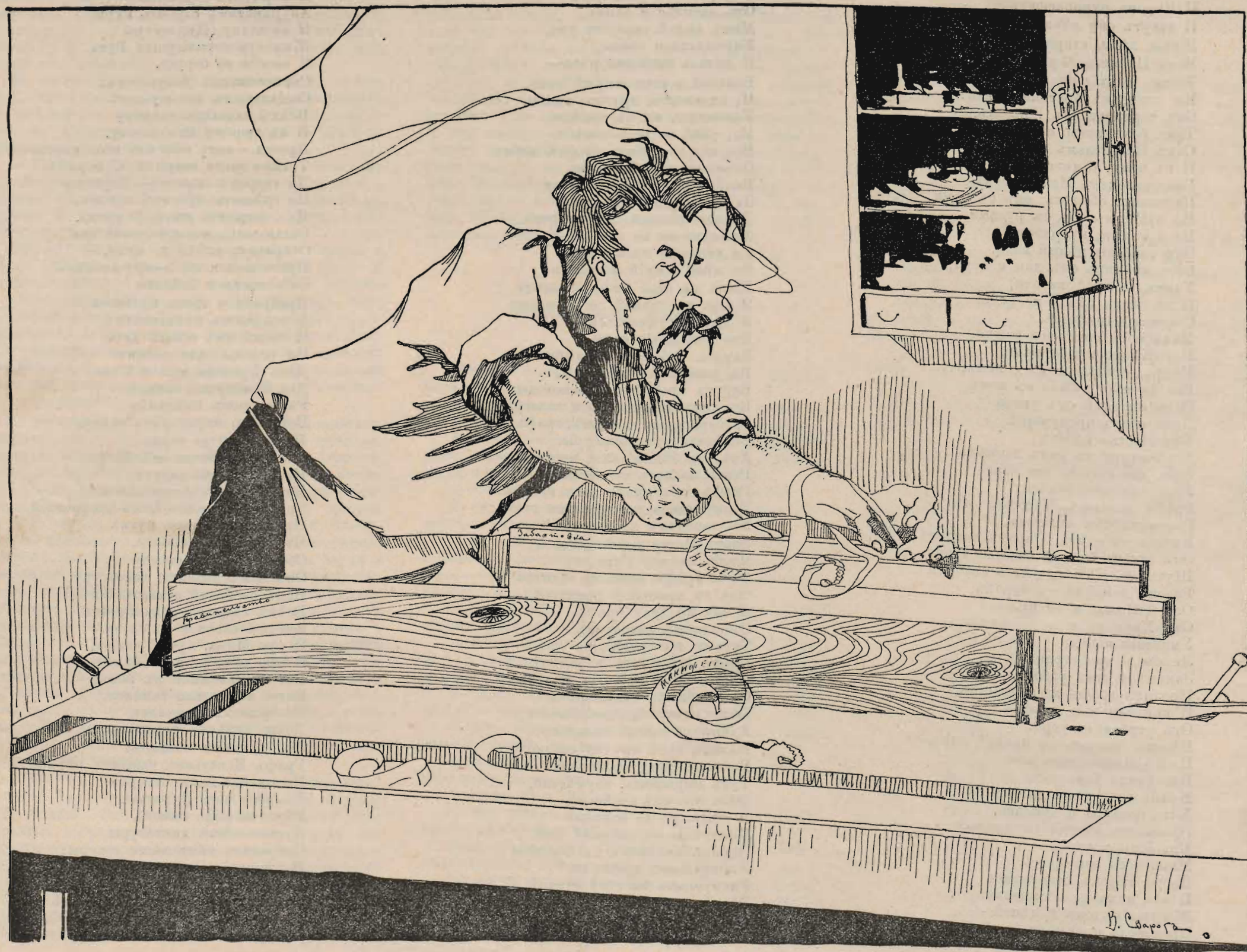
(Поэма).

Витте—графъ новоявленный,
Славы сынъ неизреченный,
Остроуменъ и хитеръ,—
Онъ японцу носъ утеръ.
И утерши носъ японцу,
Возсіавъ подобно солнцу,
Совершилъ онъ чудеса:
Янки пылъ пустилъ въ глаза.
Человѣкъ большого роста,
Всѣхъ плѣнилъ онъ очень просто.
Янки онъ казалъ примѣръ
Упоительныхъ манеръ.
Хлопоча о благѣ мира,
Не забылъ онъ и банкира,
И банкиръ ему внималъ
И поддержку обѣщалъ.
Вотъ онъ море разсѣкаетъ
И къ Европѣ подплываетъ.
Онъ на брегъ ступилъ ногой—
Ужъ не смертный, а герой.

Взоръ его побѣдой блещетъ
И Европа рукоплещетъ,
И несутъ ему вѣнки—
Жены, дѣти, старики.
Вотъ Парижъ. Французы—братья...
Тосты, жаркія объятія...
Но, отвѣдавъ братскихъ винъ,
Онъ торопится въ Берлинъ.
Тамъ блаженство онъ вкушаетъ,
Самъ Вильгельмъ его ласкаетъ,
И къ нему, о дивный сонъ!
Благосклоненъ Мендельсонъ.
Наконецъ, сбылось: онъ съ нами,
Но пріѣхалъ онъ съ руками
Не пустыми, а привезъ
Онъ свободы цѣлый возъ.
Вотъ корнѣтъ онъ дни и ночи,
Утруждая графски очи;
И не спитъ онъ и не ѣстъ,
Сочиня манифестъ.
Манифестъ сочиненъ важно,
Благозвучно и протяжно,
Мудро, стильно и съ огнемъ,—
Все на мѣстѣ было въ немъ.
И не вызвалъ онъ укора
Даже оберъ-прокурора:
Благочестія идеалъ
Корректуру въ немъ держалъ.
Вотъ для общаго для блага
Ужъ одобрена бумага.
Графъ доволенъ. Тиснулъ онъ
Экземпляровъ миллионъ.
Вышла въ свѣтъ. Народъ ликуетъ,
Онъ залогъ въ ней счастья чуетъ.
Шутка-ль? Цѣлыхъ пять свободъ
Разомъ двинули въ народъ.
Отъ Тифлиса и до Колы
Отъ Харбина и до Шпола—
Умиленія полна,
Ликовала вся страна.
Закипѣла тутъ работа,
Пролилъ графъ не мало пота,
И кричали всѣ „ура“—
Отъ утра и до утра.
Что-жъ, сказать по правдѣ надо,—
Послѣ Плевенскаго ада
Наступила благодать,—
Можно воздухомъ дышать.
Хоть цензура и ярилась,
Пресса-жъ выдать умудрилась
Милліоны номеровъ
Мимо носа цензоровъ.
Двери тюремъ отворялись
И изъ нихъ освобождались
Жертвы пытокъ и цѣпей—
Произвола прежнихъ дней.
Отрывались границы,

Возвращались вереницы
Эмигрантовъ-бѣглецовъ
Отъ насилья и оковъ.
Межъ людей окрѣпли узы,
Учреждалися союзы
И лилась свободно рѣчь—
Вольной мысли острый мечъ.
И, отдавшись дружно хмелю,
Упивались мы съ недѣлю.
Но, увы! за то потомъ
Все пошло у насъ вверхъ дномъ.
Объявились забастовки,
Вслѣдъ за ними голодовки,
За обструкціей-бойкотъ,
Дальше больше, все впередъ.
Мужички-же не зѣвали,
Да усадьбы поджигали.
Къ цѣли всякій молодецъ
Шелъ на свой вишь образецъ.
Жизнь въ странѣ остановилась
И Европа удивилась,
Что вчерашніе рабы
Вдругъ вскочили на дыбы.
Въ довершеніе невзгоды,
Вдругъ прозрѣли письмоводы;
Къ нимъ примкнулъ и телеграфъ.
Разберись-ка въ этомъ, графъ.
Возопили тутъ банкиры:
Ахъ, мы бѣдны, ахъ, мы сирь!
Рента падаетъ стремглавъ,—
Графъ, отъ краха насъ избавь.
Возмутились въ верхнемъ станѣ:
Мы танцуемъ на вулканѣ!
Этотъ Витте ждать готовъ,
Чтобъ явился Пугачевъ
Витте графъ намъ не годится,
Онъ съ крамолою роднится,
И ему по духу братъ
Соціальный демократъ.
Тутъ-то выступилъ на сцену
Графъ Игнатьевъ и измѣну
Взялся въ корнѣ онъ пресѣчь,
Онъ держалъ такую рѣчь:
Витте слишкомъ либераленъ,
А народъ всегда нахаленъ,
Палецъ ткни ему ты въ ротъ,
Всю онъ руку отгрызетъ.
Тутъ мирволить, неумѣстно,
Дѣло это мнѣ извѣстно,—
Я вѣдь это не впервой
Выступаю въ славный бой.
Лорисъ-Меликовъ въ дни оны
Либеральные трезвонъ
Распускалъ по всей странѣ.
Надобло это мнѣ.
Въ руки взявъ бразды правленія,
Я безъ страха и сомнѣнія

Всѣ реформы упразднилъ
И порядокъ водворилъ.
Анархистамъ строить куры
Я не стану. Диктатуры
Жаждетъ страждущая Русь.
Я ввести ее берусь.
Самозванныхъ депутатовъ,
Соціальныхъ демократовъ—
Всѣхъ внезапно захвачу
И въ тюрьму ихъ заточу.
Пресса,—вотъ онъ зла весь корень—
Только нашъ старикъ Суворинъ
Да творецъ портовъ—Перцовъ
Не грѣшатъ противъ основъ.
Ихъ оставить жить до срока.
Остальныхъ въ мгновение ока
Сократить всѣхъ до нуля,—
Пусть попляшутъ—тру-ля-ля...
Забастовки и бойкоты
Прекратить чрезъ пулеметы;
А солдатомъ приласкать
И паекъ имъ новый дать.
Но условье: для почина
Дать Фролова мнѣ и Мина.
Два помощника такихъ—
Разговоромъ никакихъ.
Всѣмъ по вкусу рѣчь такая.
Ни минуты не теряя,
Къ графу Витте всѣ бѣгутъ
И такую рѣчь ведутъ:
Витте, грифъ Американскій!
Графъ Игнатьевъ Санъ-Стефанскій
Предлагаетъ намъ пути,
Чтобы родину спасти.
Сберегая нашу шкуру
Онъ намъ вводитъ диктатуру,
Надъ свободой ставить крестъ
Всѣхъ сажаетъ подъ арестъ.
Все отъ слова и до слова:
И про Мина, про Фролова,
И про прессу, про бойкотъ,
Все ему вложили въ ротъ!
Витте нѣсколько замаялся,
На затылкѣ почесался,
Долго думалъ—размышлялъ,
И обдумавши сказалъ:
Графъ Игнатьевъ мыслить вѣрно:
Положеніе наше скверно.
Но пока есть Дурново,
Намъ не надо никого.
Дурново безъ диктатуры
Сохранить вамъ ваши шкуры;
И пѣтухъ не пропоетъ,
Какъ свободу онъ смететъ.
Признаюсь, меня въ Портсмутѣ
Рузевельтъ настроилъ къ смутѣ,
Но теперь и самъ позналъ,

Хозяинъ положенія.

ГОВОРЯЩІЯ ТѢНИ.

Онъ въ силѣ былъ, и Дурново
Былъ тѣнью лишь его.

Когда-жъ судьба смела его
Онъ сталъ лишь тѣнью Дурново.

Русская конституція—дама нѣжная, хрупкая, пухливая—попалась въ руки людоедамъ.

Что съ свободой маху далъ.
Васъ прошу я—погодите,
Пусть не графъ я буду Витте,
Если слова не сдержу
И крамолу не сражу.
Витте на посту остался,
Графъ Игнатьевъ ступевался,
И отправившись въ свой домъ,
Молвилъ онъ: мы подождемъ.
Скоро сказка говоритъ
Дѣло жъ мѣшкотно творится.
Но однако, ничего:
Живъ курилка—Дурново!

Ъ—шовъ.

Переписка.

Ахъ, милая Мими, если-бы ты знала! У насъ здѣсь дѣлаются такія вещи, что у рара волосы на парикѣ, который онъ носитъ, встаютъ дыбомъ.

Можешь себѣ вообразить, восемь редакторовъ газетъ совершили каждый по одному убійству. Да, да, ты этому не повѣришь, потому-что тебѣ извѣстно, что редакторы, это—литераторы, которые не занимаются разбойничествомъ на большой дорогѣ. Но это такъ, это такъ. Рара пріѣхалъ сегодня изъ своего департамента и сообщилъ намъ, что восемь редакторовъ будутъ сосланы въ каторгу или—самое меньшее—посажены въ крѣпость. Я спросила его:—что-же они сдѣлали? А онъ нахмурился и сказалъ:

— Воспитанной дѣвушкѣ даже не слѣдуетъ знать о такихъ вещахъ.

Тогда я спросила кузена—Мишеля. Онъ хотя и молодъ и только правовѣдъ, но все-таки кой-что въ политикѣ понимаетъ. Я спросила: за что ссылаютъ въ каторгу и сажаютъ въ крѣпость?

— За убійство! отвѣтилъ Мишель. — Впрочемъ, прибавилъ онъ,—это было до дарованія намъ конституціи, а послѣ дарованія стали еще посылать на каторгу за мысли, не согласныя съ видами конституціоннаго правительства.

— Какъ? воскликнула я:—за мысли въ каторгу?

— *Man dieux*, но иная мысль хуже убійства!

— Ахъ, Мишель, но это ужасно! А вдругъ у меня въ головѣ окажется какая нибудь мысль, не согласная съ видами конституціоннаго правительства!

— Это никакъ не можетъ случиться! Отъ этого мы съ тобой застрахованы нашимъ рожденіемъ и воспитаніемъ въ порядочномъ обществѣ.

Я, конечно, успокоилась. Но родинѣ отъ этого не легче. Вчера пріѣзжалъ къ намъ дядя—Жанъ. Ты знаешь его, онъ тульскій помѣщикъ и камергеръ. Онъ явился въ бѣлыхъ... ну, ты догадываешься, что у камергера бываетъ бѣлое,—весь раззолоченный и съ ключемъ... не могу сказать тебѣ, на какомъ мѣстѣ. Это, видишь-ли ты, онъ гдѣ то представлялся. Пріѣхалъ онъ такой радостный, все руки потиралъ и говорилъ:

— Ничего, ничего! Еще не все потеряно... Графъ, наконецъ, взялся за умъ и рѣшилъ гвердо ступить на путь правового порядка...

— А что это такое—правовой порядокъ? спросила я, какъ ты знаешь, всегда неудержимо любопытная.

— Правовой порядокъ? А вотъ, видишь-ли, вчера арестовали 250 человѣкъ.... завтра арестуютъ столько же.... Ну, а тамъ, по мѣрѣ надобности, сколько потребуется... Вотъ это и есть правовой порядокъ.

Дядя Жанъ очень много говорилъ о томъ, какъ онъ представлялся. Онъ въ восторгѣ отъ любезности. Только, говоритъ, ничего не обѣщали. Благодарили, но не обѣщали. Между тѣмъ дядя Жанъ и другіе, которые были съ нимъ, надѣялись, что имъ что нибудь выдадутъ. Дядя Жанъ—дворянинъ старинной фамиліи и истинно-русскій человѣкъ. Онъ сказалъ:

— Мы, истинно-русскіе люди, издавна привыкли, чтобы намъ что нибудъ выдавали. И вдругъ...

ничего. Ужъ не говорю о новыхъ вотчинахъ—объ этомъ теперь не можетъ быть и рѣчи, потому что мужики и старья собираются отнять, но по крайней мѣрѣ хоть по шубѣ съ плеча...

И вообрази, нашъ старый лакей Никодимъ вдругъ осмѣлился и, подавая ему пломбиръ, сказалъ:

— Этакъ и шубъ не хватитъ, ваше превосходительство...

Дядя Жанъ строго посмотрѣлъ на него, но ничего не сказалъ, а когда Никодимъ ушелъ, онъ объяснилъ:

— Съ этимъ народомъ надо быть осторожными. У нихъ у всѣхъ за поясомъ по финскому ножу. Притомъ еще напишетъ въ деревню своимъ и начнутъ сѣно жечь.

Я узнала, что жечь сѣно и другіе хозяйственные запасы сдѣлалось любимымъ занятіемъ мужиковъ. И происходитъ это оттого, что мужики—не истинно-русскіе люди. Они собираются ночью, поджигаютъ усадьбу и такимъ образомъ устраиваютъ себѣ иллюминацію.

Видишь, какъ все это удивительно! Моя бабушка (ей 90 лѣтъ и она живетъ съ нами) говоритъ, что въ ея время (приблизительно лѣтъ 60 тому назадъ) за такія иллюминаціи устроили бы поголовную порку и все какъ рукой сняло-бы.

Я спросила, что такое порка. И мнѣ отвѣтили, что если я буду задавать подобные вопросы, то ни одинъ порядочный мужчина изъ общества на мнѣ не женится.

Ахъ, милая, теперь такъ ужасно много явилось словъ, которыхъ я не понимаю. и о которыхъ нельзя спрашивать. Напримѣръ: реакція (и еще рара всегда прибавляетъ,—крутая: „необходима крутая реакція“!), диктатура („только диктатура можетъ спасти Россію“) военно-полевой судъ („всѣ судебныя учрежденія должны быть уничтожены и замѣнены военно-полевымъ судомъ—равнымъ для всѣхъ гражданъ, за исключеніемъ особъ, имѣющихъ пріѣздъ по двору“) и многія другія.

Также есть имена, о которыхъ нельзя и заикнуться, потому что у всѣхъ сейчасъ-же глаза наливаются кровью и нижняя губа начинаетъ трястись. Напримѣръ, я спросила, кто это такой—Хрусталева-Носаръ? Рара посмотрѣлъ на меня исподлобья и проворчалъ:

— Неужели даже въ собственномъ домѣ нельзя избѣжать этой отравы? Въ другой разъ я по-

интересовалась узнать—что это такое—лейтенантъ Шмидтъ?

Такъ вообрази, милая Mimi, всѣ взрослые, (мы въ эту минуту ѣли французскій горошекъ а la maitre d' hôtel) разомъ поперхнулись и закашляли, а бабушка такъ кашляла, что думали—она сейчасъ умретъ. Едва-едва откачали ее

А въ третій разъ я спросила, кто это такой Максимъ Горькій? Такъ рара обратился къ тамапъ съ такими словами:

— Кажется, наша дочь послѣ института получила еще дополнительное образованіе у нашего кучера...

Тяжело—chere Mimi, жить въ наше время молодой, воспитанной дѣвушкѣ. Всѣ говорятъ обо всемъ и все мы слышимъ, а когда захотимъ знать, что это означаетъ, оказывается, что это неприлично. Не понимаю только, зачѣмъ-же они постоянно говорятъ о неприличномъ?

Прощай, милая. Je t'embrasse! Пожалуйста напиши мнѣ изъ деревни, дѣлаютъ ли у васъ мужики иллюминацію изъ вашего сѣна?

Nini.

Какъ въ ненастные дни
Собирались они

Часто,
Чтобы мѣры сыскать
Да свободѣ сказать—
Баста!

Только имъ не везло,
Это дѣло не шло
Вовсе.

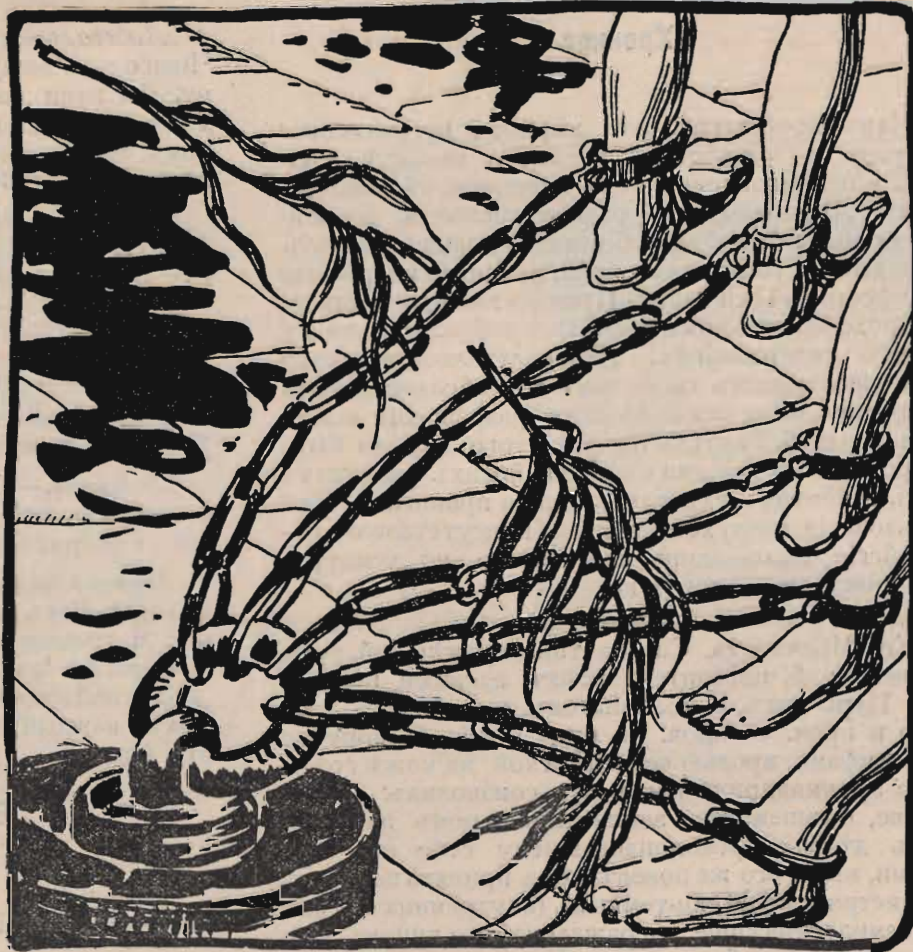
Развѣ тутъ до свободѣ,
Коль министръ продаетъ
Овсы?

Любо имъ, что за нихъ
Хулигановъ лихихъ
Свора.

Да Дубасовъ—герой
Напустилъ надъ Москвой
Вадора.

Эй почтенный Бедламъ,
Надоѣла ужъ намъ
Шутка....

Лучше самъ уберись,
А не то берегись—
Нутка!

Пять свободъ.

Хроника

Намъ сообщаютъ изъ вѣрныхъ источниковъ: На ряду съ выработкой устава о свободѣ союзовъ и неприкосновенности личности, въ министерствѣ Дурново-Витте разсматриваются временныя правила о свободѣ „безпрекосновенно дышать воздухомъ“. (Шестая свобода, не предусмотрѣнная манифестомъ 17 Октября). Правила должны выйти въ не продолжительномъ времени, приблизительно съ такимъ содержаніемъ: „Предоставляется право всѣмъ желающимъ свободно и невозбранно дышать воздухомъ, но не иначе, какъ съ разрѣшенія всякій разъ властей. Разрѣшеніе для этого должно быть испрашено за три дня въ полицейскихъ участкахъ тѣмъ райономъ, гдѣ данныя лица прописаны. При пользованіи воздухомъ должны присутствовать полицейскіе чины—одинъ или больше, по усмотрѣнію участковаго пристава.

Его Мрачность, Сатана тѣмы кромѣшной, духъ преисподней, повелитель всѣхъ адскихъ провинцій, Царь мукъ, король пытокъ, врагъ всего свѣтлаго и проч. и проч. и проч., собственноручно іероглифами, кровью человѣческой на кожѣ грѣшнаго архимандрита начертать соизволилъ: „Фону-Плеве, бывшему на земля министромъ внутреннихъ дѣлъ, зарекомендовавшему себе еще при жизни, нынѣ его же повелѣваемъ принять портфель Министра дьявольски-темныхъ (внутреннихъ) дѣлъ и всемилостивѣйше награждаемъ его чиномъ дѣйствительнаго тайнаго протобѣса.

— Тотъ-же корреспондентъ изъ кромѣшнаго ада по беспроволочному телеграфу сообщаетъ намъ:

„По инициативѣ его высокопревосходительства министра чертовски—темныхъ (внутреннихъ) дѣлъ Фона Плеве, у настоящаго правительства на этомъ свѣтѣ будетъ сдѣланъ заемъ въ суммѣ ста милліоновъ рублей золотомъ. Деньги будутъ израсходованы на усовершенствованіе новаго министерства протобѣса фона-Плеве. Вся эта сумма цѣликомъ пойдетъ на устройство въ преисподней департамента тайной полиціи. Дѣтище новаго министра, за которое онъ, будучи въ этой почетной должности на землѣ, положилъ свой животъ. Разсчитываютъ на полный успѣхъ займа. Деньги будутъ препровождены въ Таръ—Тарары черезъ германскихъ банкировъ, съ одобренія Вильгельма.

„Въ курсѣ дѣла“.

Встрѣчается либераль съ „пустымъ человѣкомъ“. У послѣдняго въ глазу монокль,—черезъ который онъ не видитъ ни зги.

Либераль—Ну? что новаго въ свѣтѣ?

Для борьбы съ голодомъ назначили генераловъ съ пулеметами? Знаю, знаю.

Бываете у полковника Скалозуба?

Пустой человѣкъ—Сейчасъ только отъ него. Глафира Матвѣвна изъ крима вернулась. Похорошѣла, чертъ возьми. Понимаете, отъ нея вѣетъ какимъ-то дьявольскимъ ароматомъ, который слѣпить глаза, бросается въ носъ и даже ворту дѣлается сладко!

Либераль—Ахъ! Вы все не о томъ! Чихаю я на вашу Глафиру Матвѣвну! Съ вами разговаривать невозможно: вы весь пропитались эротизмомъ. Мнѣ интересно знать, что дѣлаетъ Скалозубъ?

Пустой человѣкъ.—Пьетъ, ѣстъ, куритъ хорошія сигары... Что-же ему больше дѣлать!

Либераль. Это правда, — ему больше нечего дѣлать. Ну а съ солдатами какъ?

Пустой человѣкъ.—съ солдатами?.. Я думаю, командуетъ.

Либераль.—Командуетъ? Гм... А я слышалъ кой что про солдатскія щи... Говорятъ, это не щи, а помой!..

Пустой человѣкъ—Ахъ, что вы, что вы? Васъ ввели въ заблужденіе. Я только что обѣдалъ у полковника и за обѣдомъ подавали „солдатскія щи“—превосходныя!.. У нихъ каждый четвергъ готовятъ это блюдо...

„Если“.

Если у васъ еще есть совѣсть,—подавайте прошеніе объ отставкѣ.

Если ваша голова пуста, какъ банка изъ подъ королевскихъ сельдей, пишите проектъ государственной думы.

Если хотите быть образцовымъ полицейскимъ—сожгите всѣ корабли.

Можно заговорить гремучую змѣю, укротить абисинскаго льва, потушить огнедышущій вулканъ, но невозможно дѣйствующаго администратора убѣдить въ томъ что его время прошло и что ему пора уѣхать на ривьеру.

„Скромное желаніе“.

Отецъ спрашиваетъ своего сына, мальчика лѣтъ пяти:

— Петя, что тебѣ купить на елку?

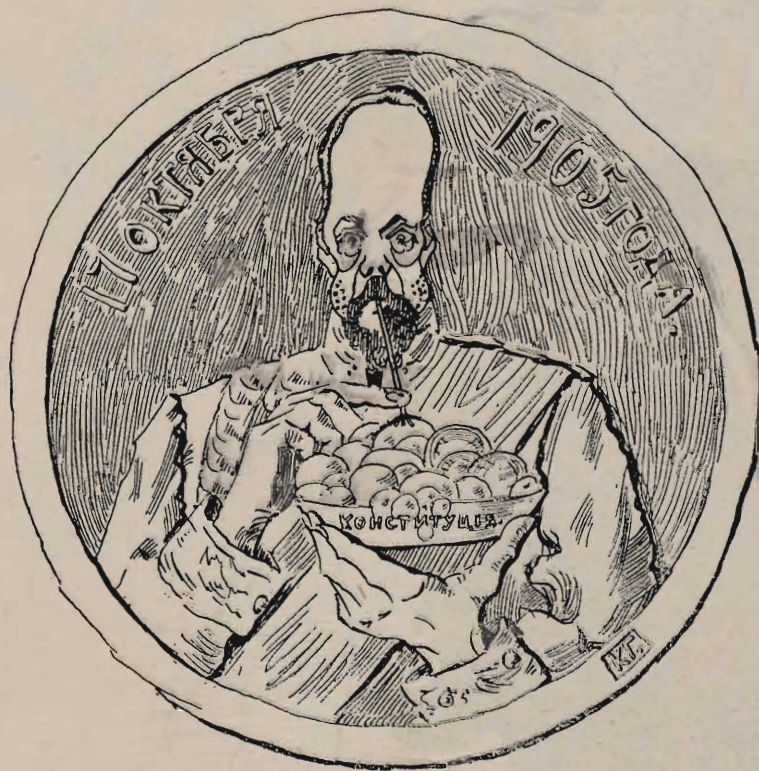
Петя.— Купи мнѣ, папаса, портфель, я хочу быть министромъ.

Кто-кого?

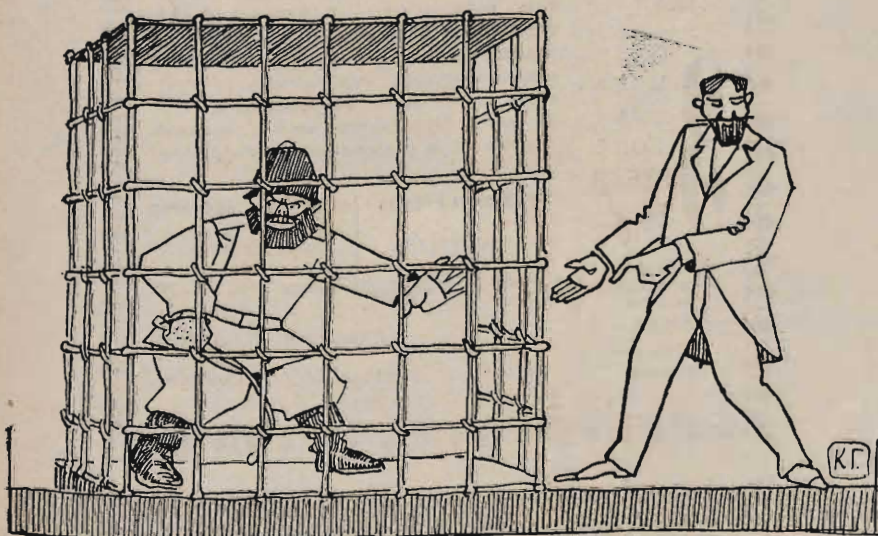

Медаль въ память 17 Октября.

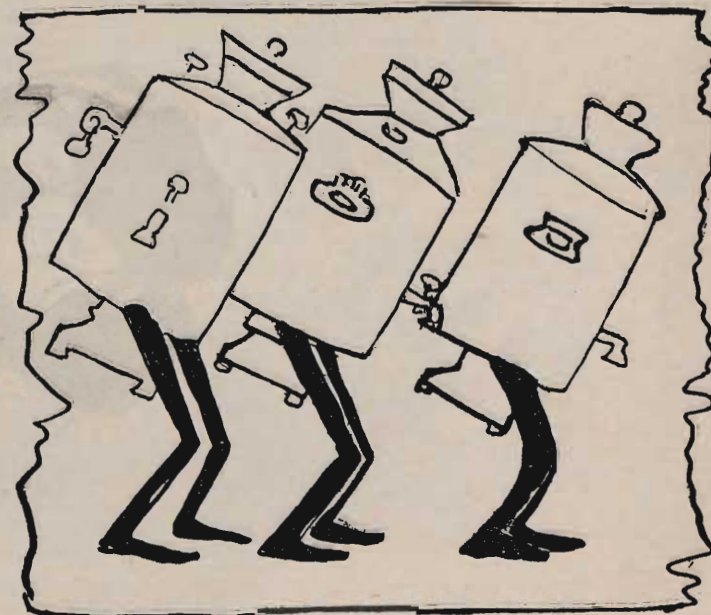

Свобода слова—въ заточеніи.

Одинъ сидитъ, другой подпираетъ.

Укротитель: Звѣрь этотъ водится по побережьямъ рѣкъ Урала и Дона и другихъ но прекрасно переноситъ суровый климатъ Петербурга...

Тульская депутація.

Заря новой жизни.

Издатель К. Четвериковъ.

Отвѣт. Редакторъ И. Н. Потапенко.

1905 г.

Электропечатня К. А. Четверикова. СПБ. Караванная, 7.

10 Декабря.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА на 1906 г.
на первый ЕДИНСТВЕННЫЙ въ Россіи двухнедѣльный
ХУДОЖЕСТВЕН. ЛИТЕРАТУРН. и НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛЪ,
по ОБРАЗЦУ лучшихъ ЗАГРАН. ХУДОЖЕСТВЕН. ИЗДАНИЙ
СЪ РОСКОШНЫМИ МНОГОКРАСОЧНЫМИ КАРТИНАМИ.

„ПРОБУЖДЕНИЕ“

ПРИ УЧАСТИИ ИЗВѢСТНЫХЪ ПИСАТЕЛЕЙ
Издатель Н. В. Норецкій. Редакторъ Н. С. Баранцевичъ.
Цѣна наждого отдѣльнаго № журнала 50 к., съ пересылкой 75 к.
ПОДПИСАВШИЕСЯ на 1906 г. ПОЛУЧАТЬ ВЪ ТЕЧЕНІЕ Г. СЪ 1-го ЯНВАРЯ:
роскошныхъ иллюстрированныхъ выпусковъ двухнедѣльнаго жур-
нала въ ИЗЯЩНЫХЪ ПАПКАХЪ СЪ РЕЛЬЕФНЫМЪ ТИСНЕНІЕМЪ
ЗОЛОТОМЪ и КРАСКАМИ.

24

(1-го и 15-го числа каждаго мѣсяца).
12 выпусковъ „Свободныя рѣчи“. фельетонъ. 12 выпусковъ „Про-
винція“. Обзоръ общественной дѣятельности въ провинціи, съ
портретами видныхъ провинціальныхъ дѣятелей. 12 выпусковъ
„Хрестоматія“. Критическій обзоръ произведеній появляющихся
въ періодическихъ изданіяхъ. 12 выпусковъ „Государственная Дума“. 12
выпусковъ „Идѣйный театръ“. Новыя, выдающіяся по мысли
драматическія произведенія. Комедіи и драмы 12 портретовъ по-
пулярныхъ современныхъ дѣятелей, литераторовъ и худож-
никовъ. 12 портретовъ „Наши освободители“, съ біографіями об-
щественныхъ дѣятелей принимавшихъ участіе въ освобожденіи
народа. 12 роскошныхъ многокрасочныхъ копій съ картинъ ве-
дущихъ художниковъ. 6 пейзажей воспроизведенныхъ множествомъ
красокъ, автотипией и хромо-литографіей. 6 картинъ извонен-
ныхъ Фототипіей красками. 6 картинъ въ декадентскомъ стилѣ, ис-
полненныхъ красками съ золотомъ и серебромъ. 6 многокрасоч-
ныхъ копій съ картинъ знаменитыхъ художниковъ религіознаго
содержанія. 12 цвѣтныхъ этюдовъ воспроизведенныхъ радужной
печатью съ картинъ вѣстныхъ художниковъ. 6 многокрасоч-
ныхъ картинъ съ изображеніемъ цвѣтовъ.
одна роскошная картина воспроизведенная красн. на Бѣломъ АТЛАСѢ.
ГЛАВНАЯ КОНТОРА Спб., Невскій пр. № 53.
ПОДПИСНАЯ ЦѢНА: въ годъ 6 руб. съ пересылкой, на полгода 4 руб.

Съ 15-го Ноября выходитъ ежедневная

ПОЛИТИКО-ЭКОНОМИЧЕСКАЯ и ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

„ОБНОВЛЕННАЯ РОССИЯ“.

Газета высылается со дня полученія денегъ.

Подписка на
1906 г.
открыта

3 ЦѢНА
ЗА
ГОДЪ
РУБЛЯ
60 к.,

съ доставкой
и пересылкой
по всей
Россіи.
допускъ раз-
строчка.

Газета „Обновленная Россія“ ста-
витъ себѣ цѣлью: борьбу за новую дѣй-
ствительно, обновленную Россію и без-
пристрастную, живую разработку
всѣхъ вопросовъ, связанныхъ съ судь-
бами и положеніемъ русскаго крестъ-
янства, деревенской интеллигенціи.
городскаго и сельскаго пролетаріата.

Главн. Контора и Редакція. ОТДѢЛЕНІЕ. КОНТОРЫ:

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Стрем., № 12, с. 8. Невск. пр., № 96.

Редакт. А. Е. Зоринъ.

Издатель П. П. Сойкинъ.

Вслѣдствіе забастовки, № 2 „Волшебнаго
Фонаря“ выходитъ съ опозданіемъ.

КОНТОРА: Спб., Караванная ул., 7. Ц. 10 к. № 3. 23 декабря 1905 г.

Подписная цѣна: на годъ—4 р., на 1/2 года—2 р. 50 к. съ пересылкой и доставкой.

Под редакціей
И. Н. ПОТАПЕНКО

DK262
189

Открыта подписка на 1906 годъ
НА
Волшебный **Фонарь**

Подъ редакціей И. Н. Потапенко.
Еженедѣльный журналъ общественной и политической сатиры и каррикатуры

Смѣхъ—таковъ же орудіе борьбы, какъ ружья, пушки, револьверы, торпеды, сабли и ножи. Но въ то время, какъ эти орудія дѣйствовали во всю, смѣхъ на Руси бездѣйствовалъ, ему былъ зажатъ ротъ и онъ принужденъ былъ ограничиваться беззубымъ хихиканьемъ по адресу того, что менѣе всего заслуживало осмѣянія.

Теперь мы получили право смѣяться и будемъ смѣяться смѣло, громко и безпощадно. И пусть всякій, кто владѣетъ этимъ тонкимъ и острымъ оружіемъ, приходитъ къ намъ и смѣется вмѣстѣ съ нами. Будь то слово или рисунокъ, страницы нашего журнала къ его услугамъ. Смѣхъ громкій, смѣлый и безпощадный. Но избави насъ Богъ отъ грубаго площаднаго смѣха,—онъ достойнѣе улицы, мы же работаемъ въ храмѣ искусства.

Подписка приним. въ конторѣ журнала: Спб. Караванная, 7.
Подписная цѣна за годъ 4 рубля.
" " " полгода 2 р. 50 к.
" " " Отдѣльный № 10 коп.
Издатель. К. Четвериковъ.

Щекотливые вопросы.

25-го Декабря, въ день Рождества, ежегодно празднуется воспоминаніе объ избавленіи Россіи отъ нашествія Галловъ и съ ними „двунадесять языкъ“. Въ церквахъ служится благодарственное молебствіе.

Это было въ 1812 году. Французы тогда стояли въ Москвѣ. Свѣтлѣйшій князь Кутузовъ зажегъ Москву и этимъ изгналъ изъ нея французовъ.

Теперь Москва опять горитъ, но никакихъ Галловъ (кромя тѣхъ, что подвизаются у Омона) въ ней нѣтъ. Нѣтъ и князя Кутузова-Смоленскаго, а есть только генералъ Дубасовъ.

О чемъ въ церквахъ будутъ молеbstвовать 25-го Декабря?

Впрочемъ, кажется, это щекотливый вопросъ..

* * *

Говорятъ, что прибалтійскіе помѣщики прислали делегатовъ къ правительству съ просьбой о присылкѣ войскъ для защиты отъ латышей.

Говорятъ, что правительство отвѣтило делегатамъ:—а когда вы, почтенные бароны, выжимали изъ латышей послѣдніе соки и обращались съ ними, какъ съ собаками,—о чемъ же вы тогда думали?

И будто бы делегаты отвѣтили:—мы брали примѣръ съ васъ, по русской пословицѣ: каковъ попъ, таковъ и приходъ. Мы, нѣмцы, очень любимъ русскія пословицы.

Послѣ этого правительство послало войска въ прибалтійскій край.

* * *

Мы имѣемъ возможность опровергнуть слухъ, будто арестъ редакторовъ многихъ газетъ и внесеніе каждымъ изъ нихъ десяти тысячнаго выкупа за свободу способствовали оживленію денежнаго рынка вообще и замѣтному подъему государственной ренты въ частности. Суммы эти не вносятся въ государственный бюджетъ, такъ какъ имъ дается особое *спеціальное назначеніе*...

Дневникъ хроникера.

(Матеріалы для будущаго историка),

Декабря 1-го. Въ городѣ спокойно.

Почту разносятъ почтальоны—первый разъ по возобновленіи.

Дурново объявляетъ почтово-телеграфныхъ чиновниковъ измѣнниками.

Графъ Витте, утомленный усиленной шлифовкой пяти свободъ, мирно отдыхаетъ.

Декабря 2-го. Союзъ почтово-телеграфныхъ чиновниковъ объявляетъ Дурново измѣнникомъ.

Неприкосновенность личности торжественно подтверждается: арестъ совѣта рабочихъ депутатовъ. Графъ Витте приподымаетъ забрало.

Декабря 3-го. Выходъ въ свѣтъ манифеста рабочихъ депутатовъ.

Осуществляется одна изъ пяти свободъ, наиболѣе отшлифованная, а именно: 8 газетъ конфискуются и 8 редакторовъ сажаются подъ арестъ.

Вводится новый родъ государственныхъ доходовъ: десяти тысячный выкупъ на волю арестованныхъ редакторовъ.

Въ городѣ разносится слухъ о золотыхъ каретахъ. Чуткіе обыватели на этомъ строятъ золотыя надежды.

Декабря 4-го. Золотыя надежды, основанныя на золотыхъ каретахъ, опровергаются.

Газетъ нѣтъ, но есть „Новое Время“.

Матросы согласились выйти съ музыкой на прогулку.

Ковенскій губернаторъ хочетъ бѣжать, но Дурново не разрѣшаетъ.

Слухи о предстоящемъ манифестѣ къ войску. Жители укладываются.

Декабря 5-го. Правительственное сообщеніе: черныя сотни призываются къ дѣлу.

Матросовъ угощаютъ свѣжимъ мясомъ. Витте сжигаетъ имъ же самимъ выданныя свободы. Дурново обнаруживаетъ воинственный пылъ.

Декабря 6-го. Ждутъ патріотической манифестаціи и погрома.

Стаховичъ оповѣщаетъ Россію объ овсѣ Дурново. Россія удивляется. Франція негодуетъ по поводу того, что министръ такъ мало хотѣлъ заработать изъ казенныхъ денегъ.

Жители бѣгутъ.

Декабря 7-го. Ждутъ отъ Дурново опроверженія, но Дурново молчитъ. Жители все таки бѣгутъ.

Декабря 8-го. Объявлена всеобщая забастовка. Горожане запасаются провизіей.

Дурново молчитъ.

Декабря 10-го. Забастовка состоялась въ Москвѣ. Въ Петербургѣ не клеится. Всѣ начинаютъ понимать, что это была ошибка.

Казачи усиленно разъѣзжаютъ по улицамъ. Въ городѣ спокойно. Есть раненные. Ихъ складываютъ въ участкахъ.

Декабря 12-го. Газетъ нѣтъ, но есть „Новое Время“.

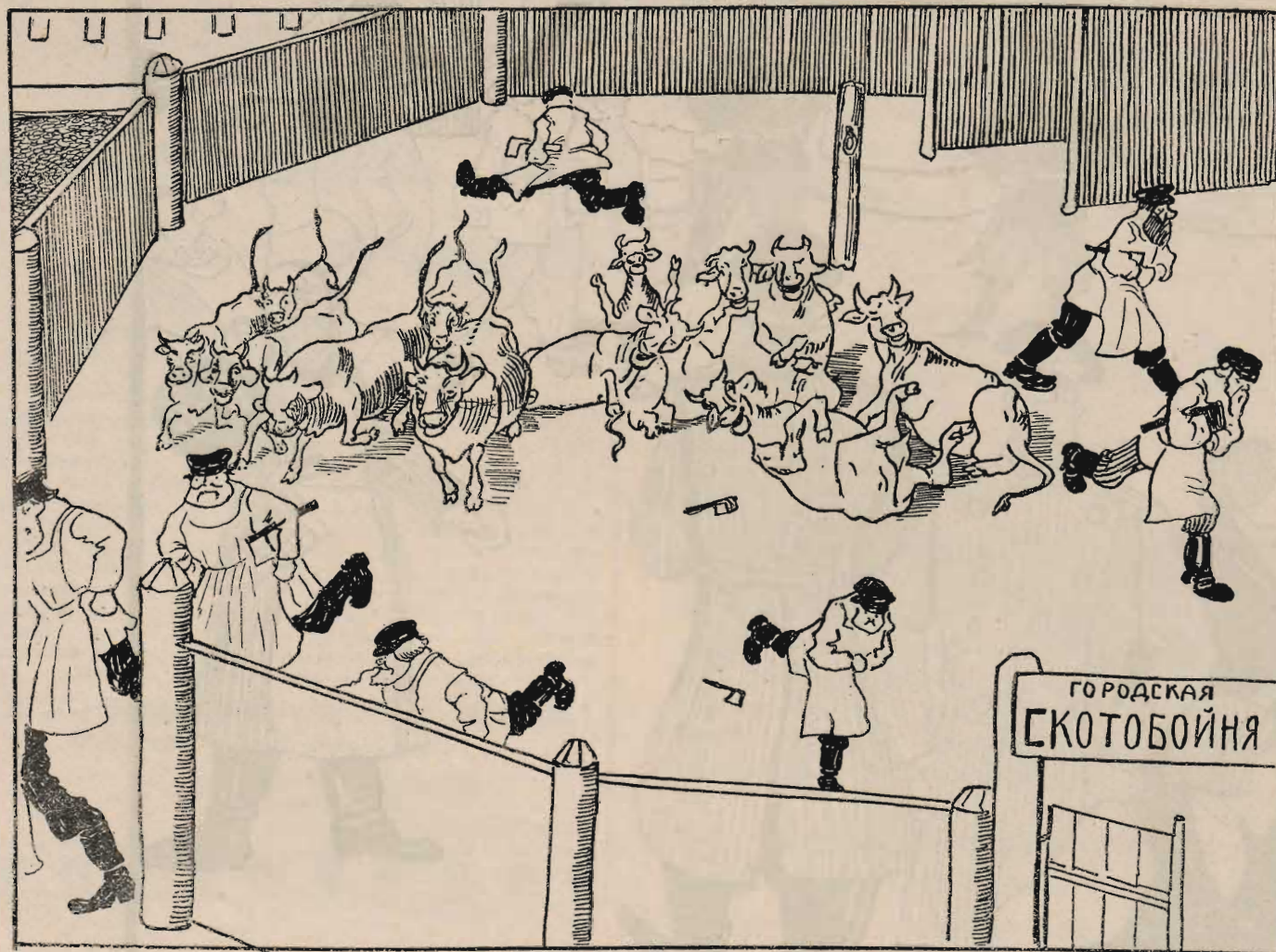
Въ Москвѣ вспыхнуло вооруженное возстаніе. Петербургъ дрожитъ отъ страха. Нѣкоторые военные генералы и гражданскіе тайные совѣтники (и дѣйствительные) впади въ летаргическій сонъ.

Декабря 13-го. На окраинахъ города столкновенія. Казаки и пѣхота легко одерживаютъ побѣды.

БЕЗПЛАТНЫЕ КУРСЫ
обучения патриотических манифестантовъ. (Подробности см. на оборотѣ).

Веселая забастовка.

Идетъ усиленная перевязка ранъ. Марля и вата вздорожали, но государственная рента упала.

Въ остальномъ все спокойно.

Декабря 15-го. Генералъ Мищенко прибылъ на московскій театръ военныхъ дѣйствій. Въ Москвѣ ждутъ Мивина и Пожарскаго, то бишь—Мина и Фролова.

Москва горитъ. Миръ удивляется.

Н. Ф.—в.

БЕЗПЛАТНЫЕ КУРСЫ.

Въ виду назрѣвшей надобности, какъ показалъ горестный опытъ послѣднихъ дней, въ самомъ не-продолжительномъ времени въ Санктъ—Петербургѣ открываются курсы для подготовки боевой дружины для защиты поправныхъ правъ гражданина.

Обученіе на курсахъ бесплатное. При пріемѣ предпочтеніе отдается старшимъ и младшимъ дворянкамъ, а также особамъ первыхъ четырехъ классовъ табели о рангахъ.

Изъ остальной публики принимаются лишь личности, успѣвшія при пропискѣ паспорта въ участкѣ явно доказать свой патріотизмъ.

Съ особеннымъ удовольствіемъ будутъ приниматься лица, добровольно замѣнявшія бастовавшихъ почтовыхъ чиновниковъ, почталіоновъ и телеграфистовъ.

Особамъ, представившимъ удостовѣреніе отъ мѣстной полиціи о совершенномъ ими искроваженіи двухъ или трехъ студенческихъ фізіономій, будутъ выдаваемы ежедневныя пособія.

Курсы распадаются на два отдѣла: теоретическій и практическій.

Теоретическая часть будетъ преподаваться въ участкахъ мѣстными приставами въ званіи ординарныхъ профессоровъ, а, въ случаѣ ихъ отсутствія по дѣламъ службы, ихъ помощниками въ званіи эстра-ординарныхъ профессоровъ.

Программа теоретической части: 1) права человека (Le droit de l'homme) параллельно съ изученіемъ анатоміи кулака.

2) Духъ законовъ (по Монтескьё) въ связи съ положеніемъ объ усиленной охранѣ.

3) Краткая анатомія человѣческаго тѣла съ обозначеніемъ наиболѣе чувствительныхъ мѣстъ. При этомъ по мѣрѣ возможности будутъ устраиваемы практическія занятія, а именно: на тѣлѣ одного изъ арестованныхъ въ предшествующую ночь будутъ при помощи кулака отмѣчаемы таковыя мѣста въ видѣ кровоподтековъ.

4) Элементарное оружіе: а) палка о двухъ концахъ. Изслѣдованіе обоихъ концовъ палки и искусство ихъ одновременнаго употребленія. б) Камень. Краткое ознакомленіе съ динамическими свойствами булыжника. в) Каблукъ и его употребленіе. Преимущества русскаго каблука надъ французскимъ. Каблукъ съ подковой.

5) Переходъ къ болѣе сложному оружію, а именно: ножъ кухонный, ножъ финскій, ножъ сапожный, ножъ мясника. Сравнительное изученіе ихъ достоинствъ и недостатковъ. Кастетъ и его тайныя свойства.

6) Револьверъ, его исторія и примѣненіе у различныхъ народовъ.

7) Сокращенная фізіологія пяти чувствъ: зрѣнія, слуха, обонянія, вкуса и осязанія. Искусство распознаванія при помощи оныхъ. Примѣръ: какъ при помощи обонянія отличить агитатора отъ провокатора.

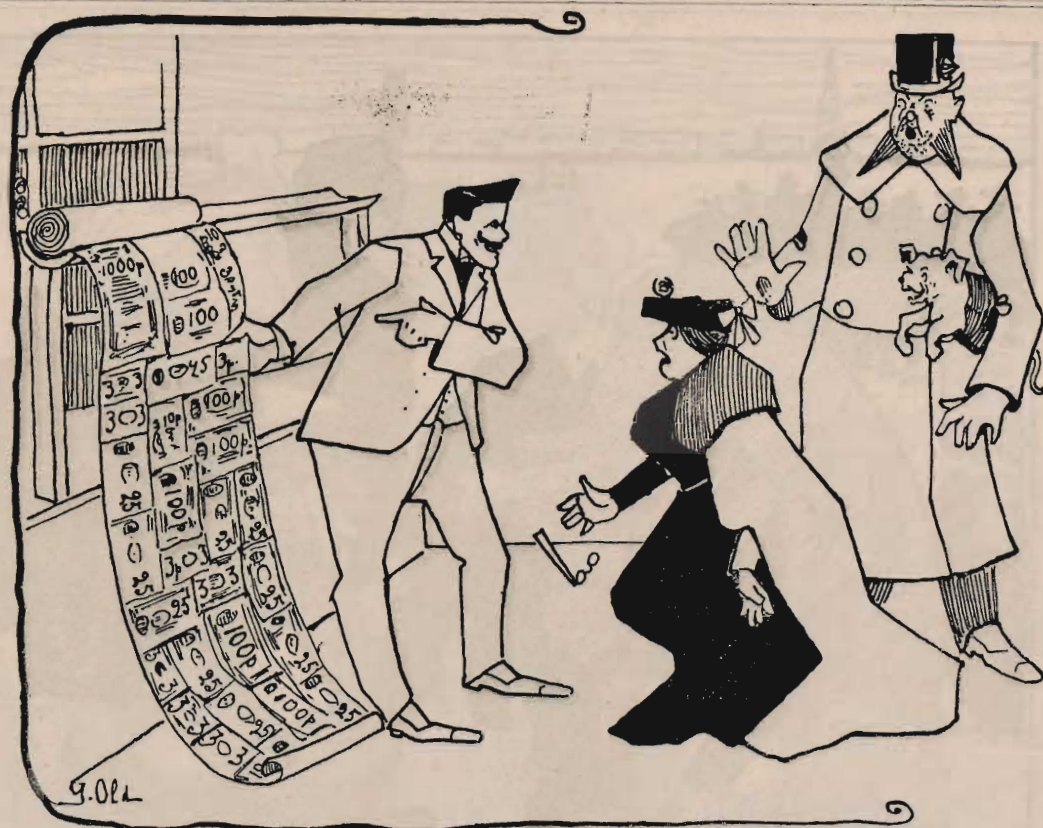
8) Теорія провокаторства. Переодѣваніе. Гримировка, искусство ношенія различныхъ костюмовъ. Голосоподражаніе.

Примѣчаніе. Въ видѣ практическихъ примѣровъ, городовые, при помощи переодѣванія и гримировки, будутъ превращаемы въ продавщицъ клюквы и голландскихъ селедокъ.

9) Совмѣстное чтеніе „Московскихъ вѣдомостей“, „Новаго времени“, „Слова“, „Голоса правды“ и др. правомыслящихъ изданій.

По выслушаніи теоретическаго курса въ полицейскихъ участкахъ, курсисты будутъ приглашены на Марсово поле, гдѣ будутъ устроены практическія занятія.

Программа практическихъ занятій:

Въ магазинѣ обоевъ.

Покупательница. Покажите мнѣ самые дешевые обои...

Продавецъ. Вотъ-съ! Самый послѣдній рисунокъ. Натуральные-съ. Дешевле этихъ во всемъ свѣтѣ не найдете...

Покупательница. ???!!!

- 1) Развитие физической силы: упражненія съ гири,—выжиманіе, выдавливаніе, выталкиваніе.
 - 2) Примѣрные кулачные бои.
 - 3) Ножевая расправа.
 - 4) Стрѣльба изъ револьверовъ.
- Примѣчаніе.* Для двухъ послѣднихъ отдѣловъ будутъ выставлены чучела студентовъ въ надлежащихъ формахъ, для каковыхъ чучелъ будутъ употреблены шкуры, содранныя при подавленіи безпорядковъ. (Смотри рисунокъ).

- 5) Постановка голоса для исполненія патриотическихъ гимновъ и совмѣстное пѣніе таковыхъ.

По успѣшномъ прохожденіи курса, какъ теоретическаго, такъ и практическаго, будутъ произведены экзамены. Лицамъ, обнаружившимъ надлежащія познанія, будутъ выдаваемы дипломы на званіе „патріотическаго манифестанта“, а также полный комплектъ принадлежностей патріотическихъ манифестаций, какъ то: трехцвѣтный флагъ, ножи—кухонный и финскій (ножи другихъ родовъ предоставляется каждому пріобрѣтать на свой счетъ), комплектъ булжника, палка о двухъ концахъ, револьверъ системы Браунинга, кастеты, костюмъ и на-

боръ гримировальныхъ карандашей для провокаціи.

Лица, удостоившіяся диплома, впредь до снятія положенія объ усиленной охранѣ, получаютъ казенное жалованье въ размѣрѣ—смотря по степени обнаруженной каждымъ энергіи. Лица, совершившія особые подвиги, получаютъ единовременное пособіе. Вслучаѣ введенія вознаго положенія, какъ оклады, такъ и пособія выдаются въ двойномъ размѣрѣ.

Въ качествѣ преподавателей курсовъ выступаютъ извѣстныя лица съ славнымъ прошлымъ, однако изъ скромности пожелавшія остаться неизвѣстными.

Митингъ.

На дняхъ состоялся митингъ огородниковъ. Митингъ происходилъ на седьмомъ небѣ изъ предосторожности, такъ какъ не былъ разрѣшенъ полиціей.

Обсуждался вопросъ о борьбѣ съ свободнолетающими птичьими стаями, выклеивающими горохъ, подсолнухи и т. п. Настроеніе у всѣхъ было приподнятое. Послѣ долгихъ преній большинствомъ голосовъ принята слѣдующая резолюція:

„На страхъ врагамъ устроить пугала; для этой

цѣли рѣшено воспользоваться генеральскими мундирами съ эполетами. Постановили послать делегатовъ ко всѣмъ боевымъ генераламъ, дѣйствующимъ внутри государства, особенно—же къ генералу—адъютантамъ, съ просьбой о присылкѣ старыхъ мундировъ, которые они уже не носятъ, конечно за приличное вознагражденіе. Не обошлось и безъ инцидента. Яблокомъ раздора послужилъ мундиръ генерала Трепова, которымъ всѣ присутствовавшіе пожелали воспользоваться.

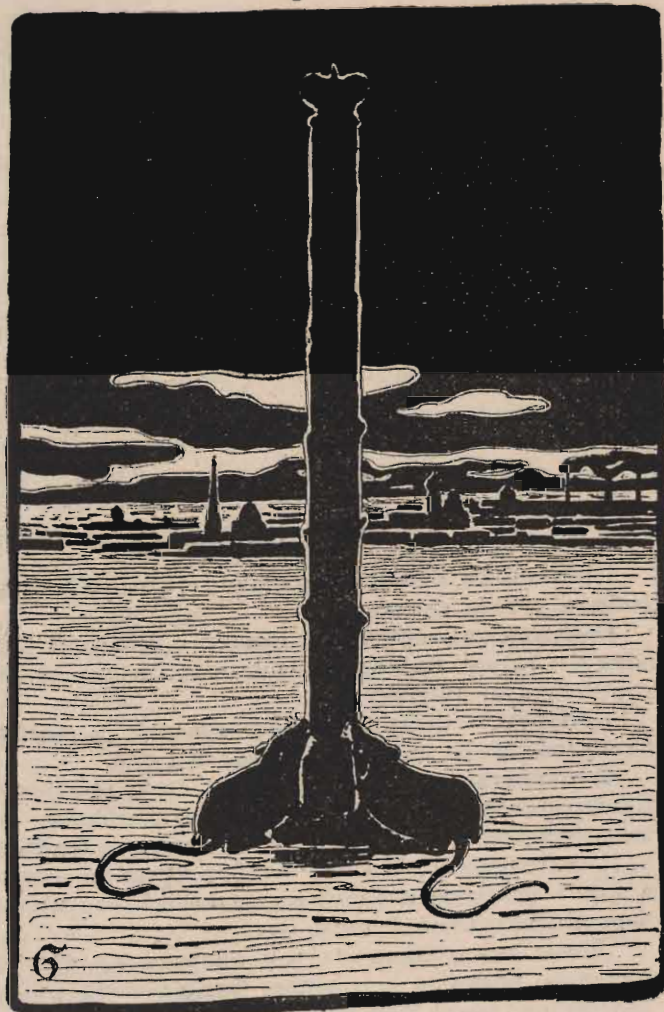
Поднялся шумъ; стаскивали съ трибуны ораторовъ, свистали и уже выѣпились было другъ—другу въ бороды... Но въ это время случилась самая обыкновенная исторія: появилась тѣнь самого генерала Трепова и всѣ успокоились. Этимъ и исчерпался весь инцидентъ. Собраніе было арестовано, а такъ какъ всѣ предварилки, тюрьмы, остроги и крѣпости оказались переполненными, нарушителей порядка отправили къ черту на кулички.

Уходящие. Скорѣй, скорѣй, друзья мои! пойдете по добру, по здорову. А то еще запрутъ границу и тогда... Тогда мало-ли что можетъ случиться. Вспомните 1789 годъ...

Вернушіеся. Идите, идите... Испытайте на своей шкурѣ, каково жить на чужбинѣ, вдали отъ родины и близкихъ людей...

Никто ни видѣлъ, какъ крысы уже двѣсти лѣтъ подгрызали столбъ. Они приходили по ночамъ и тихонько дѣлали свое дѣло. Сторожа спали. Сторожа для того и приставлены, чтобы спать. И вдругъ... Но ужъ это всякій знаетъ, что случилось вдругъ..

— Удивительно, какъ правительство рѣшилось отмѣнить залогъ для издателей газетъ.

— Да оно и не думало отмѣнять, оно только перенесло съ *до* на *послѣ*. Прежде залогъ вносился до изданія газеты, а теперь—послѣ того, какъ выйдетъ нѣсколько номеровъ. И къ тому же размѣръ залога увеличенъ—вмѣсто прежнихъ пяти тысячъ теперь десять...

— Ахъ, такъ значитъ на этой свободѣ оно еще сдѣлало хорошій гешефтъ?

0-0

Бываютъ положенія, въ которыхъ самъ чертъ ногу сломить...

Ослѣпленный темнотою
И задавленный нуждою,
Онъ и пашетъ, онъ и сѣетъ,
Онъ и кормитъ насъ и грѣетъ.
Снисходительны къ намъ боги,
А къ нему отмѣнно строги.
Намъ дарованы законы,

Для него же скорпионы.
Всѣ грѣшимъ мы, но въ итогъ—
Наполняютъ онъ остроги.
Если-жъ бьется за свободу,
Льбѣтъ онъ кровъ свою, не воду.
Поклонимся-же мы въ ноги,
Братья, русскому народу!

ВЪ РОДѢ БАСНИ.

Когда въ товарищахъ согласья нѣтъ,
То мой совѣтъ:
За дѣло вовсе имъ не браться;
А коль взялись, то поскорѣй убраться.
Вотъ вамъ примѣръ,—читайте и судите:
Однажды Дурново да Витте
Внѣдрять свободу на Руси взялись.
И дѣломъ этимъ съ жаромъ занялись.
Изъ кожи лѣзутъ вонъ, а все нѣтъ ходу,

Казань и Харьковъ и Полтава;
Пускай сгоритъ вся Русь—
Я этого ни капли не стыжусь,
Мнѣ—только-бы исправно росъ
Моей жены овесъ,
Да денегъ было-бы довольно у казны,
Чтобъ вдвое оплатить овесъ моей жены.
И такъ они, работая вдвоемъ,

Какъ-будто-бы толкутъ они
лишь воду.
Сперва задача имъ казалась
легка:
Что тутъ мудренаго? Покли-
кать казака,
Да пулеметовъ дюжину по-
ставить,—
Вотъ все потребное, чтобы
народомъ править.
Да вздумали шалить войска,
Мужикъ усадьбы жжетъ,
Рабочіе бастуютъ,
А главное: казна пус-
туетъ.
Вотъ тутъ и начался у нихъ
такой неладъ,
Что дѣло—ни впередъ, ни
взадъ.
Графъ кротостью походить
на овечку,
И, ставя Богу свѣчку,
Въ то-жъ время мастерить
и черту кочергу.
Я, говорить, привыкъ и такъ
и сякъ,
Сегодня другу врагъ,—а за-
втра другъ врагу.
А Дурново кричитъ: не такъ!
Я слабости никакъ не по-
терплю.

И Русь отъ края въ край
я всю испепелю.
Пускай горитъ Москва,
Пускай горитъ она и
разъ и два,
Мнѣ дѣла нѣтъ до этого,
ну, право!

Сгоритъ, быть можетъ, Тверь, Одесса и Вар-
шава,

Идутъ все врозь:

Одинъ бочкомъ, другой-же прямо лбомъ.
Дѣла-же на Руси отчаянны, хотъ брось.
А мой совѣтъ: имъ лучше сговориться,
И, вещи въ чемоданы уложивъ
Да паспорта съ собою прихвативъ,
Скорѣе удалиться
Туда, гдѣ и зимою солнце грѣетъ,
Гдѣ ананасъ, лимонъ и персикъ зрѣетъ.
Не то—коль будутъ ждать покуда—
Не вышло-бы имъ худа.

К. Р.

Сказки почти для дѣтей.

3. Красные штаны.

Жилъ-былъ маленькій мальчикъ, который очень любилъ читать сказки...

Однажды онъ прочиталъ сказку о Красной Шапочкѣ и горько плакалъ о томъ, какъ волкъ съѣлъ хорошенькую дѣвочку...

— Нѣтъ, я былъ бы не такъ простъ...—сказалъ мальчикъ. Я бы самъ съѣлъ волка...

И рѣшилъ мальчикъ испытать свою храбрость. Красную шапочку ему надѣвать не хотѣлось, потому что онъ боялся выказать этимъ излишнюю подражательность. Но онъ надѣлъ красные штаны, и взявъ съ собою корзину съ провизіей, отправился черезъ лѣсъ къ бабушкѣ.

Долго онъ ходилъ вездѣ и впередъ по лѣсу, но никакого волка не встрѣтилъ. Оно и понятно. Лѣсъ находился возлѣ большого города, и волки давно тамъ перевелись.

Наконецъ, огорченный мальчикъ рѣшилъ отправиться дальше, къ бабушкѣ.

Но лишь только онъ вышелъ изъ лѣса, какъ ему встрѣтился нѣкій полицейскій чинъ.

—А почему на тебѣ красные штаны?...—спросилъ онъ.

—Потому что я искалъ волка, а его какъ то неловко встрѣтить не въ красномъ...—храбро отвѣтилъ мальчикъ.

— Нѣтъ, это не резонъ...—замѣтилъ полицейскій чинъ.

— А Красная Шапочка—пробовалъ возразить мальчикъ.—Вѣдь она всегда носила красный головной уборъ.

— Ну, это времена давно прошедшія...—перебилъ его полицейскій чинъ... Тогда вѣдь не было еще конституціи... А впрочемъ—пожалуйте въ участокъ...

И какъ ни отбивался мальчикъ, его поволокли въ участокъ.

Прежде всего тамъ полицейскіе отняли корзину

и съѣли все, что было въ ней приготовлено для бабушки. А потомъ съ мальчика сняли красные штаны, и безъ штановъ отпустили къ бабушкѣ, которая много плакала, увидя внука въ такомъ купомъ нарядѣ.

Милыя дѣти, хотя бы вы и собирались ловить волка—никогда не надѣвайте красныхъ штановъ, тѣмъ паче—если вы еще несете корзину съ провизіей. Потому что на основаніи „временныхъ правилъ“ у васъ могутъ отнять и провизію и штаны.

4. Мухоморъ.

На полянѣ у опушки лѣса, спрятавшись глубоко во мху, росло много разныхъ грибовъ—и бѣлыхъ, и подосинниковъ, и подберезовиковъ и груздей...

Прошелъ теплый, частый дождь, и къ утру грибы увидѣли въ своей средѣ новаго пришельца. Стройный, на плотной ножкѣ онъ поднимался выше всѣхъ. И весь онъ былъ какой то диковинный, съ широкою, пестрою шапкой, усѣянной бѣлыми бородавочками...

Скромные грибы очень удивлялись красивому пришельцу, который отрекомендовалъ себя Мухоморомъ. А когда онъ заговорилъ, они стали удивляться еще больше...

Онъ говорилъ красиво и увлекательно о томъ, что пора всѣмъ грибамъ сплотиться вмѣстѣ и не давать себя болѣе въ обиду. Пора дать отпоръ людямъ, которые безжалостно вырываютъ грибы съ корнемъ и потомъ жарятъ ихъ въ сметанѣ, или даже безъ оной... Онъ говорилъ о заманчивой свободѣ, существующей для всего живущаго, о сопротивленіи лѣснымъ сторожамъ, о грибной забастовкѣ и о многомъ другомъ...

И удивленные, очарованные краснорѣчіемъ оратора грибы мало по малу начали вытягиваться изъ своихъ мшистыхъ гнѣздъ.

А въ это время съ опушки лѣса быстро подошла компанія грибоискателей... Хотѣли грибки спрятаться, уйти въ мохъ—да было уже поздно... Грибники всѣхъ выбрали и уложили въ корзины—кого для маринаду, кого для солки, кого для соусовъ и паптетовъ...

Но что всего удивительнѣе—имъ оказался не нуженъ тотъ пестрый Мухоморъ, который призвалъ грибное царство къ объединенію и возмущенію... Они его не взяли съ собой, не вырвали, не уничтожили...

Мало того, когда нагруженные добычей грибки уходили, одинъ изъ нихъ даже ласково поладилъ пестрый грибъ по шапкѣ...

Милыя дѣти, помните, что теперь этотъ пестрый, ядовитый Мухоморъ называется иначе. Онъ называется: *провокакторъ*. Будьте же умницы, и остерегайтесь его. *Импрессионистъ.*

Русская стряпуха. Оно, конечно, русскихъ свободъ у меня сколько угодно, да больно они остры на вкусъ, а господа мои страдаютъ катарромъ желудка...

Прусскій продавецъ. Такъ возьми, кнедиге фрау, съ полъ десятка прусскихъ, онѣ у насъ совсѣмъ прѣсныя...

Русская стряпуха. Вотъ и ладно, давай пятокъ, я имъ такихъ пять свободъ состряпаю, что пальчики оближутъ...

Разные виды патріотизма.

Патріотизмъ обиживенный. Въ нормальное время работать въ потъ лица, во времена-же бѣдствій родины жить въ ея предѣлахъ и терпѣливо сносить всѣ, постигшія ее невзгоды.

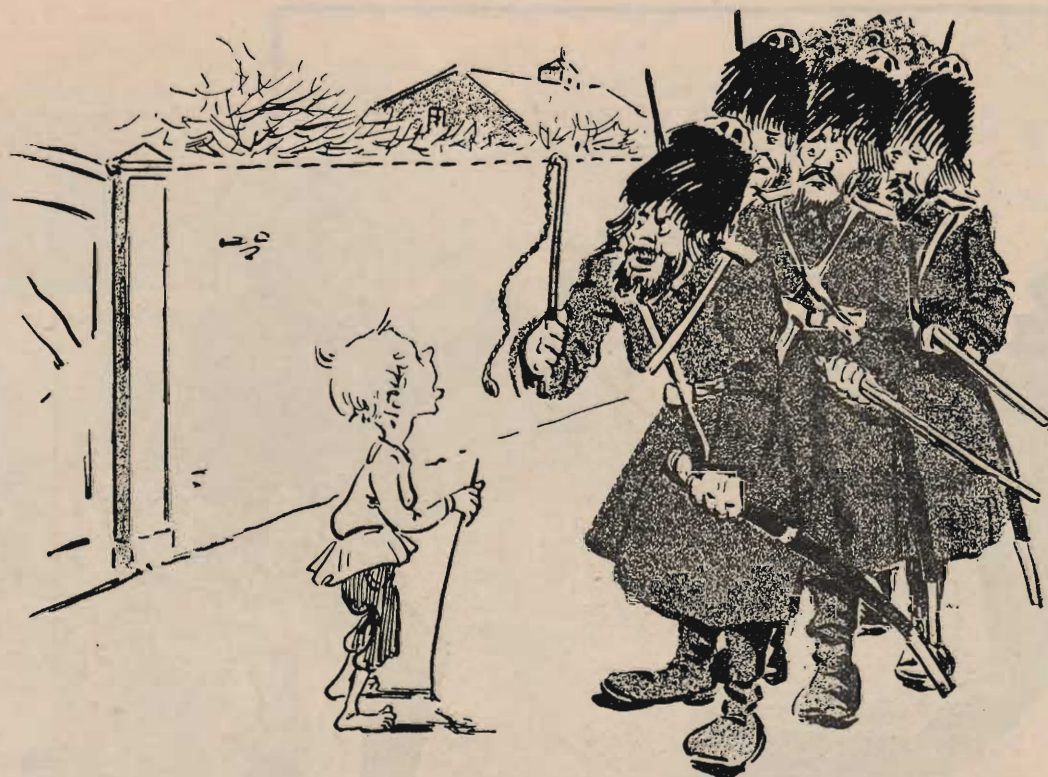
Патріотизмъ высшій. Въ нормальное время получать крупные чины, большіе оклады, награды, аренды, подъемные, суточные, прогонные—изъ государственныхъ, т. е. народныхъ суммъ; во времена-же бѣдствій родины проживать на ривьерѣ и въ другихъ, столь-же пріятныхъ мѣстахъ.

И еще: во время затрудненій государственнаго

казначейства потребовать изъ него вкладъ въ два милліона или болѣе—золотомъ,—нажитыхъ на государственной службѣ.

Измѣна. Сидѣть въ тюрьмѣ за убѣжденія и проливать кровь за счастье родины.

Недавно оглашенный знаменитый манифестъ рабочей партіи неожиданнымъ образомъ произвелъ наиболѣе глубокое впечатлѣніе на сановниковъ. Такъ напримѣръ, бывший военный министръ и главнокомандующій манджурской арміей генералъ Куропаткинъ, прочитавъ его, тотчасъ потребовать изъ государственнаго банка свой вкладъ—два милліона рублей золотомъ.

— Ты какъ смѣлъ ротъ раскрыть? Ты, можетъ быть, протестовать хочешь? Да я тебя... Да мы тебя..

— Ой, братцы! Штыкъ!..

ДУХОВНОЕ.

Какъ сходилися соборне
Сановитые отцы,
Чтобъ крамолѣ срѣзать въ корнѣ
И начала и концы.
Вѣетъ кротостью, смиренъемъ,
Отъ походовъ и отъ лицъ,
И безропотнымъ терпѣньемъ,
И покорностью ослицъ.
Кто ихъ разъ одинъ узрѣлъ-бы,
Въ одѣяннѣхъ золотыхъ,
Утверждать тотъ не посмѣлъ-бы,
Что въ Россіи нѣтъ святыхъ.
Тотъ вперилъ умильны взоры
Прямо въ рай, на небеса,
Этотъ движетъ съ мѣста горы,
Совершая чудеса.
О, какъ родина богата!
Вотъ святѣйшихъ двѣ главы:
Изъ крамольнаго Кронштадта,
И изъ бѣдственной Москвы.
Я къ тебѣ иду съ мольбою,
Душъ московскихъ властелинъ!

Сталъ я жертвой роковой
Черносотенныхъ дружинъ.
Такъ яви—жъ свою ты силу,
Небеса ты умоли,
Ты не дай мнѣ лечь въ могилу,—
Мои раны исцѣли...

Г. Тулехъ.

Переписка.

Ты хочешь, моя миленькая Nini, чтобы я писала тебѣ обо всѣмъ, что есть интереснаго у насъ въ деревнѣ!.. Ахъ, какая ты смѣшная! Развѣ ты не знаешь, что деревни теперь нѣтъ, она исчезла и на ея мѣстѣ, какъ говоритъ мой дядя, у котораго я живу, водворился разбойничій станъ.

Ты меня поняла бы сразу, еслибы знала, что такое деревня вообще, т. е. какъ это было еще мѣсяца два тому назадъ. Но ты вѣдь изъ Петербурга выѣзжала только за границу и деревню видѣла изъ окна вагона.

Я должна тебѣ сказать, что деревня, это было нѣчто очаровательное. Не говорю о зелени, о воздухѣ, о тишинѣ, ужъ это вещи общеизвѣстныя. Но

удивительно пріятно жить среди людей, которые, сознавая свое скромное положеніе въ обществѣ, стараются показать всевозможные знаки уваженія и преданности къ существамъ высшимъ.

Такъ это и было. Когда я—съ дядей или съ тетей, или одна—появлялась среди деревенскихъ жителей, не было конца моимъ триумфамъ. Мужчины снимали шапки, а женщины отвѣшивали поясные поклоны. Если-же намъ приходила фантазія зайти въ избу, насъ не знали гдѣ посадить и, кажется, готовы были изжарить и подать на столъ самихъ себя, только бы доставить намъ удовольствіе. Я, признаться, всегда удивлялась такому доброму характеру русскаго мужика. Земли у него мало, денегъ совсѣмъ нѣтъ, ѣсть онъ Богъ знаетъ что, и въ тоже время онъ неизмѣнно сохраняетъ пріятное расположеніе духа. Знаешь, мнѣ это даже не нравилось. Въ этомъ было что-то... что-то рабское.

Не думай, однако, что мнѣ нравится то, что происходитъ теперь. О, далеко нѣтъ и я предпочла бы даже „рабское“...

Да, удивительно все перемѣнилось. Одинъ разъ только я попробовала, было, появиться среди на-

рода, такъ и не рада была. Бабы стояли подбоченясь и смотрѣли на меня уничижающими взглядами; мужчины показывали на меня пальцами и гоготали, а нѣкоторые даже показывали кулакъ.

Ахъ, Nini, какъ непрочно чувства, соединяющія людей! Еще недавно между нами была симпатія, а теперь мы враги.

Ты спрашиваешь, дорогая Nini, дѣлаютъ ли у насъ мужики иллюминацію изъ нашей соломы? Нѣтъ, не дѣлаютъ, потому что сѣно у нихъ не уродилось и имъ самимъ нужна наша солома. И они берутъ ее преспокойно, какъ свою.

А вотъ у нашего знакомаго земскаго начальника дѣйствительно была иллюминація: сожгли не только солому, а даже его домъ и теперь онъ временно у насъ во флигелѣ живетъ.

Этотъ земскій начальникъ... Ахъ, да, ты навѣрно не знаешь, что это такое. Такъ вспомни феодалныя времена, когда какой-нибудь владѣтельный баронъ являлся для своего народа всѣмъ. Вотъ это самое для деревни земскій начальникъ. И еще прибавлю: хотя онъ и земскій, но не думай, что онъ отъ земства. Онъ самъ говоритъ: хотя по должности я называюсь земскимъ начальникомъ но по существу дѣла я собственно антиземскій.

А впрочемъ, моя бѣдняжка Nini, вѣдь ты едва-ли знаешь, что такое земство. Это... какъ бы тебѣ сказать... это выбирается. Ну, понимаешь, отъ городовъ и деревень, — всякій сбродъ. Дядя говоритъ, что отъ земства и пошла у насъ революція. Выборное начало, это было зерно, изъ котораго выросло дерево—революція.

Да, такъ я говорю, что этотъ земскій начальникъ—нашъ дальній родственникъ. Онъ обѣднѣвшій дворянинъ и дядя ужасно боится, что, если онъ потеряетъ свою должность, то останется у насъ жить съ женой и съ четырьмя дѣтьми на всегда.

Ну, вотъ тебѣ пока всѣ деревенскія новости. Цѣлую тебя. Твоя Mimi.

Р. S. кланяйся кузену—Вольдемару и скажи ему, что онъ хорошо дѣлаетъ, разгоняя на улицѣ людей, измѣнившихъ своей родинѣ (les grevistes? N'est ce pas?).

Милая Mimi! Спѣшу отвѣтить тебѣ, что передала твой поклонъ кузену и онъ очень былъ обрадованъ. Онъ тебя помнитъ маленькой и говоритъ, что ты была такая худенькая и блѣдная, что у тебя были золотистые локоны и что ты походила на ангела. И онъ спрашиваетъ, продолжаешь ли ты еще походить на ангела? Я думаю, что нѣтъ, такъ какъ при нынѣшнемъ внутреннемъ положеніи Россіи трудно походить на ангела.

Ты, конечно, уже знаешь, что иллюминацію устраиваютъ не только въ деревняхъ, но и въ Москвѣ. Говорятъ, что древняя столица, подожженная со всѣхъ сторонъ, представляетъ живописное зрѣлище.

Но кто бы могъ подумать? Москва и вдругъ... Рара говоритъ, что Москва всегда была оплотомъ порядка и вдругъ—такой беспорядокъ! объясняется

„Высоко летаетъ, гдѣ-то сядетъ!“ сказалъ одинъ скептикъ, видя, какъ графъ Витте щедро раздавалъ обѣщанія. А сѣлъ-то онъ въ калошу.

это тѣмъ, что тамъ, при прежнихъ генераль-губернаторахъ, насадили слишкомъ много порядка... Рара говоритъ, что все должно дѣлать умѣренно—идоро и зло.

У насъ въ Петербургѣ довольно тихо. Они опять, было, собирались измѣнить своей родинѣ, но имъ это не удалось. Желѣзныя дороги работаютъ и даже кузена—Вольдемара никуда не командировали. Онъ, бѣдняжка, скучаетъ. Онъ, знаешь, уже привыкъ что нибудь водворять и кого-нибудь усмирять. Но оказывается, что все уже водворено и всѣ усмирены... Въ театрахъ идутъ представленія. Говорятъ, что какой-то левъ убѣжалъ изъ зоологическаго сада, ходилъ по всѣмъ театрамъ и пытался (какъ теперь это называютъ) „сорвать“ спектакли, но его взяли и посадили въ клѣтку.

Вообще теперь ужасно много говорятъ и не знаешь, вѣрить ли. Напримѣръ, говорятъ, что въ Таврическомъ дворцѣ, гдѣ будетъ Государственный Дума, въ мѣстахъ, гдѣ будутъ сидѣть депутаты, поправую сторону дѣлаютъ кресла на пружинахъ, на волосѣ и съ шелковой обивкой, потому что тамъ будутъ сидѣть все только почтенные люди; въ центрѣ будутъ тоже кресла, но не на волосѣ, а на морской

травѣ, обшитыя трипомъ, — здѣсь будутъ сидѣть люди, хотя и почтенные, но невзыскательные. Съ лѣвой стороны будутъ поставлены простые стулья, такъ какъ крайнія партіи всѣ состоятъ изъ людей простого званія, — къ тому же это гигиенично. На самомъ же краю лѣвой стороны вовсе не будетъ ни стульевъ, ни креселъ, ни даже табуретовъ, потому что социаль-демократы и постоять могутъ.

Говорятъ еще, что скоро появятся въ продажѣ какія-то овсяныя лепешки изъ какого-то министерскаго овса, что эти лепешки будутъ по вольной цѣнѣ приобрѣтаться истинно-русскіе люди, а также члены партіи правового порядка и что по этимъ лепешкамъ (у нихъ будетъ особый ароматъ—„русскій духъ“) будутъ отличать своихъ отъ чужихъ.

И многое еще говорятъ, но это ужъ пусть останется до другого раза. Прощай, дорогая Mimi.

Твоя Nini.

СТРАШНАЯ ЕЛКА.

Отвѣт. Редакторъ И. Н. Потапенко.

1905 г.

Электротечатня К. А. Четверикова. СПб. Караванная, 7.

Издатель К. Четвериковъ.

23 Декабря.

КОНТОРА: Слб., Знаменская ул. 7. Ц. 10 к. № 1. — 1 Января 1906 г.

DK262
.R9

Открыта подписка на 1906 годъ

НА

Волшебный Фонарь

Подъ редакціей И. Н. Потапенко.

Еженедѣльный журналъ общественной и политической сатиры и каррикатуры.

Смѣхъ—такое же орудіе борьбы, какъ ружья, пушки, револьверы, торпеды, сабли и ножи. Но въ то время, какъ эти орудія дѣйствовали во всю, смѣхъ на Руси бездѣйствовалъ, ему было зажать ротъ и онъ принужденъ былъ ограничиваться беззубымъ хихиканьемъ по адресу того, что менѣе всего заслуживало осмѣянія.

Теперь мы получили право смѣяться и будемъ смѣяться смѣло, громко и безопасно. И пусть всякій, кто владеетъ этимъ тонкимъ и острымъ оружіемъ, приходитъ къ намъ и смѣется вмѣстѣ съ нами. Будь то слово или рисунокъ, страницы нашего журнала къ его услугамъ. Смѣхъ громкій, смѣлый и безопасный. Но избави насъ Богъ отъ грубаго площаднаго смѣха, — онъ достоинъ улицы, мы же работаемъ въ храмѣ искусства.

Подписка приним. въ конторѣ изд-ва С.Н. Знаменская 7, кв. 9.

Подписная цѣна за годъ 4 рубля.

" " " полгода 2 р. 50 к.

Отдѣльный № 10 коп.

Издатель. Н. Четвериковъ

на страдания всего русскаго общества.

Новый годъ... Сезонъ пожарный—
Прибалтійскій край въ огнѣ.
Шевелится чертъ аграрный
Въ деревенскій глубинѣ.

Тамъ захваченъ путь сибирскій,
Здѣсь отрѣзанъ весь Кавказъ...
Святополче княже Мирскій!
Приходи спасать ты насъ!
Ты такое знаешь слово—
Какъ бальзамъ оно смягчитъ.
Потъ глаза отъ дурново
Край российский защититъ.

ПОРА

ВѢРИТЬ!

ТРИ ФАКТА!

1. Самые и знаменитѣйшіе артисты и пѣвцы всего міра, какъ: графъ Витте, министръ Дурново, генералъ Треневъ, Нейгардтъ, Скалонъ, Каульбарсъ, адмиралъ Дубасовъ и другіе, высоко цѣнящіе свою репутацію, избрали именно граммофонъ „Реакція“ Акціонернаго Общества Граммофонъ въ качествѣ посредника для передачи своихъ голосовъ.
2. Первые и знаменитѣйшіе въ мірѣ знатоки музыки, критики, и истинно русскіе люди, какъ кн. Минерскій, Карлъ-Амалія Грингмутъ, Покотицій Крушевскій, М. Меньшиковъ, Ник. Энгельгартъ и друг. утверждаютъ безъ всякаго посторонняго вліянія—что граммофонъ „Реакція“ лучшая и совершенѣйшая жизнеуничтожающая машина, и служитъ обширѣйшимъ распространителемъ дѣйствительныхъ правительственныхъ мѣръ.
3. Коронованныя особы и высокопоставленныя лица, какъ Король Готтентотовъ Караканза V-ый, предводитель Зулусовъ Амусато, правитель Канарскіхъ острововъ Лампопо, главнокомандующій чернокожею арміею Шмаковъ и другіе, приобрѣли именно аппараты „граммофонъ Реакція“—нашего производства, а не какіе либо другіе.

Еще три факта!

1. Граммофонныя пластинки „Реакція“ акціонернаго Общества Граммофонъ самыя дорогія—но деньги эти всегда можно выколотить изъ изголодавшихся музыкантовъ 22-хъ, а также всѣхъ остальныхъ губерній.
2. Старыя, обмыранныя пластинки нашего производства всегда имѣютъ двойную цѣнность сравнительно съ старыми пластинками конкурирующихъ фирмъ, такъ какъ, подновивъ новымъ „Правительственнымъ Сообщеніемъ“ наши пластинки, ихъ можно опять пустить въ ходъ.
3. Наши пластинки „Реакція“ имѣются въ громадномъ количествѣ соответственно числу росій-

скихъ губерній, областей и градоначальствъ съ губернаторами, генералъ-губернаторами и градоначальниками во главѣ.

Настоящія граммофонныя пластинки „Реакція“ Акціонернаго Общества Граммофонъ снабжены нашимъ извѣстнымъ фабричнымъ клеймомъ (какъ закъ, пишущій нагайкой) нижеслѣдующаго образца:

Фабричное
клеимо.Фабричное
клеимо.

Граммофоны и пластинки безъ утвержденного клейма „Реакція“—поддѣлка.

Послѣдній, сдѣланный нами въ усовершенствованіи пластинокъ шагъ—это выпускъ въ свѣтъ специальныхъ русскіхъ пластинокъ, обильно смоченныхъ кровью, съ аккомпаниментомъ оркестра, подъ управленіемъ г. Дурново—что даетъ полную иллюзію дѣйствительности.

Объявленіе доставилъ **ИМПРЕССИОНИСТЪ**.

Храброму воину отъ гор. Москвы—хлѣбъ—соль.

На Руси.

Пушки... Пулеметы...
Голодъ, нищета...
Родина, за что ты
Небомъ проклята?
Горе—адмиралы
Города берутъ,

Свиты генералы
Мужиковъ дерутъ...
Обыски, аресты,
Ссылки и тюрьма...
Бойни, манифесты...
И чума, чума!..

Нико.

Неожиданное посещение.

(Рождественский рассказ, с направлением...)

— Кто там? спросил я, накидывая на себя тужурку.

— Будьте любезны... на 5 минут... услышал я за дверями незнакомый мне мужской голос.

Тотчас же я открыл дверь и впустил въ переднюю высокаго худого человека—сутуловатаго, или върѣе сгорбленнаго, въ богатой бобровой шубѣ, съ глубокими калошами на ногахъ; онъ медленно раздѣлся и столь-же медленно, не протянувъ мне руки, прошелъ къ моему письменному столу и усѣлся въ кресло, слегка покашливая старческимъ кашлемъ; я сѣлъ на стулъ напротивъ него.

— Не удивляйтесь моему посѣщенію, началъ онъ слегка сиповатымъ, дребезжащимъ голосомъ. Я къ вамъ не на долго... да и вообще жить мне не долго... я тороплюсь... Тороплюсь не жить—жить я достаточно—но умирать, ибо дни мои сочтены...

Тутъ только я, наконецъ, присмотрѣлся къ моему посѣтителю и узналъ это характерное пергаментное лицо, которое столь часто послѣднее время фигурировало въ юмористическихъ листкахъ и даже на сценѣ фарса...

— Что вамъ отъ меня надо? спросилъ я его,—если выпришликомъ, какъ къ врачу, замедицинскимъ совѣтомъ, то это напрасно. Я членъ союза врачей и вамъ медицинской помощи и совѣта не подамъ—обращайтесь за этимъ къ болѣе почтеннымъ врачамъ—къ лейбъ—медикамъ... а я для васъ чужой...

— Ну вотъ, вотъ... вдругъ торопливо—заговорилъ старикъ... Какія вы—глупости говорите... Очень нужна мне ваша медицинская помощь,—я не за этимъ... Видите... дѣло въ томъ, что мне хотѣлось-бы предупредить васъ—посоветовать вамъ не заниматься пустяками, въдь все равно... Вашъ домъ не годится для форта Шаброль, а вы негодитесь для его защиты...

— Не хотите ли вы замѣнить меня въ такомъ случаѣ? попробовалъ я пустить иронию...

Старикъ заерзалъ на креслѣ...

— Ну, вотъ... вы опять говорите глупости... у меня на Литейномъ есть собственный домъ, т. е. виноватъ, не собственный, а пожизненный, гдѣ я и самъ могу устроить фортъ-Шаброль, но

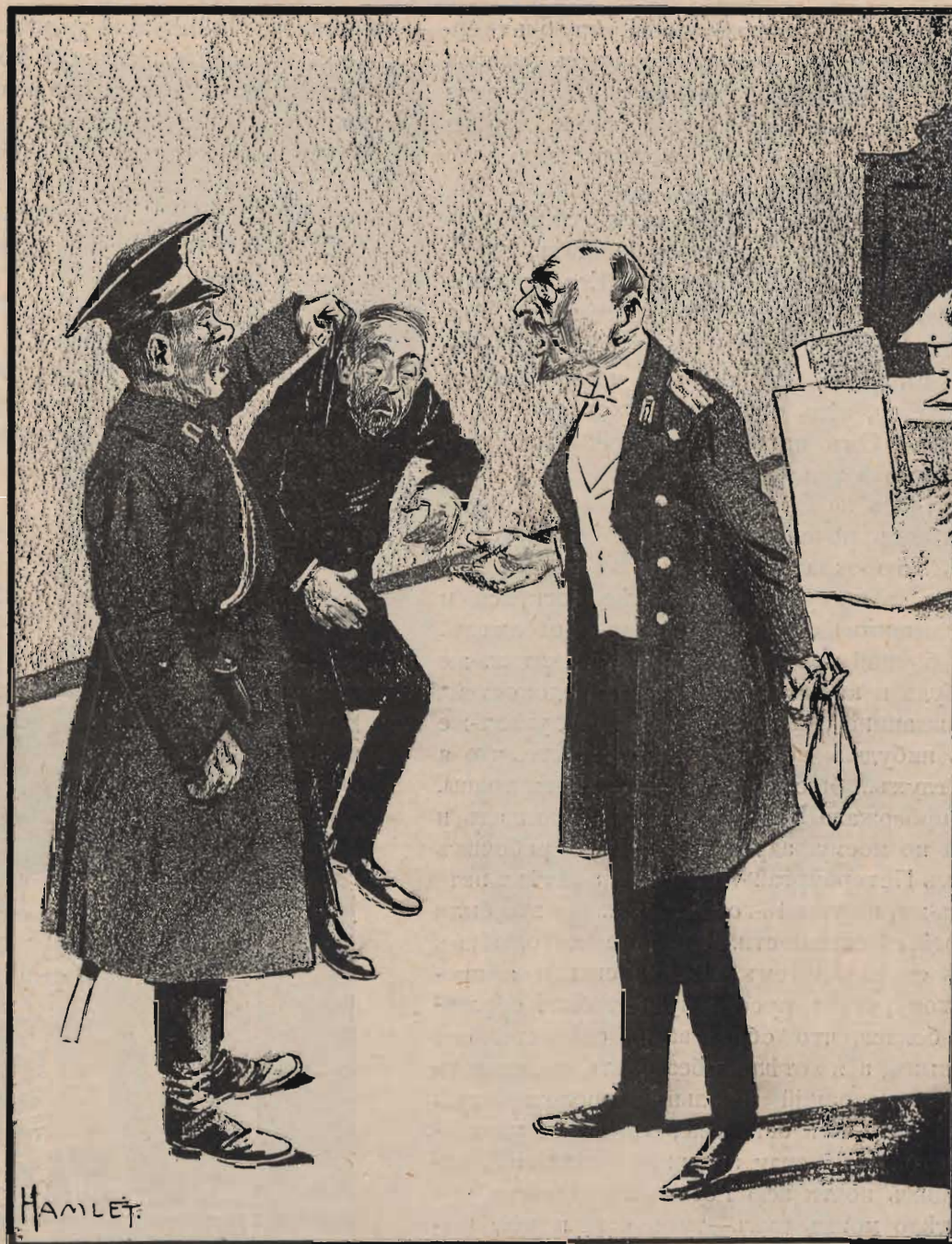
я еще подожду... Знаете-ли вы, что я всю жизнь мечталъ о теперешнихъ дняхъ? Знаете-ли вы, что я нарочно оставался оберъ-прокуроромъ Святѣйшаго Синода, не шель ни на какое иное мѣсто, чтобъ только оставаться независимымъ. Васъ не удивляло, что будучи фактически много лѣтъ премьеръ-министромъ, держа въ рукахъ бразды правленія въ Россіи, я тѣмъ неменѣе продолжалъ занимать этотъ сравнительно скромный и своеобразный постъ.

— Не скрою... Это меня удивляло, сказать я.

— Ага... вотъ видите... а я это дѣлалъ не просто... Чтожъ я, честолюбецъ что-ли? Въ самые крѣпкіе моменты моей дѣятельности, моего вліянія на судьбы Россіи, слышали вы, чтобъ я добивался иного мѣста?

— Нѣтъ, не слыхалъ...

— Не слыхали?—да... и не могли слышать—этого не было... Тихо и скромно, осмѣиваемый всѣми прогрессивными партіями, я шель неуклонно своимъ путемъ. Ретроградъ въ глазахъ всѣхъ васъ, я былъ болѣе революционеръ,

ВЛАСТЬ: Что это, братецъ?

БЛЮСТИТЕЛЬ: Такъ что, ваше скорое, дѣлахтера споймалъ. Гляжу это, перо въ чернило закаетъ и кранюлу пущаетъ. Я его за шиворотъ и приподохъ къ вашему скородію.

ВЛАСТЬ: Эй ты болванъ! Очень мне нуженъ твой редакторъ! Взялъ-бы съ него десять тысячъ залогу и принесъ... Эхъ, учить васъ надо!

чѣмъ всѣ вы вмѣстѣ взяты. Вмѣстѣ съ покойнымъ Вячеславомъ Константиновичемъ Плеве, позднѣе присоединившимся ко мнѣ, мы неуклонно

вели одну политику—чисто революционную и твердою рукой вели Россію къ той революціи, заслуги которой вы теперь приписываете себѣ... берите ихъ... мы не честолюбивы... но мы знаемъ, что незря поддерживали упорно престижъ того, что само себя роняло... мы шли отъ противнаго.

Мой покойный другъ Плеве—истый социаль-демократъ по духу—тотъ даже переборщилъ, увлекся и увлекъ за собою всю Россію. Его всегдашней мечтою было отдѣленіе Финляндіи отъ Россіи и автономное управленіе въ этой странѣ—можетъ быть въ этомъ отношеніи на него вліяла его бабка—кажется, вѣдь она была чухонка... если я не ошибаюсь? Онъ приналежъ на Финляндію—и вотъ почему она теперь свободна...

Я приналежъ на Россію, на престижъ... бюрократіи... и вотъ почему Россія освобождается, а престижъ... бюрократіи уже палъ.

Старикъ вздохнулъ, еще болѣе согнулся и почти неслышнымъ сиплымъ голосомъ продолжалъ.

— Я—бывшій профессоръ, юристъ... читалъ-же я что-нибудь и кромѣ „Московскихъ Вѣдомостей“ или „Гражданина“, какъ вы думаете? думалъ-же я о чемъ-нибудь... неужели вы полагаете, что я слѣпъ и глухъ... Я слышалъ аплодисменты толпы, которая провожала Вѣру Засуличъ, я слышалъ и проклятія по моему адресу... я помню рабочихъ на улицахъ Петербурга 9-го Января, а затѣмъ ихъ же и тамъ-же, но уже 18-го Октября... все это были плоды моей дѣятельности... Но я не честолюбивъ—я шелъ своимъ путемъ... Всѣми силами я противился тому, чтобъ русскій мужикъ былъ образованъ... я боялся, что образованіе сдѣлаетъ его буржуазнымъ, а я хотѣлъ, обездолить его, создать въ Россіи настоящий земельный пролетаріатъ... Если въ Россіи онъ есть уже, если вы съ удивленіемъ смотрите на силу аграрныхъ движеній, охватывающихъ почти всю Россію, то помните, что все это дѣло моихъ рукъ—тутъ есть и моя (немалая) капля меду...

Знаете-ли вы, что, если въ Россіи были и еще есть правовѣрные марксисты, то отъ нихъ-же первый есмь азъ... Я люблю Россію—и вотъ почему я на колѣняхъ умолялъ Императора Александра II-го не давать Россіи буржуазной конституціи... я боялся, что это погубитъ въ зародышѣ дѣло развитія русскаго пролетаріата... Я схожу со сцены политической и перехожу на сцену театра... ка-

жется, на Офицерской улицѣ... Но дѣло мое сдѣлано... передайте „вашимъ“ мой привѣтъ и благословеніе... Я думаю, что моя роль въ Россіи уже сыграна... я ѣду за границу и тамъ буду издавать зарубежный журналъ „Облегченіе“, въ которомъ я изложу свои взгляды... Вотъ и все, что я хотѣлъ вамъ сказать... а затѣмъ...

Старикъ быстро, склонившись головой къ моему уху, просипѣлъ:

— Да здравствуетъ С. Д. Р.!

Разинувъ ротъ, слушалъ я эти рѣчи...

Съ послѣдними словами старика я привсталъ, хотѣлъ что-то сказать... но собесѣдника уже не было на мѣстѣ... онъ быстрыми, хотя и старчес-

кими шагами прошелъ въ переднюю, накинулъ на себя шубу и исчезъ за дверями...

Холодный потъ выступилъ у меня на вискахъ... знобъ пошелъ по спинѣ... я вскинулъ голову, взмахнулъ руками, привсталъ на стулѣ... И проснулся...

Чеховенокъ.

Государственный дѣятель.

На Гудильскомъ былъ онъ засѣданій;
Поролъ голодныхъ мужиковъ...
Теперь потомству въ назиданье
Онъ съесть до тла Москву готовъ!..

Нико.

Какая разница между Витте и Дурново?...
Витте послѣ Портсмута отъ незаслуженныхъ наградъ и похвалъ замѣтно покраснѣлъ, что и отразилось на манифестѣ 17 октября, а Дурново даже отъ и „исторіи съ овсомъ“, не краснѣетъ.

* Историческій примѣръ, могущій служить хорошимъ предостереженіемъ для вора, на которомъ шапка горитъ:

Наполеонъ Бонапартъ, разгромивъ Москву, принужденъ былъ въ очень скоромъ времени съ позоромъ покинуть ее...

* Тотъ же Наполеонъ жизнь свою окончилъ въ ссылкѣ.

Новогодніе подарки.

* Кн. Святополкъ-Мирскому: дипломъ на званіе почетнаго гражданина обновленной Россіи.

* Гр. Витте: Герцогское достоинство, заграничный паспортъ и жетонъ съ надписью: „не возможно угодить Богу и мамонѣ“.

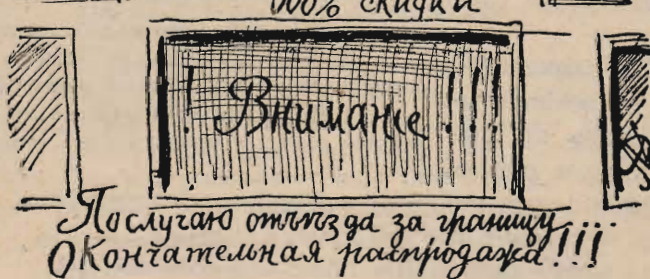
* Дурново: 1500 р. съ удостовѣреніемъ, что они выколочены изъ крестьянъ, какъ недоимка.

* Акимову: Манифестъ 17-го окт. для руководства.

* Побѣдоносцеву: Ассигновка изъ государственнаго казначейства на похороны по первому разряду.

* Клейгельсу: Торжественное подтвержденіе, что больше ни на какой постъ онъ никогда не будетъ назначенъ.

* Дубасову: Въ его фамильный гербъ: осколокъ отъ баррикады, а въ его буфетъ—сервизъ для шампанскаго—изъ свѣжихъ череповъ...

Фролову: Портретъ Мина, засиженный мухами.

Мину: Мѣсто исполнительнаго органа при казняхъ, предстоящихъ послѣ окончательнаго усовершенствованія свободъ.

Бельгарду: Свободу печати.

Куропаткину: Одно выигранное сраженіе.

О. Гапону: Утраченное вліяніе.

Хрусталеву-носаю и иже съ нимъ: свободу.

Грингмуту: Субсидію за 10 лѣтъ впередъ.

А. С. Суворину: Спокойную совѣсть

Кладу: Голову Владиміра Семенова... съ мечами...

Сигмъ: Постъ воскреснаго фельетониста „Ново-ваго Времени“.

М. Ковалевскому.

Кузьмину-Каваеву: } Хотя тѣнь отъ прежней

П. Струве: } популярности.

Минскому: Мостикъ для возвращенія къ религиозно-философской белибердѣ.

М. Горькому: Благодарность по отношенію къ интеллигенціи, которая его всему научила.

Вас. Немировичу-Данченку, Луговому, Мамину, Баранцевичу, Потапенку и другимъ романистамъ старой чеканки:—читателя.

В. Н. Давыдову:—4 пуда скидки.

Варламову:—голосъ, который у него пропадаетъ передъ Александринскими митингами.

Савиной:—одну хорошую роль,—пѣсы не надо.

Мичуриной:—какую—нибудь работу.

Гр. Ге и Арбенину:—миръ да любовь и два романа для передѣлки въ пѣсу—каждому особо.

Шабельской:—новаго товарища... министра.

Трахтенбергу:—замазку для трещины.

Яворской:—что—нибудь не Чирикова.

Коммиссаржевской:—пучекъ свѣженькихъ нервовъ.

Санину:—пѣсу въ 4-хъ паузахъ.

Переписка.

Милая Мими, пишу тебѣ, не дождавшись твоего отвѣта. Вотъ наступаетъ новый годъ и ахъ—какой онъ [грустный. Ты] не можешь себѣ представить, какое мрачное лицо у рара всѣ эти дни. Онъ молчитъ, отъ него слова не добьешься.

Но все-таки онъ какъ то проговорился.—Вотъ, сказалъ онъ,—въ прежніе годы 1-го января всегда бывали награды. Бывало, съ сладкимъ трепетомъ

протягиваешь руку къ „Правительственному вѣстнику“ и ищешь свое имя и, конечно, находишь...

А теперь...

— Но, рара, новый годъ еще не наступилъ. „Правительственный вѣстникъ“ еще [невышелъ! рѣшилась я замѣтить, чтобъ утѣшить его.

И что-же? мнѣ показалось, что у него искры посыпались изъ глазъ, такъ онъ посмотрѣлъ на меня.

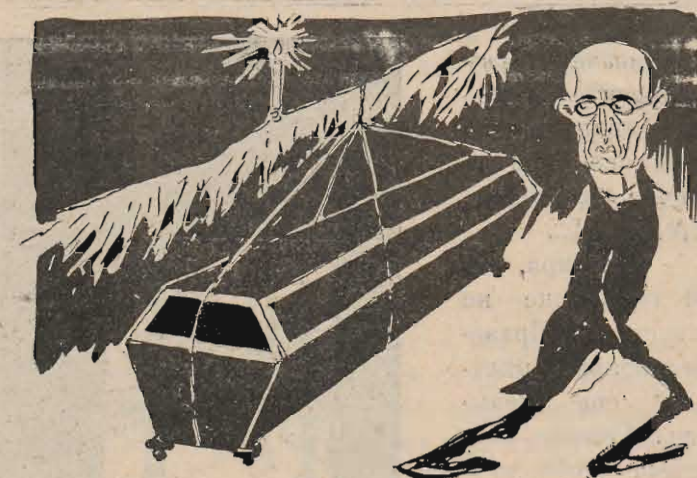
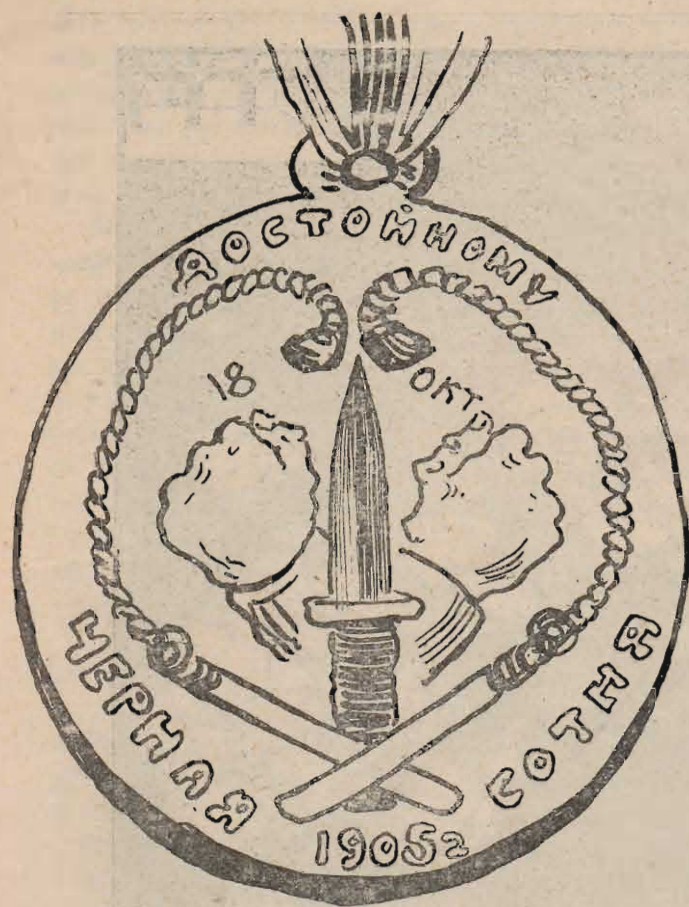
— Пусть и не выходитъ! можетъ и вовсе не выходить. Все равно, ничего хорошаго въ немъ не будетъ. Какія теперь награды? кто будетъ раздавать ихъ? кто отмѣтитъ выдающуюся дѣятельность, безавѣтную преданность? никто ихъ и не видитъ. Всѣ заняты другимъ... Годъ пропалъ! безслѣдно! точно кануль въ лету!..

И дѣйствительно, дорогая мимочка, я понимаю рара: ужасный годъ! Представь себѣ, въ свѣтѣ не было ни одного бала. Да какіе—жемогутъ быть балы, когда всѣ забрали свои вещи, кому что попало, и удрали за границу. Ахъ, ты не можешь себѣ представить, что это такое! Тетя

— Эти молодцы рѣшили отказываться отъ пищи, чтобъ уморить себя голодомъ въ тюрьмѣ? Излишняя проволочка времени, а мѣста въ тюрьмѣ теперь дороже цѣнятся, чѣмъ квартиры въ Петербургѣ. Вздерни-ка ихъ на висѣлицу. Результатъ будетъ тотъ-же.

Мака недавно переѣхала въ Ниццу и пишетъ оттуда, что тамъ уже Франціи совсѣмъ не видно,

Что бы там ни было, а этого не избежите, ваше высоко-
превосходительство...

Гр. Витте—вз. замѣнь сильно истрѣпаннаго стараго—новый хвостъ

Съ міру по ниткѣ...

Сердце и мозгъ—Россійской администраціи.

Дурново: Подарки? отправить въ химическую лабораторію для изслѣдованія
мало-ли что тамъ можетъ быть...

Конкуренция.

Встретились два простодушных гражданина.

Первый: Почему это у нас все идет так дурно?

Второй: Все от министра Дурново!

Первый: А! Ну, так разве же можно ожидать чего-нибудь хорошего от дурново?

Три малодна:—Каждому... По качеству...

Новая метла, а кому?—покажет время.

а чистая Россія. Тамъ, на ривьерѣ, живутъ теперь сливки нашего общества. Во первыхъ, тамъ поселились наши военачальники. Это понятно, дорогая Mimi, и ты не должна осуждать ихъ. Вѣдь подумай, какъ они должны быть утомлены послѣ столькихъ подвиговъ. Во вторыхъ, тамъ теперь вся наша аристократія и, конечно, балы тоже переѣхали туда. Ахъ, какъ тамъ, должно быть, весело! говорятъ, что удивительно оживились дѣла въ Монтекарло, и я этому повѣрю. Одинъ дядя Аксъ (двоюродный, ты знаешь его) недавно проигралъ тамъ шестьдесятъ тысячъ франковъ.....

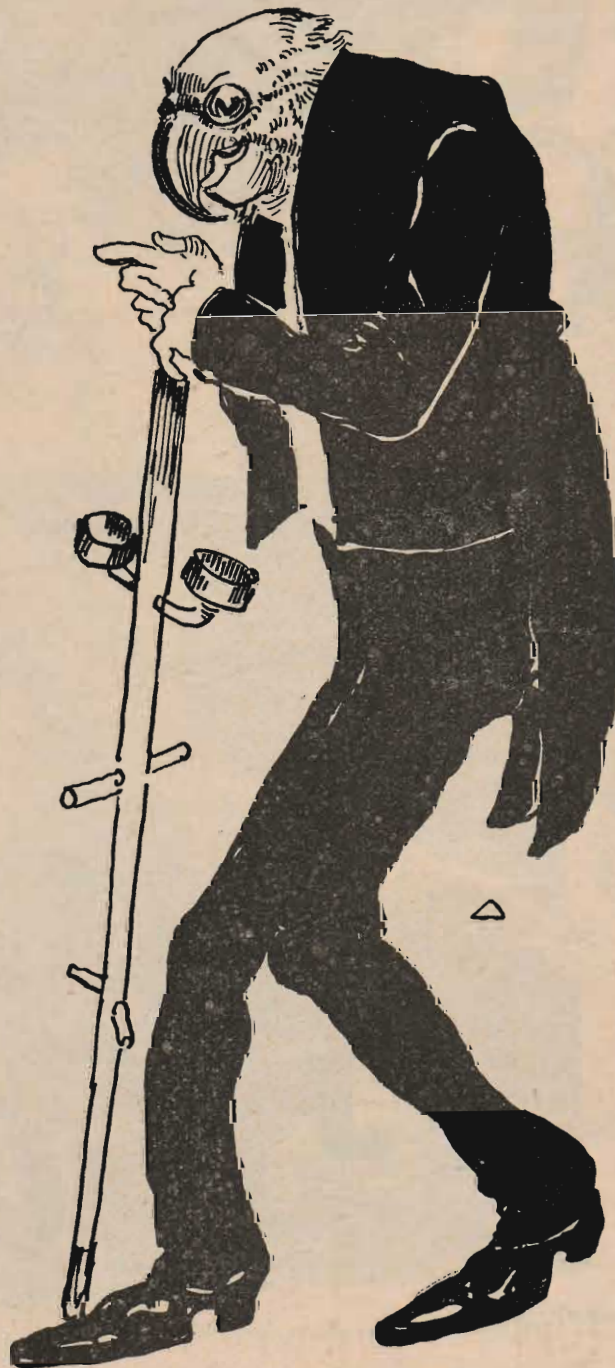
А мы сидимъ здѣсь, мы не можемъ. Средства наши, конечно, позволяютъ это, но rara говоритъ, что истинный государственный человѣкъ всегда долженъ быть на своемъ посту, особенно—же въ такія времена, когда колеблются всѣ основы, столпы должны стоять на своемъ посту незыблемо. Теперь министровъ мѣняютъ, какъ кучеровъ, которые обыкновенно бываютъ пьяницы (кучера, душечка, а не министры!). Ну, и вдругъ его призываютъ... Все можетъ быть. Теперь каждый можетъ быть министромъ. Вотъ потому—то мы и сидимъ.

Да, милая Mimi, вотъ и новый годъ! Я должна тебѣ пожелать что-нибудь, но развѣ можно теперь желать? Какъ дѣвушкѣ, задача которой стать женой и матерью, я должна-бы пожелать тебѣ хорошаго жениха. Но развѣ я рѣшусь! А вдругъ этотъ хорошій женихъ потомъ, уже послѣ свадьбы, окажется социаль-демократомъ! нынче это возможно! Нынче все возможно, мой ангелъ Mimi.

Говорятъ, что эти «социаль-демократы» теперь разсѣяны повсюду. Меня увѣряли, что даже самъ графъ-Витте *почти* социаль-демократъ, что на одномъ засѣданіи министровъ, когда гр. Витте говорилъ рѣчь о поддержаніи какихъ-то тамъ пяти свободъ, (не понимаю, зачѣмъ ихъ такое множество!) Дурново перебилъ его и сказалъ:—вы, ваше сіятельство, говорите, какъ социаль-демократъ. Вамъ-бы сотрудничать въ „Новой жизни“! Графъ будто-бы улыбнулся и отвѣтилъ:—Тото вы ее и закрыли, ваше превосходительство!

Нѣтъ, рѣшительно я хотѣла-бы уснуть такъ, чтобы проснуться черезъ полгода. Недавно мы были въ театрѣ. Но какія теперь піесы даютъ! какая-то Фимка, какая-то „обвиняемая“,—и обѣ

неприличныя женщины. Маман, конечно, ничего этого не знала, и когда это отрылось, она чуть не провалилась сквозь землю. Ну, и кончилось

За десятки лѣтъ служенія,
Онъ снискалъ вознагражденіе:
Дать—въ пожизненно владѣніе
Да въ сеобщее презрѣніе...

тѣмъ, что съ обѣихъ піесъ меня увезли послѣ 2-го дѣйствія.

Кузень Вольдемаръ, конечно, не пропустилъ случая поиздѣваться надо мной. Онъ сказалъ:—я всегда говорилъ, что вы еще не доросли, кузина... До чего это? до того, чтобы смотрѣть неприличныхъ женщинъ? А вы, Кузень, кажется, разсматриваете ихъ слишкомъ близко...

И какъ ты думаешь, что онъ мнѣ на это отвѣтилъ?—О, я вижу, что я ошибся. Вы даже переросли!..

Возили меня еще въ театръ Коммисаржевской. Тамъ въ піесахъ, наоборотъ, все ужасно приличныя женщины всѣ плачутъ. Но онъ всѣ шведки, норвежки и нѣмки. Говорятъ, что съ будущаго года въ этомъ театрѣ будутъ играть прямо по норвежски и что всѣ артисты теперь занимаются изученіемъ норвежскаго языка, подъ руководствомъ Волынскаго. Я не знаю, кто это и что онъ сдѣлалъ, но говорятъ, что онъ извѣстный. Знаешь, это даже странно: я многихъ спрашивала, кто такой этотъ Волынский и всѣ мнѣ отвѣчали: не знаю, но говорятъ, что онъ извѣстный.—А что онъ сдѣлалъ? Опять всѣ мнѣ отвѣчаютъ: — не знаю, но, должно быть, что—нибудь замѣчательное.

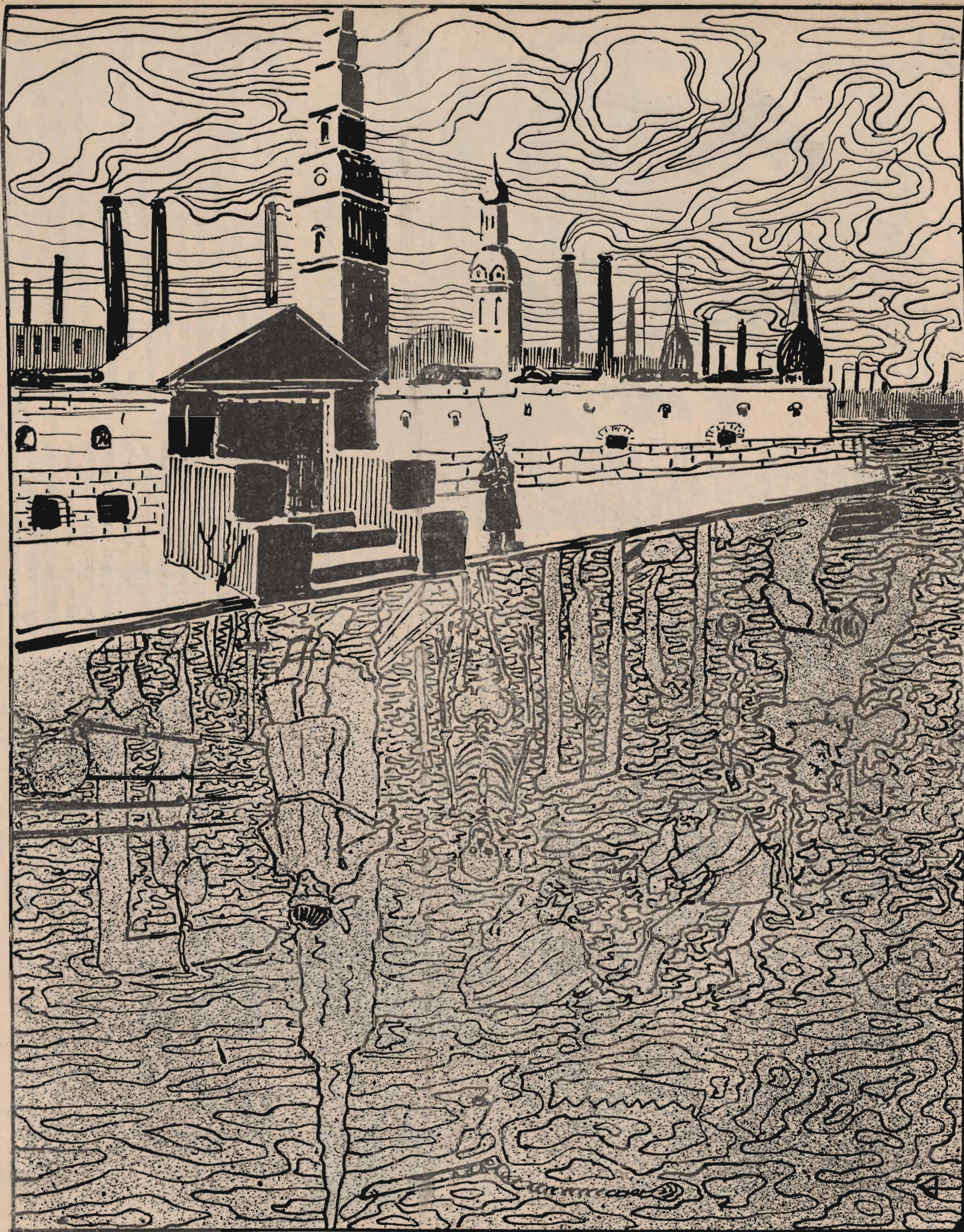
Ну, пока прощай. Пиши. Неужели ты думаешь всю зиму просидѣть въ деревнѣ? А впрочемъ, можетъ быть, это и лучше. По крайней мѣрѣ тамъ твердая земля, хотя ее мужики и отбираютъ! А мы здѣсь пляшемъ на вулканѣ.

Твоя Nini

Хроника.

Намъ сообщаютъ, что на дняхъ въ Петербургѣ, подъ вліяніемъ Московскихъ событій, организовалась еще одна боевая политическая партія, получившая наименованіе „партіи 18-го Октября“.

На послѣднемъ собраніи учредителей почетнымъ предсѣдателемъ партіи единогласно избранъ флигель-адъютантъ полковникъ Минъ, а почетными членами генераль-маіоръ Треповъ, корнетъ Фроловъ и приватъ-доцентъ Никольскій. Послѣднимъ разработана детальная программа партіи. Между прочимъ партія, находя, что учрежденіе Государственной Думы противорѣчитъ всему историческому укладу русской жизни, ставитъ своей задачей во что-бы то ни стало противодѣйствіе

Предательская Нева все отразила, какъ въ зеркаль.

(Говорящая тьма)

осуществленію Государственной Думы, а буде она всетаки соберется—содѣйствіе ея разрушенію при помощи вооруженнаго нападенія на Таврическій дворецъ. Говорятъ, что подъ упомянутый дворецъ нѣкоторыми добровольцами—инженерами, не принадлежащими къ „союзу инженеровъ“, уже подводится подкопъ съ цѣлью взорвать его на воздухъ, въ особенности если будетъ объявлено учредительное собраніе.

По слухамъ, въ высшихъ сферахъ къ новому году предстоятъ важныя перемѣщенія. Планъ этихъ перемѣщеній заключается въ томъ, что всѣ нынѣ дѣйствующія лица сохранять власть, но будутъ перетасованы, какъ тасуютъ колоду картъ передъ новой сдачей. Имя каждаго дѣйствующаго лица будетъ начертано на бумажкѣ,

— Ну, что, Сатана, небойсь—теперь ты доволенъ нашимъ воинствомъ?

— Доволенъ-то, доволенъ, да одно мѣшаетъ: зачѣмъ оно еще называется—христолубивое...

всѣ бумажки будутъ вложены въ вертящійся ящикъ, будутъ приглашены малолѣтнія воспитанницы сиротскаго дома, которыя и будутъ вынимать свернутыя въ трубочки бумажки. Особое лицо, обладающее громкимъ, но безстрастнымъ голосомъ, будетъ выкрикивать наименованіе должности и эта должность будетъ отдана тому, чье имя окажется написаннымъ на вынутой въ это время бумажкѣ.

Такимъ образомъ будетъ соблюдено полное безпристрастіе. Можетъ случиться, что графу Витте придется управлять, напримѣръ, государственнымъ коннозаводствомъ, а г-ну Дурново—русскими финансами, Дубасову народнымъ просвѣщеніемъ, а Толстому придворными конюшными. Но это не имѣетъ значенія, такъ какъ выработанная объединенная программа, отъ которой не будетъ допущено никакихъ отступленій.

По вопросу о Государственной Думѣ, какъ намъ передаютъ, состоялось слѣдующее рѣшеніе: послѣ окончательнаго переустройства Таврическаго дворца, надъ фасадомъ его будетъ помещена гигантская вывѣска огромными буквами, которыя ночью будутъ горѣть электрическими огнями: „Государственная Дума“. И когда иностранцы будутъ спрашивать: гдѣ у васъ Государственная Дума? особые чиновники будутъ тыкать пальцами на эту вывѣску и говорить.

— Вотъ она!

И иностранцы будутъ находиться въ убѣжденіи, что Государственная Дума существуетъ и они ее видѣли. Этимъ предположено и ограничиться.

Намъ [передактъ, что во время недавней забастовки ресторанныхъ сффиціантовъ нѣкоторымъ рестораторамъ были предложены услуги со стороны лицъ, добровольно работавшихъ въ почтамтѣ во время забастовки почтово-телеграфныхъ чиновниковъ. Среди предложившихъ услуги были дамы изъ высшаго общества, правовѣды, студенты на бѣлой подкладкѣ, надворные, коллежскіе, статскіе и даже тайные совѣтники, (но послѣдніе—тайно, инкогнито, подъ видомъ колпинскихъ мѣщанъ). Нѣкоторые рестораторы, чувствуя себя польщенными, уже готовы были согласиться, но вдругъ вспомнили объ инцидентѣ

Манифестъ вступаетъ въ силу.

въ московскомъ почтамтѣ съ пакетомъ о тринадцати тысячахъ и отказались. Другіе согласились условно, а именно: потребовали время для замѣны серебрянной посуды издѣліями Фраже, но на это добровольцы не согласились, сказавъ: тогда не изъ за чего и руки марать.

Есть слухъ, что извѣстный проф. Коноваловъ обратился къ подлежащія сферы съ предложеніемъ подчинить ему всѣ высшія учебныя заведенія, ручаясь, что, при помощи партіи свобододѣйствующихъ, подкрѣпленной сотней городовыхъ и двумя тысячами хулигановъ, онъ откроетъ всѣ высшія учебныя заведенія и науки тотчасъ-же начнутъ процвѣтать въ нихъ; а не далѣе, какъ черезъ шесть мѣсяцевъ, всѣ увидятъ плоды.

Намъ пишутъ, что въ Москвѣ появился мнимый фонъ-Плеве, утверждающій, что онъ и не думалъ умирать и будто-бы въ роковой каретѣ сидѣлъ не снѣ, а г. Дурново. Такимъ образомъ по словамъ самозванца, нынѣшній министръ внут-

— Пришли представиться и поздравить его — ство съ Новымъ Годомъ!
— Опоздали. Ихъ — ство уже извоили слѣтъ.

реннихъ дѣлъ вовсе не есть Дурново, а будто-

Отвѣт. Редакторъ И. Н. Галайкин

ки, для изслѣдованія подозрительнаго вещества, Московскіе отцы города въ то время, когда на улицахъ лилась кровь.

Издатель К. Четвериковъ.

отправлены въ Центральную химическую лабораторію М-ва Финансовъ. Арестованъ самый „красный“ изъ младенцевъ. Всѣ недоношенные младенцы будутъ привлечены къ отвѣтственности за несвоевременный (преждевременный) выходъ въ свѣтъ безъ разрѣшенія медицинскаго департамента.

Принимаются строгія мѣры въ Воспитательномъ Домѣ.

бы нѣкій торговецъ овсомъ, заgrimировавшийся подѣ Дурново. Прибавляютъ, что мнимый фонъ-Плеве намѣренъ подать искъ объ узурпаціи принадлежащаго ему портфеля съ золотымъ замочкомъ, ключъ отъ котораго хранится у него.

Съ этимъ портфелемъ связаны будто-бы важныя разоблаченія, которыя предстоятъ въ самомъ близкомъ будущемъ.

Вчера во 2 ч. ночи дѣмъ, въ которомъ помѣщается „городской пріютъ для недоношенныхъ дѣтей“, былъ окруженъ тройнымъ кольцомъ изъ полиціи, пѣхоты и казаковъ при трехъ пулеметахъ, и въ помѣщеніи пріюта жандармскими властями совместно съ чинами охраннаго отдѣленія былъ произведенъ обыскъ. При появленіи чиновъ младенцы устроили химическую обструкцію. Оружія не найдено. Конфискована масса свивальниковъ и пеленокъ, издающихъ специфическій запахъ. Пелен-

Съ 15-го Ноября выходитъ ежедневная политико-экономическая и литературная газета

ОБНОВЛЕННАЯ РОСІЯ

Газета высвѣдывается со дня подвѣшенія фонъ-Плеве.

Подписка на 1906 г. открыта

3 ЦѢНА ЗА ГОДЪ РУБЛЯ 60 к.,

съ доставкой и пересылкой по всей Россіи. допускъ раз- строчка.

Газета „Обновленная Россія“ носитъ себя цѣлѣю борбу за живыя дѣла ствительно, обновленную Россію, притѣсненную, живую, раз- вѣстѣ въ вопросы, касающіеся жизни и положенію русскаго народа, яства, деревенской и городской, городского и сельского произ- водства.

Главн. Контора и Редакція отдѣленія въ Петербургѣ

Стрем., № 12, 1-й этажъ

Издатель П. П. Четвериковъ

съ 900 г. въ г. Вяткѣ будетъ издаваться еженедѣльно, кромѣ дней праздничныхъ, общественно-политическая и литературная газета со всѣми отдѣлами большихъ газетъ при близкомъ участіи П. С. Голубова

ВЯТСКАЯ ЖИЗНЬ

Газета будетъ отстаивать народническое въ государственномъ и мѣстномъ управленіи и націонализацию земли въ экономической жизни.

Уловія подписки съ пересылкой и доставкой.

За годъ	6 руб. — коп.
На полгода	3 „ — „
На 3 мѣсяца	1 „ 75 „
На 1 мѣсяцъ	— 65 „
1 номеръ	— 5 „

Редакція и контора — на углу Царевской и Пятницкой ул., д. бывшаго Ковалько. Кромѣ того подписка принимается: 1) въ книжномъ и 2) почтовыми складахъ губернскаго земства.

Редакторъ А. А. Гурьевъ. Издатель П. А. ЧАРУШИНЪ.

АГЕНТСТВА РЕДАКЦИИ „ВОЛШЕБНАГО ФОНАРЯ“.

имѣются въ слѣдующихъ городахъ:

Москва: Фимона, Д. П. Каюкина и Макеева. Варшава: Цельмейстеръ, А. М. Воронеж: Королева (Вокзалъ ж. д.) Одесса: Москвитинъ Г. Г. (для не-кого крым. полуостр.). Ростовъ на Дону: Идосель, Г. Г. К. Рагаз. Донская Рѣчь (Таганрогъ и др. блжк. города). Рига: Блаженштейнъ, Г. Д. (Лабина, Вишва и близкіе ж. д. станціи). Вильно: Гейомъ, З. для Коп-но, Гродно, Минска, Витебска, и Могилена.

Редакція журнала „ВОЛШЕБНЫЙ ФОНАРЬ“ проситъ всѣ письма адресовать въ Контору СВВ., Знаменская, 7. Пробный № высылается за дѣтъ семи копѣчныхъ марки. Оъявленія принимаются по таксѣ: цѣлая стран. 120 руб. 1/2 стран. 70 р., 1/3 (однѣ столбцы) 50 р. 1/4 столбца. 30 р. Для годовыхъ и повторныхъ анонсодателей скидка.

Съ 1-го Января Контора журнала „ВОЛШЕБНАГО ФОНАРЯ“ переведе-а Знаменская 7, кв. 9, куда и обращаться съ требованіями на журналъ. Издатель по-прежнему принимаетъ на Нараванной 7, отъ 10 до 11 ч. утра.

Электропечатня К. А. Четверикова. СПб. Нараванная, 7.

1906 г.

1 Января.

- Какъ сами изволите видѣть, ваше сіятельство, корень сгнилъ.
— Это ничего. Мы сдѣлаемъ новый—изъ папье-маше. Въ бытность мою министромъ финансовъ я уже разъ это продѣлалъ...
— Но, ваше сіятельство, Государственная Дума—не свой братъ...
— Что? Вы вѣрите въ эту сказку?

КОНТОРА: Спб., Караванная ул. 7. Ц. 10 к. № 2. 8 Января 1906 г.
Выходить по Воскресеньямъ.

Открыта подписка на 1906 годъ

НА

Волшебный Фонарь

Подъ редакціей И. Н. Потапенко.

Еженедѣльный журналъ общественной и политической сатиры и карикатуры.

Смѣхъ—такое-же орудіе борьбы, какъ ружья, пушки, револьверы, торпеды, сабли и ножи. Но въ то время, какъ эти орудія дѣйствовать во всю, смѣхъ на Руси бездѣйствовалъ, ему было зажать ротъ и онъ принужденъ былъ ограничиваться беззубымъ хихиканьемъ по адресу того, что менѣе всего заслуживало осмѣянія.

Теперь мы получили право смѣяться и будемъ смѣяться смѣло, громко и безпощадно. И пусть всякій, кто владеетъ этакимъ тонкимъ и острымъ оружіемъ, приходитъ къ намъ и смѣется вмѣстѣ съ нами. Будь то слово или рисунокъ, страницы нашего журнала къ его услугамъ. Смѣхъ громкій, смѣлый и безпощадный. Но, избави насъ Богъ отъ грубаго площадного смѣха,—онъ достойнѣе улицы, мы-же работаемъ въ храмѣ искусства.

Подписка приним. въ конторѣ журнала СПб. Караванная 7.

Подписная цѣна за годъ 4 рубля.

полгода 2 р. 50 к.

Выходитъ по Воскресеньямъ. Отдѣльный № 10 коп.

Издатель. К. Четвериковъ.

9 Янв. 1905 г-

Съ душой безоблачной и ясной,
Съ открытымъ взоромъ, грудь впередъ—
Съ надеждой пламенной и страстной—
Онъ шель—довѣрчивый народъ.
Ступая твердо и спокойно,
Онъ къ высшей правдѣ путь держалъ,
И шель торжественно и стройно
И чистымъ сердцемъ уповалъ.
Вдругъ заллъ... другой... смягенье, крики...
Грохочутъ ружья... вновь и вновь...
И свистутъ пули, блещутъ шки,
Несутся стоны, льется кровь...

Народъ, какъ громомъ пораженный,
Въ оцѣпененіи стоялъ,
И—братской кровью обогрѣнный—
Съ тѣхъ поръ онъ вѣрить пересталъ.

К. Р.

Бѣгство истинныхъ патриотовъ, въ виду возможныхъ событій 9-го января.

Заграничныя письма.

Парижъ (отъ нашего собственного корреспондента). Извѣстіе о вспыхнувшей въ Москвѣ революціи какъ громомъ поразило французовъ. На бульварахъ, въ кафе, въ клубахъ только и было рѣчи, что объ этомъ неслыханномъ, непостижимомъ событіи.

— Какъ? восклицали въ одинъ голосъ наши друзья и союзники,—Москва? этотъ оплотъ порядка и повиновенія... и вдругъ...

И большинство французовъ не вѣрятъ. Тѣ-же, которые вѣрятъ, приходятъ въ негодованіе.

— Признаемся, мы никакъ этого не ожидали отъ русскихъ.

— То есть чего собственно не ожидали? осмѣлился спросить я.

— Мы не ожидали, что русскіе способны такъ подвести насъ, своихъ союзниковъ.

— Какъ подвести?

— Да помилуйте, мы заключили съ вами союзъ для того, чтобы опираться на васъ, какъ на сильную державу и показать кулакъ Германіи, а теперь оказывается, что вы совсѣмъ не сильная держава...

— Ну, положимъ, это временно... когда-же народъ дѣйствительно получитъ всѣ принадлежащія ему права...

— Но позвольте, когда это будетъ? До тѣхъ поръ Германія можетъ съѣсть насъ. А кромѣ того, мы вложили въ русскія предпріятія огромныя деньги, мы купили ваши бумаги... И теперь предпріятія лопаются, бумаги падаютъ... Что-же, вы думали, что мы дѣлали все это для вашихъ прекрасныхъ глазъ?.. Если-бы мы знали, что вы способны на подобныя штуки...

— Но, господинъ французъ, вѣдь революцію не мы выдумали, она пошла отъ васъ...

— Какъ отъ насъ?

— А какъ-же? 1789 годъ... Великая французская революція...

— Ну, оставьте пожалуйста. Во первыхъ, это Богъ—знаетъ, когда было. Уже даже мы, французы, забыли объ этомъ. А во вторыхъ—тогда еще не было ни фабричныхъ предпріятій, ни акцій, ни облигацій, ни государственной ренты. И вообще, пора перестать уже ссылаться на нашу революцію. Чуть гдѣ окажется бунтъ, сейчасъ на насъ киваютъ: это-де отъ французовъ идетъ. Не говоря уже о томъ, что это портитъ наши

международныя отношенія, это просто не имѣетъ смысла—ссылаться на то, что было болѣе ста лѣтъ тому назадъ. И мы васъ просимъ, посоветуйте вашимъ соотечественникамъ поскорѣ какъ-нибудь уладить это дѣло.

Берлинъ (отъ нашего собственнаго корреспондента). Взрывъ радости вызвало въ столицѣ Германіи извѣстіе о московскихъ событіяхъ. Берлинцы находятъ, что, въ связи съ событіями въ прибалтійскомъ краѣ, московская революція какъ нельзя лучше устраиваетъ нѣмецкія дѣла. Нѣмцы ждутъ только, чтобы огонь возстанія перенесся въ Петербургъ.

Въ освѣдомленныхъ кругахъ говорятъ о выработанномъ уже планѣ перехода всѣхъ прибалтійскихъ нѣмцевъ въ германское подданство. Въ началѣ это будетъ сдѣлано въ видѣ протектората. Затѣмъ нѣмецкія войска занимаютъ Ригу, Либаву, Виндаву и уже оттуда не выходятъ.

Латышей и эстонцевъ рѣшено обратить въ рабство, какъ несомнѣнно низшую по сравненію съ тевтонской расою. Польша будетъ соединена съ Познанью и ей будетъ придана форма рога нѣмецкаго барана.

Одновременно съ этимъ идутъ переговоры съ австрійскими нѣмцами.

Этимъ послѣднимъ, кажется, надобно ждать смерти престарѣлаго Франца-Иосифа. Находятъ, что онъ слишкомъ долго не умираетъ и начинатъ побаиваться, какъ-бы онъ не оказался безсмертнымъ. Опасеніе это поддерживается тѣмъ обстоятельствомъ, что Францъ-Иосифъ—нѣмецъ, а нѣмцу свойственно безсмертіе.

Въ виду этого среди австрійскихъ нѣмцевъ все больше и больше созрѣваетъ рѣшеніе теперь же пасть въ объятія Германіи. Въ такомъ случаѣ соединенными усиліями австрійскіе славяне будутъ обращены въ рабство и нѣмцы, за недостаткомъ рабочаго скота, будутъ запрягать на въ плуги и пахать на нихъ нѣмецкую землю.

Что касается Венгерцевъ, то имъ, какъ потомкамъ Гуновъ, пришедшихъ изъ Азіи, будетъ предложено по добру по здорову убраться туда, откуда пришли. Впрочемъ, желавшимъ будетъ предложено остаться и занять мѣста прислуги въ ресторанахъ. При этомъ дѣлается ссылка на русскіе рестораны, гдѣ обязанности лакеевъ без-

— Позвольте Что-же это такое? Уносить посуду...

— Во исполненіе приказа объ отобраніи у гражданъ всякаго рода холоднаго оружія...

подобно выполняют потомки чингисхана, родственные современным венграмъ.

Дальнейшее развитие плана заключается въ томъ, чтобы рабство постепенно распространить и на балканскихъ славянъ. Начнется это съ того, что Болгарскій князь Фердинандъ и Сербскій король Петръ будутъ, въ видѣ почетнаго повышения, переименованы въ германскихъ губернаторовъ.

Турцію рѣшено оставить неприкосновенной, въ виду существованія въ ней гаремовъ. Перепроизводство нѣмецкихъ дѣвицъ, не выходящихъ замужъ, породило мысль снабжать ими турецкіе гаремы, что, между прочимъ, будетъ способствовать улучшенію турецкой расы.

Только малая Азія съ Іерусалимомъ отойдетъ къ Германіи для того, чтобы къ титулу Германскаго императора можно было прибавить: король Іерусалимскій.

Намъ передаютъ слѣдующее, почти невѣроятное извѣстіе: будто-бы русское общество во всѣхъ, какъ близкихъ, такъ и отдаленныхъ углахъ Россіи, прочитавъ въ газетѣ „Русь“ письмо г. Стаховича, сообщающее объ обстоятельствахъ продажи ему г. Дурново овса, и о томъ, будто г. Дурново требовалъ отъ него, г. Стаховича, какіе-то 1500 рублей казенныхъ денегъ въ возмѣщеніе какихъ-то вовсе непретерпѣнныхъ имъ убытковъ,—все поголовно возмутилось.

И вотъ, на этихъ дняхъ, делегаты отъ всѣхъ губерній и областей собрались въ Петербургъ. Собраніе состоялось на марсовомъ полѣ, подъ открытымъ небомъ. Было рѣшено прежде всего спросить самого г. Дурново, намѣренъ-ли онъ возбудить дѣло противъ столь явно оклеветавшаго его г. Стаховича. Съ этою цѣлью была послана къ г. Дурново депутація. Она нашла министра въ его кабинетѣ, у телефона, съ прижатой къ уху телефонной трубкой.

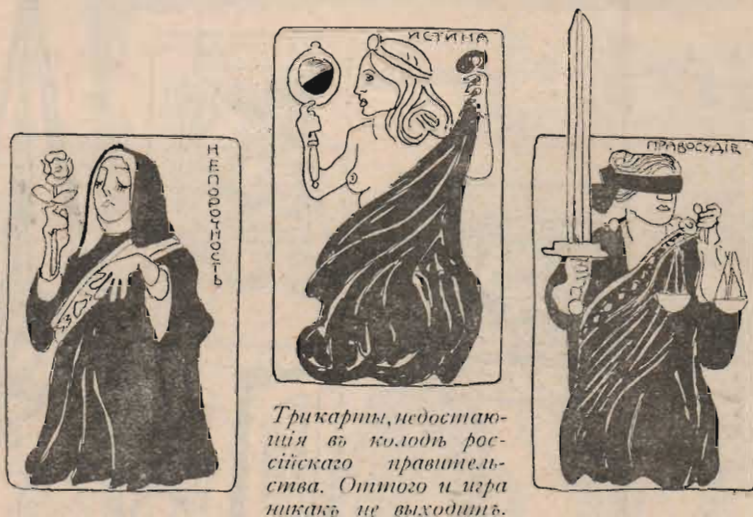
— Что вамъ угодно? спросилъ министр, на секунду оторвавшись отъ телефона.

— Мы касательно вопроса объ овсѣ, будто-бы...

— А!.. Извините. Я занятъ. Видите, съ Москвою разговариваю...

— Но собраніе делегатовъ отъ всей Россіи ждало-бы...

Министръ только мотнулъ головой и весь отдался телефону и Москвѣ.

Депутація постояла минутъ пять, а потомъ вернулась на марсово поле и о происшедшемъ доложила собранію.

И собраніе единогласно постановило слѣдующую резолюцію: „принимая во вниманіе, что лицо, занимающее столь высокое и почетное положеніе, какъ постъ русскаго министра внутреннихъ дѣлъ, никоимъ образомъ не должно быть обременено какою-бы то ни было клеветой, ибо репутація его должна быть чиста, какъ утренняя роса, самъ же министр, глубоко озабоченный событіями въ Москвѣ, никакъ не можетъ оторваться отъ телефона, чѣмъ единственно и объясняется его упорное молчаніе по вопросу, задвигающему честь не только его лично, но и всего правительства,—собраніе делегатовъ отъ всей Россіи постановило: помимо г. Дурново, отъ имени всего Русскаго общества привлечь г. Стаховича къ судебной отвѣтственности за оклеветаніе русскаго министра внутреннихъ дѣлъ, при чемъ веденіе дѣла поручить лучшимъ адвокатамъ, принявъ всѣ расходы на счетъ русскаго общества“.

Говорятъ, что съ юридической точки зрѣнія встрѣчается пренятствіе въ томъ, что, по русскимъ законамъ, возбуждать преслѣдованіе за клевету можетъ только само лицо потерпѣвшее. Но не можетъ быть сомнѣнія, что въ данномъ случаѣ наиболѣе потерпѣвшимъ лицомъ является именно общество, такъ какъ министръ есть только исполнительный органъ общества, которое довѣряетъ ему свои интересы.

Намъ трогаетъ и радуетъ такая резолюція,

ибо она показываетъ, что, если министръ, обвиненный въ покушеніи на казенныя деньги, и безмолвствуетъ, то народъ принимаетъ свои мѣры...

Переписка.

Милая Nini; благодарю тебя за поздравленіе съ новымъ годомъ, поздравляю и тебя, но, какъ ты догадываешься, безъ всякаго воодушевленія.

Новый годъ! Дядя сказать, что мы совсѣмъ не выйдемъ изъ деревни, потому что, вообрази это!—у насъ нѣтъ средствъ, чтобы жить въ Петербургѣ. И это въ то время, какъ въ закромахъ у дяди лежитъ нѣсколько десятковъ тысячъ пудовъ ржи, овса и еще чего-то... Но ты... я тебѣ говорю это по секрету. Дядя страшно боится, чтобы объ этомъ не узнали мужики. Сейчасъ-же придутъ и возьмутъ. Да, хлѣбъ лежитъ и цѣна стоитъ хорошая, а продать его нельзя. Увидятъ и разграбятъ. И изъ за этого мы принуждены всю зиму сидѣть въ деревнѣ.

Надо тебѣ знать, что у мужиковъ теперь голодъ. Ты не подумай, что это что нибудь особенное, исключительное. Это бываетъ каждый годъ въ извѣстные мѣсяцы. Ну, вотъ совершенно такъ, какъ въ Петербургѣ въ извѣстные мѣсяцы въ порядочныхъ домахъ бывають балы. Тамъ это—бальный сезонъ, а здѣсь—голодный. Мужики привыкли къ этому и въ прежнее время спокойно переносили. Когда наступалъ этотъ голодный сезонъ, они только раньше начинали дожиться спать и позже вставать, это—чтобы незамѣтно прошло время.

Обыкновенно этотъ сезонъ начинается въ ноябрѣ, когда кончается запасъ хлѣба, снятаго лѣтомъ, и тянется до марта, когда мужики получаютъ отъ земства зерно на обсеменение полей. Но они поля не обсеменяютъ, а просто съѣдаютъ это зерно. Но въ этомъ году мужики не хотятъ спокойно переносить голодный сезонъ и, какъ только увидятъ, что у кого-нибудь есть что-нибудь лишнее, сейчасъ отнимаютъ.

Поэтому дядя ужасно боится и увѣряетъ всѣхъ, что у него нѣтъ ни зернышка. Я сама видѣла, какъ онъ недавно передъ мужиками, которые просили у него хоть по мѣркѣ ржи, плакать, увѣряя ихъ, что у него ничего нѣтъ и что онъ скоро самъ пойдетъ по міру. Вотъ какъ прихо-

дится хитрить бѣдному дядѣ. А вѣдь онъ почтенный человѣкъ и камергеръ.

Ну, довольно. Надоѣла я тебѣ своими деревенскими жалобами. Ахъ, да, ты не рѣшаешься пожелать мнѣ жениха, боясь, какъ-бы онъ послѣ свадьбы не оказался социаль-демократомъ. И ты права, хотя не совсѣмъ точно: недавно ко мнѣ посватался одинъ графъ, свѣтскій человѣкъ, связи въ Петербургѣ, прекрасной фамиліи,—предки его были фореѣторами при конюшняхъ Императрицы Анны Іоанновны, а одинъ былъ придворнымъ баньщикомъ и собственноручно мылъ Бирона, за что и получилъ графское достоинство; владѣетъ пятнадцатью тысячами десятинъ башкирской земли, членъ партіи „правового порядка“ и пр. и пр. Дядя уже чуть, было, не далъ согласіе. Но однажды, когда онъ у насъ былъ въ гостяхъ, пріѣхалъ становой приставъ и арестовалъ его. Представь, чѣмъ онъ оказался? Ты думаешь—социаль-демократомъ? Нѣтъ, фальшивымъ монетчикомъ изъ Варшавы. У него тутъ-же, въ карманѣ нашли маленькую машинку, при помощи которой онъ дѣлалъ двугривенные.

Нѣтъ, въ наше время уважающая себя дѣвушка не должна выходить замужъ. Она должна ждать, пока установится порядокъ. Ну, прощай, Nini! кланяйся Вольдемару и скажи ему, что я болѣе не похожу на ангела—не такое теперь время.

Твоя Mimi.

Дорогая Mimi! Наконецъ-то, я могу написать тебѣ отрадное письмо.

Сегодня Рара дѣлалъ визиты какимъ-то очень важнымъ особамъ и пріѣхалъ домой такой довольный и радостный. Я давно его такимъ не видала.

Онъ весело потиралъ руки и говорилъ:—Слава Богу! слава Богу! мы, наконецъ, взяли за умъ!..

Маман спросила его, въ чемъ дѣло и что такъ приятно на него подѣйствовало и Рара объяснилъ:

— Да, да, слава Богу! Вотъ говорили, что съ новаго года Дурново выйдетъ въ отставку и на его мѣсто посадятъ какого-то земца, въ дѣйствительности-же онъ

не только не выходитъ въ отставку, а даже утверждается въ своей должности. Прежде онъ былъ только въ родѣ министра, а теперь министръ. Ну, значитъ, теперь онъ будетъ дѣйствовать рѣшительнѣе и мы, наконецъ, придемъ къ желанному порядку. Да и такъ уже приходимъ. Вотъ эту пресловутую Государственную Думу уже отложили на апрѣль, а въ апрѣлѣ, какъ всѣмъ извѣстно, бываетъ таянье снѣга, разливъ рѣкъ и наводненія и, конечно, она не состоится и будетъ отложена на іюль. А въ юлѣ самый разгаръ полевыхъ работъ, слѣдовательно въ Думѣ не мо-

жетъ быть представлено крестьянское сословіе и она будетъ отложена на сентябрь. А въ сентябрѣ—распутица, дороги дѣлаются непроѣздными и она будетъ отложена на январь. Въ январѣ-же будутъ трескучіе морозы... И такъ далѣе. Очевидно, что этой Государственной Думѣ никогда не суждено собраться.

Рара говоритъ, что Еврона, сочувствуя Государственной Думѣ, заблуждается, потому что не знаетъ русскаго климата. Въ Россіи климатъ монархическій. И пока онъ не переѣзжится, мы можемъ спать спокойно.

Кромѣ того, Рара проситъ меня написать тебѣ, чтобы ты посоветовала своему дядѣ ни за что не пролавать теперь овесъ, потому что съ утвержденіемъ въ должности г. Дурново овесъ въ самомъ скоромъ времени долженъ сильно подняться въ цѣнѣ.

И вообще Рара говоритъ, что все должно подняться, потому что, наконецъ, взяли за умъ...

Вольдемаръ благодаритъ и кланяется. Онъ недавно вѣдѣлъ на войну—противъ Латышей и выигралъ сраженіе. Ждетъ Георгія за храбрость. Цѣлую тебя.

Твоя Nini.

Пропавшая шапка

или

поразительный случай съ г. Мережковскимъ и супругой его Г-жей Гиппиусъ.

Пропала шапка... не Мономаха, а г. Мережковского.

Г. Мережковский—поэтъ, романистъ, переводчикъ классическихъ трагиковъ и религіозный философъ. Кромѣ того г. Мережковский—издатель прекратившагося журнала „Новый путь“ и мужъ Г-жи Гиппиусъ.

Г-жа Гиппиусъ—поэтесса, новеллистка и кромѣ того жена Г-на Мережковского.

Ни въ чемъ другомъ Г-г. Мережковскіе никогда не были замѣчены, ни въ хорошемъ, ни въ дурномъ.

Г. Мережковский писалъ стихи звучные, но сухіе, романы длинные, но

Крещеніе новаго министра юстиціи въ министерскую ванну.

Балерины, наскучив повторением всёго надоевшего хлама, требуют от директора постановки лучших оалетов — „Дочь фараона“, „Тщетная предосторожность“, „Эсмеральда“ увезенных Г-жой Кшесинской на ривьеру. Битцы рзутся къ нимъ, но Г-жа Кшесинская держатъ ихъ на цѣпи и не пускаетъ. Директоръ. Радъ бы душой, да... Вспомните судьбу моего предшественника...

ТАЙ ДЪ ТКАМЪ ПОДАРОКИ

Витте.

Трепову.

Дурново.

Игнатъеву.

Дубасову.

Побѣдоносцеву.

Американскій житель, самолично
вывезенный изъ портемуга.

— Ну, что, братецъ?
— Да такъ, ваше сіятельство... Что-то ничто изъ этого не
выходитъ. Видно, гусь свинѣ не товарищъ.

— Ваше Благородіе, это грабѣжъ: обѣщали за скубентовъ по полтиннику, а даеете двугривенный.

архивнымъ документамъ, и скучные. Переведенныя имъ, классическія трагедіи шли на сцену Александринскаго театра, при чемъ онъ говорилъ къ нимъ „предисловіе“. Религіозная философія его—средняго достоинства. А журналъ „Новый путь“ былъ оскверненъ участіемъ въ немъ г. Минскаго, который въроломно и внезапно обернулся въ социаль-демократа.

Г-жа Гиппиусъ писала оригинальныя новеллы и демоническіе стихи, красивые и иногда талантливые, тоестъ именно тогда, когда она объѣтомъ не заботилась.

Но никогда не было слышно, чтобы это почтенное семейство занималось фабрикаціей бомбъ. И вдругъ—обыскъ...

Конечно, ни одной бомбы не нашли, но сыск-менамъ показалась подозрительной шапка Г. Мережковского и они ее арестовали. Г. Мережковский остался безъ шапки и принужденъ былъ покрыть голову платкомъ Г-жи Гиппиусъ.

Г. Мережковский предалъ этотъ фактъ суду общественнаго мнѣнія и, такъ какъ общественное мнѣніе нынче живетъ на столбахъ „Новаго времени“, то приводимъ его въ томъ видѣ, какъ оно высказано г. Суворинымъ:

Главный цензоръ.

Разбери тутъ, кто на кого опирается.

„Обыскъ есть полицейскій актъ, существующій во всѣхъ государствахъ“.

И далѣе:

„Если политическія обстоятельства требуютъ, сдѣлайте милость, обыскивайте“.

Такъ говоритъ убѣленный сѣдинами русскій журналистъ, впрочемъ, имѣющій основанія думать, что къ нему ни въ какомъ случаѣ не придутъ для совершенія „полицейскаго акта“.

А какъ-же шапка?

Г. Суворинъ общается похлопотать, гдѣ слѣдуетъ, чтобы шапка была возвращена Г-ну Мережковскому.

Вниманіе! Вниманіе! Вниманіе!

Прошу обратить вниманіе на мой финансовый проэктъ, способный спасти русскій государственный бюджетъ отъ потрясенія!

Какъ извѣстно, государственный бюджетъ на 1906 г. составленъ съ дефицитомъ около 500 милліоновъ рублей, не хватающихъ именно на чрезвычайные расходы.

Г. Коковцевъ поѣхалъ въ Парижъ перехватить эту сумму у французовъ, но французы угостили его хорошимъ завтракомъ и ограничились тѣмъ, что „объщали посулить“ какихъ-то тамъ сто милліоновъ, да при томъ на короткій срокъ.

Мой проэктъ заключается въ томъ, чтобы въ бюджетѣ статью „чрезвычайные расходы“ переименовать въ „обыкновенные“, и наоборотъ. Тогда что-же выйдетъ? Чрезвычайные расходы, будучи переименованы въ обыкновенные (на какие деньги есть), будутъ произведены полностью, а обыкновенные, будучи переименованы въ чрезвычайные, могутъ и подождать. Въдь это что-же? Содержаніе учебныхъ заведеній, жалованье чиновникамъ, войску и т. п. Учебныя заведенія могутъ простоять закрытыми еще годикъ, а чиновники и войска какъ-нибудь прокормятся домашними средствами. Тѣмъ болѣе, что они сами виноваты во всемъ происшедшемъ: зачѣмъ во время не приняли надлежащихъ мѣръ?

Такимъ образомъ мы сможемъ обойтись безъ всякихъ займовъ и не будемъ кланяться ни французамъ, ни Вильгельму.

Однако, сто милліончиковъ, ежели ихъ французы дадутъ, всетаки взять—на случай.

Вотъ мой проэктъ! Прошу обратить на него вниманіе!

Ищутъ каюши его превосходительства...

Из шуточнаго посланія (къ Жуковскому).

Въ этомъ посланіи (Пушкина) предлагается помянуть:

Трехъ Матренъ.

Да Луку съ Петромъ;

Двухъ Дурново — военного и штатскаго.

Да Иоанна Кронштадскаго.

Во имя отца и сына —

Помянуть Поблдоносцева Константина.

А если этого мало,

Еще помянуть Клейгельса генерала.

Нельзя обойти и графа Игнатьева,

Хотя и боязно къ ночи помянуть его.

Помянуть еще Тренова, Коменданта дворцоваго,

Душителя и взыскателя образцоваго, Стесселя, что умѣетъ сдавать крѣ-

пости

Тихо, мирно, безъ всякой свирѣпости;

Куропаткина, проигравшаго всѣ сраженія

Безъ малѣйшаго для себя униженія.

Но сберегшаго себя два съ лишнимъ милліона.

Не забыть тутъ, кстати генерала Скалона.

Помянуть канувшаго въ Лету Глазова

И внезапно возникшаго Дубасова, Но на семъ послѣднемъ надобно

остановиться:

Такой герой, что нельзя на него надивиться.

Невозможно помянуть всякую каналию...

Ахъ, чуть не забылъ Грингмута Карла — Амалию!

Да коли случай есть, помянуть уже заодно

Кіевскую сирену съ Лысой горы — Пихно

И его товарища по ремеслу — Крушевана,

Такъ сказать, почетнаго хулигана.

И чтобъ помянуть уже всѣхъ сыновъ Эдема —

Не забудемъ Нейгарта да барона Медема.

Само собою, и Витте — всѣхъ русскихъ свободъ хозяина.

Ну, теперь всѣ... Ахъ, забыли помянуть Каина!

И Шмакова еще — московскаго патриота,

Да еще Аду Искаріота.

К. Р.

ГОВОРЯЩІЯ ТѢНИ.

Дубасовъ и его сущность.

Лейтенантъ Шмидтъ и
адмиралъ Чухминъ.

А можетъ случиться и
наоборотъ.

— Иванъ Ивановичъ, если-бъ васъ выбрали въ Государственную Думу, то гдѣ вы заняли-бы мѣсто: въ центрѣ, въ лѣвой, или правой?

— Поближе къ буфету, Николай Васильевичъ.

На улицѣ.

Газетчикъ (кричитъ). Рабочая марсельеза! „Вставай, поднимайся, рабочий народъ!“

Городовой. Чего орешь? И такъ ужъ поднялся! не видишь, что-ли?

Еще замѣчательный устъхъ русской дипломатіи. Изъ Берлина телеграфируютъ, что Императоръ Вильгельмъ во время пріема вдовцовъ на виду у всѣхъ придворныхъ чрезвычайно ласково разговаривалъ съ русскимъ уполномоченнымъ, бывш. министромъ финансовъ Коковцевымъ, при чемъ его величество, изъ понятной деликатности, тщательно избѣгало вопроса о деньгахъ, а все спрашивало о томъ, какъ поживаетъ графъ Сергій Юльевичъ Витте.

Между прочимъ Германскій Императоръ спросилъ: доволенъ-ли русскій народъ данною ему конституціей? на что русскій уполномоченный затруднился отвѣтить и промолчалъ.

Патріотизмъ прибалтійскихъ дворянъ. Прибалтійскіе дворяне подали петицію о возмѣщеніи имъ всѣхъ убытковъ, причиненныхъ во время возмущенія народныхъ массъ, — изъ государственнаго

казначейства. Въ случаѣ неисполненія этого требованія, бароны обѣщаютъ обратиться за тѣмъ-же къ прусскому правительству, предварительно перейдя въ прусское подданство.

Передаютъ, что русское правительство отвѣтило согласіемъ, съ условіемъ, однако, что изъ суммъ, предназначенныхъ въ возмѣщеніе баронскихъ убытковъ, будутъ вычтены расходы на посылку войскъ для усмиренія латышей и другихъ возмущившихся народностей, на изготовленіе пушекъ, ружей, пулеметовъ, патроновъ, пороха и т. п.

Шпикушенный языкъ. Графъ Витте, какъ то нечаянно выразившій сомнѣніе въ томъ, что въ Россіи дѣйствуютъ свободы, дарованныя манифестомъ 17-го октября, спохватился и прикусилъ себя языкъ. Слѣдствіемъ этого была легкая лихорадка и передъ новымъ годомъ поговаривали даже объ отставкѣ графа по разстроенному здоровью и о замѣнѣ его г. Дурново.

Въ настоящее время мы можемъ сообщить съ достовѣрностью, что языкъ графа Витте пришелъ въ нормальное состояніе, графъ остается на своемъ посту; что-же касается свободъ, то, по объясненію графа, онѣ въ Россіи существуютъ и дѣйствуютъ на всѣхъ парахъ.

Оптимистъ. Изъ „Новаго времени“ узнаемъ, что извѣстнѣйшій театралъ и дѣятель В. Кривенко твердо вѣритъ въ торжество здраваго смысла какъ

Зайцы много проводятъ время. Пифъ-пафъ... зайцы убираются...

Что-то тревожно...

казскаго населенія, но не берется судить о мѣрахъ для подавленія возстанія.

Тотъ-же Кривенко, сообщая о предстоящей отставкѣ намѣстника на Кавказѣ, гр. Воронцова Дашкова, очень хвалитъ его за мирныя наклонности и желаетъ ему счастливой дороги и пріятнаго аппетита.

Мы съ своей стороны желаемъ ему того-же.

Свобода печати. Варшавской прокуратурѣ предоставлено привлекать къ отвѣтственности редакторовъ Петербургскихъ газетъ за статьи по польскимъ вопросамъ въ тѣхъ случаяхъ, когда Петербургская прокуратура таковыя статьи проглядѣла.

Въ видахъ дальнѣйшаго развитія, дарованной манифестомъ 17 Октября, свободы слова, имѣется въ виду такое-же право предоставить прокуратурѣ Московской, Казанской, Тифлисской, Одесской

или село, или мѣстечко, или деревню, или станицу, или посадъ, или слободу, или мызу, или фольваркъ, или станцію, или полустанокъ въ Россійской Имперіи, гдѣ не было вооруженнаго возстанія, или погрома, или аграрныхъ безпорядковъ, или мятежа, или бунта, или „столкновенія“.

Премія: удовлетворительно рѣшившіе предложенную тему получаютъ отъ охраннаго отдѣленія патентъ на неприкосновенность ихъ личности.

Сообщилъ пролетарій.

Реабилитация? Оконевъ, убившій въ ресторанѣ „Медвѣдь“ студента Давыдова за недостаточное прямое стояніе во время исполненія народнаго гимна, по словамъ газетъ, былъ уволенъ изъ сумскаго полка за исторію о пропажѣ денегъ изъ солдатскихъ писемъ и за шулерство.

Говорятъ, что партія „Правового порядка“ въ виду столь ярко проявленнаго Оконевымъ въ ресторанѣ „Медвѣдь“ патріотизма, усиленно хлопочетъ о реабилитациі Оконева. Особенно стараются объ этомъ „женщины полусвѣта“, которыя, стоя надъ трупомъ убитаго студента, изступленно кричали: „собакѣ собачья смерть“. Эти женщины въ экстренномъ собраніи партіи „Правового порядка“ избраны почетными членами партіи.

Въ тотъ-же день получена поздравительная телеграмма отъ „союза землевладѣльцевъ—дворянъ“. Между прочимъ отъ нѣкоторыхъ одинокихъ союзниковъ сдѣланы отличившимся женщинамъ выгодныя предложенія...

Къ свободѣ печати. Изъ провинціальныхъ городовъ сообщаютъ о выходѣ въ свѣтъ несмѣтнаго количества новыхъ газетъ, которыя, впрочемъ, всѣ конфискуются въ самый день ихъ выхода, а редакторы арестуются.

Говорятъ, что практикой выработаны уже сокращенный способъ изданія газетъ, а именно: задумавшій издавать газету добровольно садится на три дня въ тюрьму, затѣмъ выноситъ „отступное“—въ размѣрѣ десяти тысячъ рублей и тѣмъ избавляется отъ дальнѣйшихъ хлопотъ и расходовъ по изданію.

Воронъ ворону глазъ не выклюетъ.

Отвѣт. Редакторъ И. Н. Поталенко.

Кіевской, Херьковской и всѣмъ остальнымъ, при чемъ за голову каждаго редактора будетъ установлена премія изъ бюджетныхъ суммъ, предназначенныхъ на чрезвычайные расходы.

Размѣръ преміи будетъ зависеть отъ большаго или меньшаго успѣха миссіи Коконцева въ Парижѣ и другихъ мѣстахъ, гдѣ имѣются деньги.

Конкурсъ.

(Убѣдительно просятъ дѣтей младшаго возраста не участвовать въ конкурсѣ).

Тема: требуется назвать городъ, или портъ,

Издатель К. Четвериковъ.

Съ 15-го Ноября выходитъ ежедневная политико-экономическая и литературная газета „ОБНОВЛЕННАЯ РОССИЯ“.

Газета высылается со дня полученія денегъ

Подписка на 1906 г. открыта

ЦѢНА ЗА ГОДЪ 3 РУБЛЯ 60 к., съ доставкой и пересылкой по всей Россіи. Холуск. разсрочка.

Газета „Обновленная Россія“ ставитъ себѣ цѣлью: борьбу за новую, дѣйствительно обновленную Россію и безпристрастную, живую разработку всѣхъ вопросовъ, связанныхъ съ судьбами и положеніемъ русскаго крестьянства, деревенской интеллигенціи, городского и сельскаго пролетаріата.

Главн. Контора и Редакція. Отдѣленіе. конторы: С.-ПЕТЕРБУРГЪ. С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Стрем., № 12, с. д. Невск. пр., № 96.

Редакт. А. Е. Зоринъ.

Издатель П. П. Сойкинъ.

!!! Первый разъ въ Россіи!!!

Кто хочетъ выйти ЗАМУЖЬ или ЖЕНИТЬСЯ, тотъ долженъ подписаться на журналъ

„ГАЗЕТА СВАХА“

выходящій еженедѣльно съ иллюстраціями.

Первый и единственный органъ въ Россіи, поставившій себѣ цѣлью ЗАКЛЮЧЕНІЕ УМРѢЛЕНІЕ и ПРОЦВѢТАНІЕ браковъ, являющійся строго приличнымъ семейнымъ журналомъ, чуждымъ порнографіи и пошлости

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА 1 р. четверть года съ доставкой; годъ Р. 3 КОНТОРА и РЕДАКЦІЯ Спб., Лиговка, уг. Гусева 29.

АГЕНТСТВА РЕДАКЦИИ „ВОЛШЕБНАГО ФОНАРЯ“.

имѣются въ слѣдующихъ городахъ:

Москва: Ефимова, Д. П. Ключкина и Макенцова. Варшава: Цельменстеръ. Д. М. Вороножъ: Королева (Вокзалъ ж. д.). Одесса: Мещкинъ Г. Г. (для всего края. полуст.). Ростовъ на Дону: Цаголь, Г. Г. К-ра газ. „Донская Рѣчь“ (Таганрогъ и др. близк. города). Рига: Блаженштейнъ, Г. Л. (Либавъ, Видава и близкія мѣстности). Вильно: Голомбъ, Э. для Ковно, Гродно, Милека, Витебска, и Могилева.

Редакція журнала „ВОЛШЕБНЫЙ ФОНАРЬ“ проситъ всѣ письма адресовать въ Контору Спб., Караванная, 7. Пробный № высылается за двѣ семи копѣечныя марки. Объявленія принимаются по таксу: цѣлая стр. 120 руб. 1/2 стр. 70 р., 1/3 (одинъ столбецъ) 50 р. 1/3 столбца. 30 р. Для годовыхъ и повторныхъ анонсодателей скидка.

МОСКОВСКИЙ ВАМПИРЪ.

РОМАНСЪ.

Изъ репертуара Вязлицевой, на мотивы: „Ахъ! да пускай съитъ осуждаютъ“.

(Посвящается премьеру).

Ахъ! да пускай Русь осуждаетъ,
Ну, да пускай бранить Молва...
Министромъ разъ кто былъ—тотъ знаетъ
И не осудить никогда.

А мнѣ мой постъ всего дороже,
Миръ остальной мнѣ нипочемъ,
Что до свободъ, скажу все то-же:
Мы подождемъ. . . . мы подождемъ!..

Меня отвергъ ты, другъ мой милый,
Мой братецъ, пролетаріатъ;
Теперь-же я заставлю силой—
Тебя молчать. . . . тебя молчать!..

Пускай плодитъ я лишь обманы!
Но все-жъ премьеръ и графъ вѣдь я!
Хоть нѣтъ свободъ, но есть арканы..
Все у меня. . . . все у меня!..

Свободы все пошли на смарку,
Нагайки васъ уймутъ, друзья,
Пускай бранить, но самъ въ отставку
Не выйду я, не выйду я!

Н. Ф-ст.

— Скажите, этотъ Окопери, должно быть, богатъ?
— Нисколько...
— Но онъ, говорятъ, кутитъ...
— Ахъ, это, знаете, какъ говорится, на череметевскій счетъ...

Знаменательная полемика. Между министромъ-президентомъ Витте и проф. Латкинскимъ (въ „Словѣ“) завязалась полемика по вопросу о происхожденіи слова „самодержецъ“. Отъ исхода полемики зависитъ рѣшеніе вопроса, есть-ли у насъ конституція, или намъ не видать ее, какъ свѣтъ ушей.

КОНТОРА: Слб., Караванная ул. 7.

Ц. 10 к.

№ 3.

15 Января 1906 г.

Объявление о подпискѣ на „Волшебный фокусъ“
см. на 2-й страницѣ.

Выходить по Воскресеньямъ.

„КАКОЙ просторъ“! (съ картины Рыбника.)

Подъ редакціей И. Н. Потапенко.

КРЕДИТ
В. А.
ТАШКЕНТСКАЯ
ПЕЧАТН.
10 КОП

DK262
R9

Открыта подписка на 1906 годъ
НА

Волшебный Фонарь

Подъ редакціей И. Н. Потапенко.

Еженедѣльный журналъ общественной и политической сатиры и каррикатуры.

Смѣхъ—такое-же орудіе борьбы, какъ ружья, пушки, револьверы, торпеды, сабли и ножи. Но въ то время, какъ эти орудія дѣйствовали во всю, смѣхъ на Руси бездѣйствовалъ, ему былъ зажатъ ротъ и онъ принужденъ былъ ограничиваться беззубымъ хихиканьемъ по адресу того, что менѣе всего заслуживало осмѣянія.

Теперь мы получили право смѣяться и будемъ смѣяться смѣло, громко и безпощадно. И пусть всякій, кто владеетъ этимъ тонкимъ и острымъ оружіемъ, приходитъ къ намъ и смѣется вмѣстѣ съ нами. Будь то слово или рисунокъ, страницы нашего журнала къ его услугамъ. Смѣхъ громкій, смѣлый и безпощадный. Но избави насъ Богъ отъ грубаго площадного смѣха,—онъ достойнѣе улицы, мы-же работаемъ въ храмѣ искусства.

Подписка приним. въ конторѣ журнала СПБ. Караванная 7.
Подписная цѣна за годъ 4 рубля.
" " " полгода 2 р. 50 к.
Выходитъ по Воскресеньямъ. Отдѣльный № 10 коп.
Издатель. К. Четвериковъ

На одной изъ планетъ мірового пространства появилась афиша, напечатанная огненными буквами слѣдующаго содержания:

„Къ свѣдѣнію жителей всей вселенной:

На планетѣ земли, на пространствѣ, заключенномъ между сѣвернымъ ледовитымъ океаномъ и чернымъ и каспійскимъ морями, вотъ уже въ теченіи нѣсколькихъ столѣтій происходитъ величайшее *исцѣленіе*, какое когда либо видѣла вселенная. Въ настоящее время разыгрывается послѣдній актъ этой міровой драмы. Чудовище напрягаетъ послѣднія силы.... Обитатели вселенной приглашаются взглянуть на это зрѣлище, которое наскоро уже потомъ не повторится. Совѣтуюте торопиться, чтобы не опоздать. Для наглядности прилагается рисунокъ“.

Въ странѣ свободы.

Приводимыя ниже извѣстія взяты прямо изъ газетъ.

Въ Харьковѣ: Протоіерей Григоровичъ и священники: Фалевскій, Шаповаловъ, Купленскій и Вознесенскій, помѣстившіе въ газетѣ „Волна“ статью съ требованіемъ съ точки зрѣнія христиан-

скаго ученія, оно еще не достигло гражданского совершеннѣйшаго и потому находится подъ ожекой полиціи и архіепископовъ...

Въ Богородскѣ: Никакой предвыборной агитаціи. Ни о какихъ политическихъ партіяхъ, хотябы даже правыхъ, нѣтъ и помина. Тюрьма переполнена. Часть арестованныхъ помѣщается въ земскомъ арестномъ домѣ.

скаго ученія отбѣны смертной казни, получили „должное вразумленіе“ отъ архіепископа и отданы подъ надзоръ благочинныхъ. Въ случаѣ-же пераскаянія, они будутъ преданы церковному суду.

Бѣдные и наивные пастыри, они не знаютъ, что еще не наступило время для точки зрѣнія христианскаго ученія. Въдь еще всего только девятнадцать вѣковъ прошло со времени рожденія

Но разсудите: какая-же можетъ быть агитація и какія партіи, когда всѣ жители города сидятъ въ тюрьмѣ? Остались на свободѣ только полицеймейстеръ, пристава, околожочные, городовые, брагтмейстеръ и пожарные.

Министръ и школа. Наглядное изображеніе постепеннаго превращенія обыкновеннаго человѣка въ министра.

Въ Ноябрь.

Въ Декабрѣ.

Въ Январѣ.

Какъ я его встрѣтилъ.

Стрѣлка приближалась къ одиннадцати...

Я собирался отправиться въ одинъ изъ ресторановъ, чтобы хотя не въ одиночествѣ проводить этотъ тяжелый годъ и встрѣтить Новый...

Вдругъ звонокъ. Прислуга докладываетъ, что пришелъ какой то полицейскій чинъ...

„Вотъ такъ штука“, мелькаетъ мысль. „Обыскъ... Высадка—по подозрѣнію... Въмѣсто ресторана угодишь въ казематы не столь отдаленные“...

Выхожу... Предо мною самъ г. приставъ... Учтивъ до чрезвычайности... Тоже плохой знакъ!...

— Докторъ, васъ просятъ къ роженицѣ...

(Примѣчаніе для непосвященныхъ:— по профессіи я врачъ).

— Къ роженицѣ?.. Но г. приставъ, я вѣдь не акушеръ... Это не моя спеціальность.

— Ничего не значить...

— Но я только что собирался ѣхать встрѣчать Новый Годъ...

— Отлично... Вы его именно и встрѣтите тамъ, куда я везу васъ...

— Однако...

Изъ за двери выглянули двѣ добрыя жандармскія головы... Значить спорить больше не о чемъ...

Надѣваю шубу и отправляюсь подъ руку съ г. приставомъ, въ полномъ убѣжденіи, что домой я уже скоро не вернусь...

Какая честь—меня усаживаютъ на лихую фельдъегерскую тройку—совсѣмъ какъ въ подлое старое время возили господа декабристовъ и иныхъ важныхъ „политическихъ“... Мнѣ завязываютъ платкомъ глаза... Мы мчимся съ быстротою курьерскаго поѣзда...

— Мы пріѣхали...—слышу голосъ пристава.

Меня ласково высаживаютъ и осторожно ведутъ...

Когда мнѣ развязали глаза, я увидѣлъ, что нахожусь въ какомъ то мрачномъ подземельи, наполненномъ людьми разнаго званія.

Но я не успѣлъ порядкомъ оглядѣться...

Меня подвели къ громадной кровати, на которой металась колоссальнаго сложенія женщина съ измученнымъ, иззелена—блѣднымъ лицомъ. У изголовья была прибита досочка. И на ней, при колеблющемся блескѣ факела, я прочиталъ надпись: „Россія“.

Женщина скрежетала зубами и стонала.

Вся постель была залита кровью... Очевидно, нормальный ходъ родовъ былъ нарушенъ. Пред-

родовое сильное кровопротіе угрожало жизни матери и ребенка...

Я наложилъ плотный ватный тампонъ и сдѣлалъ подкожное впрыскиваніе эрготина... роженица немного успокоилась впала въ забытіе...

Тогда я сталъ приглядываться къ окружающимъ...

Ближе къ кровати жались какіе то господа мрачнаго типа, съ портфелями подъ мышкой... Среди нихъ выдѣлялся высокій господинъ съ плутоватымъ взглядомъ подъячаго и мягкими, лисьиими ухватками... Сначала я думалъ, что это представители бюро похоронныхъ процессій, почуявшихъ запахъ мертвечинки. Но на портфель плутоватаго господина я прочиталъ: „Кабинетъ Министровъ“...

По другую сторону кровати толкались, стараясь наступить другъ другу на мозоль, и ругаясь скверными словами, какіе то краснорожіе генералы. У нѣкоторыхъ изъ нихъ тоже были портфели подъ мышкой, съ надписями: „генералъ—губернаторъ“...

Поодаль отъ кровати, убѣдительно „осаживаемыя“ городовыми и жандармами, стояли нѣсколько отдѣльныхъ группъ: студенты, крестьяне, рабочіе, инородцы...

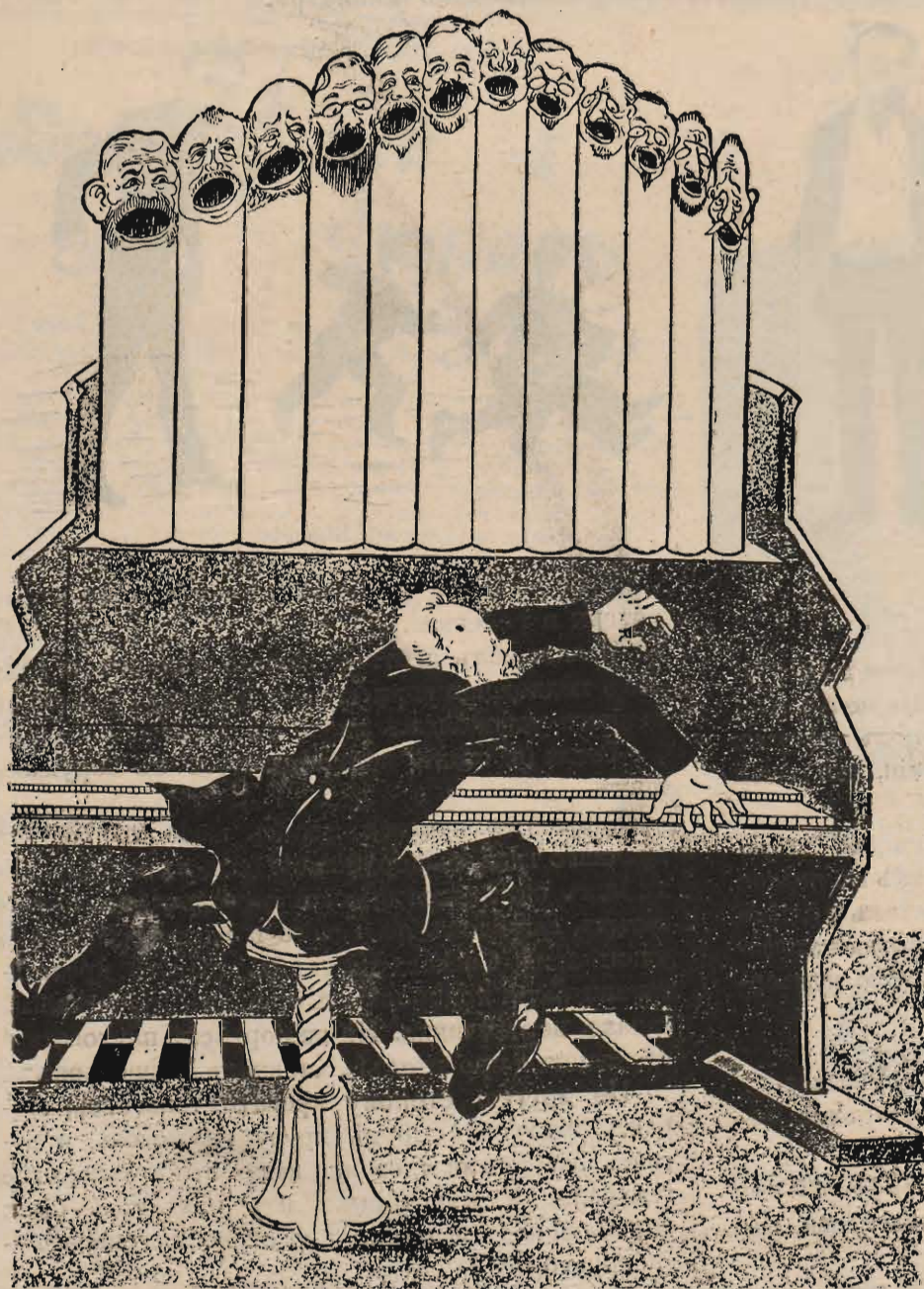
Роженица начала опять метаться и стонать.

Очевидно, наступалъ моментъ родовъ...

Я приступилъ къ исполненію акушерскихъ обязанностей...

Гдѣ то двѣнадцать разъ прокаркала воронъ...

Въ моихъ рукахъ очутился маленькій, худо-

Граф-виртуоз задает концерты на органъ на удивленіе всей Европы.

сочный, костлявый младенец—весь запачканный лишкою кровью. На лбу его выдѣлялось кровавое влеймо: 1906 годъ...

Младенецъ не дышалъ... Очевидно, при первомъ глоткѣ вѣшняго воздуха онъ захлебнулся кровью матери... Но сердце его билось. Его можно

было еще спасти посредствомъ длительного систематическаго откачиванія...

Я показавъ близъ стоящимъ господамъ съ портфелями, какъ слѣдуетъ производить это откачиваніе и передалъ имъ младенца, а самъ началъ опять унимать кровотеченіе у совершенно обезсилѣвшей уже родильницы...

Господа съ портфелями подбрасывали ребенка, хлопали его по заду и по бедрамъ, всячески его тормозили—вообще производили съ нимъ удивительные, безусловно вредные эксперименты...

Я отнялъ у нихъ младенца, и передалъ краснорожимъ генераламъ...

Но тутъ дѣло пошло еще хуже...

Стараясь оживить младенца, эти господа щипали его до синяковъ, щелкали по носу, вытягивали ему языкъ, а одинъ ухитрился даже вырвать у младенца клочъ волосъ...

Я выхватилъ ребенка и передалъ его вдали стоявшимъ группамъ...

Осторожно и любовно обращались они съ этимъ несчастнымъ заморышемъ.

Но ихъ работѣ не хватало терпѣнія, силы, ловкости и систематичности, ребенокъ все не дышалъ. Сердечко его еле билось...

— Дозвольте, г. докторъ, мнѣ попробовать... Мы ко всякому мастерству привычны...

Я повернулъ голову. Говорилъ стройный, худощавый парень изъ группы рабочихъ.

Я передалъ ему ребенка.

Правильно, методически, не торопясь, началъ онъ откачивать младенца, строго придерживаясь

указанныхъ мною пріемовъ... Результатовъ въ началѣ не получалось... Но рабочий не уставалъ; упрямо и спокойно продолжалъ онъ свою работу. Въ глазахъ его свѣтилась неизсякаемая энергія и сознаніе исполняемаго долга...

Прошло томительныхъ четверть часа... И вдругъ глазки ребенка оживились... Изъ груди его вырвался первый, слабый вздохъ...

Онъ былъ спасенъ!...

Конечно господа, послѣ этого я проснулся—какъ вообще и всегда полагается въ подобныхъ случаяхъ....

Импрессионистъ.

Пословицы и загадки „Волшебнаго фонаря“.

Даль Богъ нашему сидню ноги.

Забился, какъ козырь въ колоду.

Подъ прессомъ давленія двухъ атмосферъ.

• **КОКОВЦЕВЪ** (По возвращении из Европы). Извините, графъ, кланчилъ, кланчилъ ничего не могъ выключить. Всю Европу объѣздивъ. Народу, говорятъ, дадимъ, сколько угодно, а вамъ, господа ломанного гроша на повѣривъ...

Прячется, какъ собака отъ мухъ.

Зарылся, какъ свинья въ навозъ.

Приперто,—а валится; приколешь—пищитъ.

Не беретъ его—ни отваръ ни присыпка.

Свободы не ѣмъ, конституціи не хочу, республику терпѣть не могу.

Съ Витте, что съ мертвого—ничего не возьмешь.

Шутъ, шутъ, поиграй да опять отдай.

Луканька хвостомъ накрывъ.

Давно-ль обѣщаль, да ужъ забылъ.

Про насъ писано, да не намъ дадено.

Революція не солянка,—ложкой не расхлебашь.

Свобода не безъ гроба, премьеръ не безъ утробы—всю слопать.

Нашъ Сергунька не брезгунька,—ѣсть пряники и писанины.

Витте не выдастъ, Дурново не съѣсть.

Генер. Штакельбергъ ни при какихъ обстоятельствахъ не разстается съ своей коровой.

Дневникъ Хроникера.

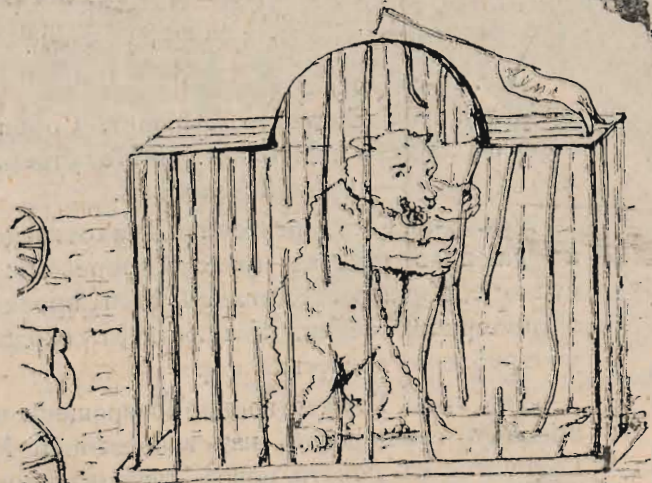
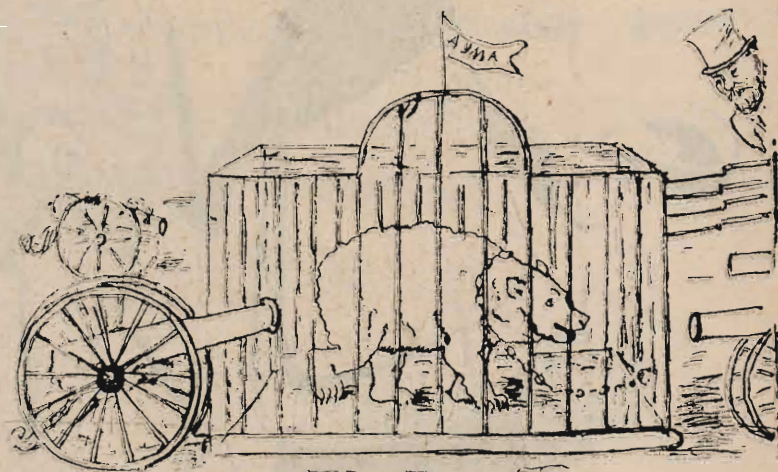
(Материалы для будущаго историка).

Дек. 16-20 (1905 г.). Сраженіе при Москвѣ—рѣшѣ продолжается. Согласно „Правит. Сообщ.“, потери въ людяхъ ничтожны. Витте утверждаетъ, что Дурново—хорошій человѣкъ.

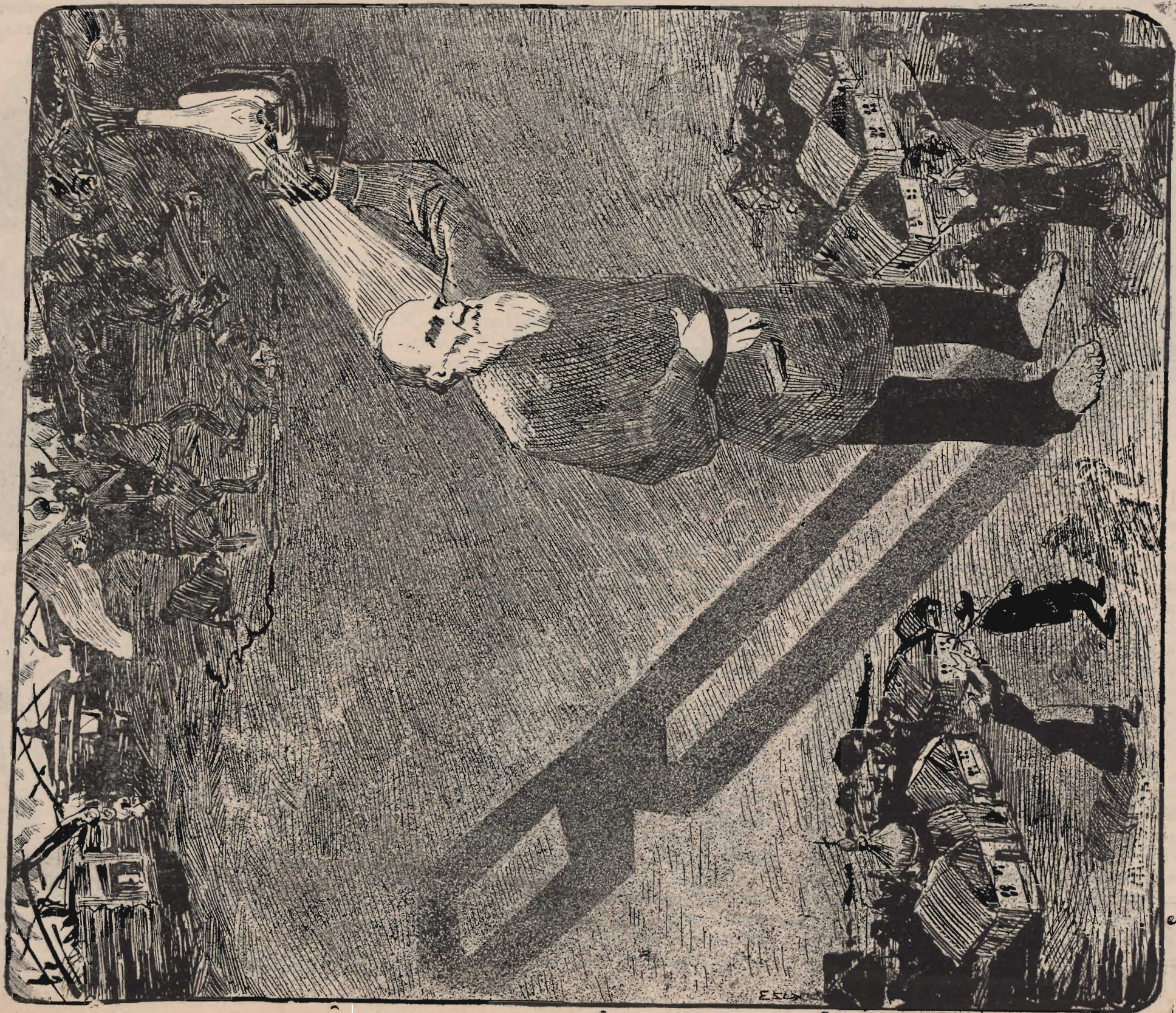
Дек. 17-20. Государственная Дума откладывается ad calendas graecas—(русскій переводъ: „подъ сукно“). Кутлеръ сжигаетъ свой проектъ объ экспроприации земли. У крестьянъ входитъ въ употребленіе древесная кора.

Дек. 19-20. Торжественное возвращеніе побѣдоносныхъ семеновцевъ изъ завоеванной Москвы. Готовится къ печати новое—исправленное и дополненное изданіе: „Руководство къ производству обысковъ“. Направленіе радикальное.

Дек. 20-20. Въ Петербургѣ спокойно. Васильевскій островъ на военномъ положеніи. Для удобства (при обыскахъ) обывателямъ рекомендуется ходить съ приподнятыми руками, растегнутымъ

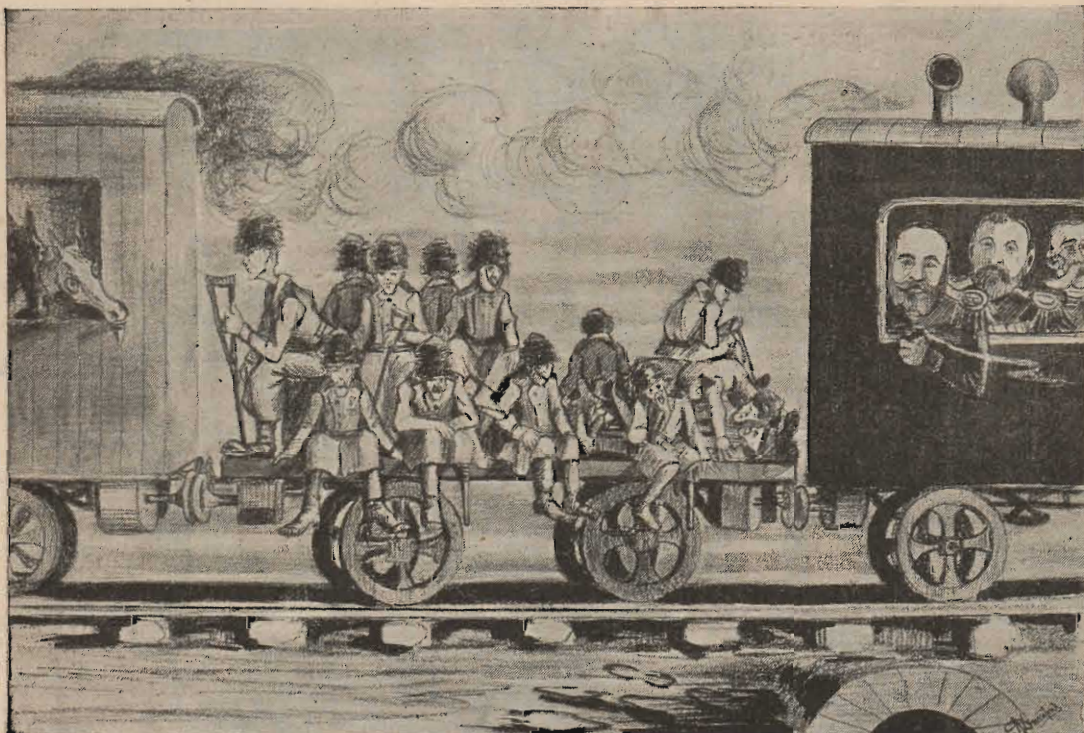

Русский медвѣдь, графъ Витте и его напитокъ — и что изъ этого вышло.

Великое Я.

Говорящая тѣнь.

Возвращение русских витязей съ театра военных дѣйствій.

воротомъ, вывороченными карманами и открытымъ ртомъ. Кошельки и муфты конфискуются.

Дек. 21-го. Грингмуту приснился сонъ: самодержавіе, присягающее на вѣрность совѣту рабоч. депутатовъ. Онъ требуетъ у Витте толкованія. Витте совѣтуетъ ему не вѣрить снамъ.

Дек. 23-го. Всѣ митинги, за исключеніемъ партіи правового порядка и друг. черносотенцевъ, устраиваются въ баняхъ. Бани объявлены на военномъ положеніи; у входа пулеметы и артиллерія. Содержатели засажены въ крѣпость до тѣхъ поръ, пока не внесутъ залогъ, сколько кто можетъ; принимаются также и старыя мочалки.

Дек. 25-го. Адм. Рожественскій, преслѣдуемый тѣнями гульскихъ рыбаковъ, признается, что самолично истребилъ флотъ у Цусимы, дабы не дать ему погибнуть отъ рукъ предателей англійскихъ рыбаковъ, при возвращеніи. Англія очень удивляется. Витте проситъ не принимать слова героя-адмирала въ серьезъ.

Дек. 26-го. Въ ожиданіи обысковъ жители страдаютъ бессонницей; менѣе терпѣливые пода-

ютъ прошенія о скорѣйшемъ производствѣ таковыхъ. Просьбы удовлетворяются „съ задержкой“. Шараповъ проситъ у подписчиковъ авансъ на экстренную поѣздку въ Монте-Карло для спасенія Россіи.

Дек. 27-го. Открыть истинный виновникъ пораженія Россіи въ войнѣ съ Японіей; это—еврей. Полковн. Мартыновъ видѣлъ, какъ два солдата, похожіе на евреевъ, сидѣли въ гаолянѣ въ то время, какъ японцы наступали, а Куропаткинъ приказывалъ двигаться „впередъ“.

Дек. 28-го. Миссія Коковцева вполне удалась: бывш. министръ получилъ въ дружественной Франціи на путевыя издержки до Лондона и Берлина. Томскій губернаторъ Азанчевскій оправдывается, увѣряя, что сжегъ всего только 60 человѣкъ. Въ виду насущной потребности страны въ тюрьмахъ, проэктируется временно превратить всѣ высшія, среднія и низшія учебныя заведенія въ тюрьмы.

Дек. 29-го. О положеніи дѣлъ на Кавказѣ ничего неизвѣстно. Кажется, что тамъ революція. Намѣстникъ Воронцовъ—Дашковъ еще не избранъ президентомъ кавказской республики. Повидимому, онъ и не будетъ избранъ. „Русь“ обзываетъ Суворина—отца свахой—сводницей. Никто не удивляется.

Дек. 30-го. Оказалось, что Витте знаетъ, какъ спасти Россію, но не хочетъ сказать.

Дек. 31-го. Полковникъ Минъ, опустошившій Москву, не назначенъ петербургскимъ губернаторомъ только изъ опасенія слишкомъ напугать Петербургскихъ жителей.

Павлоградъ и Ново-Минскъ выдерживаютъ

осаду русскихъ войскъ. Города эти пока еще не горятъ. Витте усердно откачиваетъ русскую ренту; послѣдняя начинаетъ приходить въ сознаніе.

Бюрократъ

Ученый.

Января 1-го 1906 г. Носятся слухи, что наступил новый, 1906, годъ, но никакихъ видимыхъ переменъ незамѣтно.—Многіе сановники получили награды.

Января 2-го. Новый годъ пришелъ при мертвой тишинѣ. Лишь изрѣдка, то здѣсь, то—тамъ раздаются выстрѣлы и разрываются бомбы; осколокъ одной бомбы случайно попалъ въ глазъ черниг. губернатору Хвостову. Аресты продолжаютъ.

Витте надѣется, что до Госуд. Думы удастся всѣхъ избирателей, кромѣ парт. прав. пор. и другихъ, ей подобныхъ, засадить въ Петропавловскую, съ правомъ, однако, сквозь рѣшетки смотреть на Таврич. дворецъ, гдѣ будетъ написано: „Государственная Дума“.

Января 3-го. Въ Москвѣ все спокойно. Панели вымыты мыломъ, слѣды крови уничтожены.

Городской голова Гучковъ и Адм. Дубасовъ выпили брудершафтъ. Приставъ Ермоловъ, убившій врача Воробьева, получить Станислава, впрочемъ, неизвѣстно, какой степени.

Января 4-го. Курскіе дворяне рѣшили устроить „Дворянскую милицію“, но на казенныя деньги.

Витте одобрилъ, но сказалъ, что казенныхъ денегъ теперь вообще никакихъ нѣтъ. Впрочемъ, скоро будутъ ихъ печатать въ неограниченномъ количествѣ. Курскіе дворяне огорчены, но все-же бодро смотрятъ въ будущее...

На Кавказѣ прав. войска отступаютъ, а революціонеры наступаютъ. Слухи объ отозваніи гр. Воронцова-Дашкова опровергаются. Рѣшено представить ему сложить кости подъ Эльборусомъ. В. Кривенко въ такомъ случаѣ будетъ назначенъ офиціальнымъ плакальщикомъ.

Января 6-го. Военное положеніе вездѣ, кромѣ столицы. Въ докладѣ министра Финансовъ открыта

ошибка: вмѣсто 180 милліоновъ государств. долга просятъ читать 330 милліоновъ; министръ, однако, полагаетъ, что, когда вовсе нѣтъ денегъ, то цифра долга не имѣетъ значенія.

Января 7-го. Начались редакторскіе процессы. Ред. „Руси“ А. А. Суворинъ присужденъ къ заключенію въ крѣпости на одинъ годъ, но въ виду недостатка мѣста въ крѣпости, благодаря большому наплыву туда редакторовъ, срокъ заключенія сокращенъ до 3-хъ мѣсяцевъ. Предполагено, что редакторы будутъ отсиживать по очереди, дюжинами.

Января 8-го. Шиповъ проситъ у Франціи еще одинъ милліардъ подъ обезпеченіе залоговъ съ редакторовъ газетъ.

Командующій сѣверной арміей генералъ Орловъ разстрѣливаетъ революціонеровъ, statim побѣда пока на сторонѣ революціонеровъ. Край въ огнѣ. Кавказъ тоже. На сѣвѣрѣ Россіи мертвая тишина
Н. Ф.-дъ.

Выборщикъ.

(Съ натуры.)

Анна Перепетуевна, жена владѣльца парикмахерской, собралась въ гости на Васильевскій островъ къ кумѣ своей, Авдотѣ Ивановнѣ, у которой крестила пятерыхъ дѣтей. Она положила въ свой ридикюль пузырекъ съ нашатырнымъ спиртомъ, три мятныхъ лепешки, на случай, чтобы не пахло изо рта, если рюмочку—другую придется пропустить.

Дорога была длинная: три раза пришлось пересаживаться съ конки на конку. Въ продолженіи всего этого пути ее сопровождали только однѣ непріятности. Какой то благообразный человѣкъ, даже съ виду праведникъ, выражался вслухъ „неприлично“ на счетъ мученика, которому Анна Перепетуевна въ продолженіи цѣлыхъ пяти лѣтъ служила молебень и отъ всякой выгоды ставила свѣчки. А больше всего ее огорчилъ какой-то длинный студентъ въ очкахъ дурнымъ отзывомъ

Современный Гамлетъ (на канунъ 9-го января). Бить или не бить? Вотъ онъ вопросъ!...

объ Иоаннѣ Кронштадтскомъ, онъ говорилъ, будто у этого праведника бабій хвостъ и будто онъ скрытъ отъ глазъ нечестивыхъ и его могутъ видѣть однаѣ кронштадтскія „богородицы“ и то только по пятницамъ.

Курсистка съ прокламаціями не давала ей покою разговоромъ о бомбахъ. Какой то черный анархистъ на счетъ Дубасова и пушекъ распространялся. Анну Перепетуевну преслѣдовала мысль, что подь нее вотъ-вотъ подбросятъ бомбу и она полетитъ кверху и отъ всей ея солидной личности и косточки не останется. Гимназистъ аршинъ съ щелчкомъ ростомъ, пущенный на произволъ судьбы безъ всякого родительскаго усмотрѣнія, такія слова произносилъ, что у благонамѣренной Анны Перепетуевны уши вяли.

Пока она добралась до кумы, нервы ея до того разстроились, что отъ нашатырнаго спирта въ пузырькѣ осталась одна капля, остальное она все вынюхала. Она даже раньше времени скушала всѣ мятныя лепешки.

Кума въ это время плакалась офицерскимъ баранками. Кумушки расцѣловались.

Анна Перепетуевна, какъ пришла, сейчасъ же стала жаловаться:

— Одна срамота, голубушка моя: тамъ про акціи, здѣсь про рѣякціи и всѣ съ бомбами да съ пистолетами—того и гляди взорвутъ! На что гимназистъ—съ кукишъ ростомъ, и тотъ туда же: слобода, говоритъ, мнѣ вужна... Да это то еще что! А вотъ, когда узна-

ешь, зачѣмъ я къ тебѣ ѣхала, такую даль тащилась,—такъ отъ удивленія родного брата не узнаешь. Нѣтъ, ты спроси меня, что съ моимъ то приключилось?

— Ну, что-же такое? Запилъ, должно быть!

— Какой тамъ запилъ! Хуже того...

— На сторону пошелъ?

— Это-бы еще что — съ полгоря!.. Нѣтъ, ты слушай: гражданиномъ себя называетъ... смекаешь, чѣмъ это пахнетъ? Самозваннымъ манеромъ, безъ всякихъ правовъ...

— Да что ты?

— Честное слово. Это еще не все... по глупости то величать себя всякій можетъ. На это то нонѣ сквозь пальцы смотреть. А то вотъ что вздумалъ....

Голосъ Анны Перепетуевны вдругъ перешелъ въ шопотъ и на глазахъ показались слезы.

— За стѣнкой то у тебя никого нѣтъ?

— Ни души.

— То-то, а то сохрани Богъ!.. Такъ слушай же: въ партію записался...

— Да неужто?

— Я тебѣ говорю... въ конституционную, да еще тамъ какъ-то... и не говоришь.

Кума такъ и присѣла.—Да нѣтъ, быть не можетъ. Не вѣрю.

Анна Перепетуевна перекрестилась.

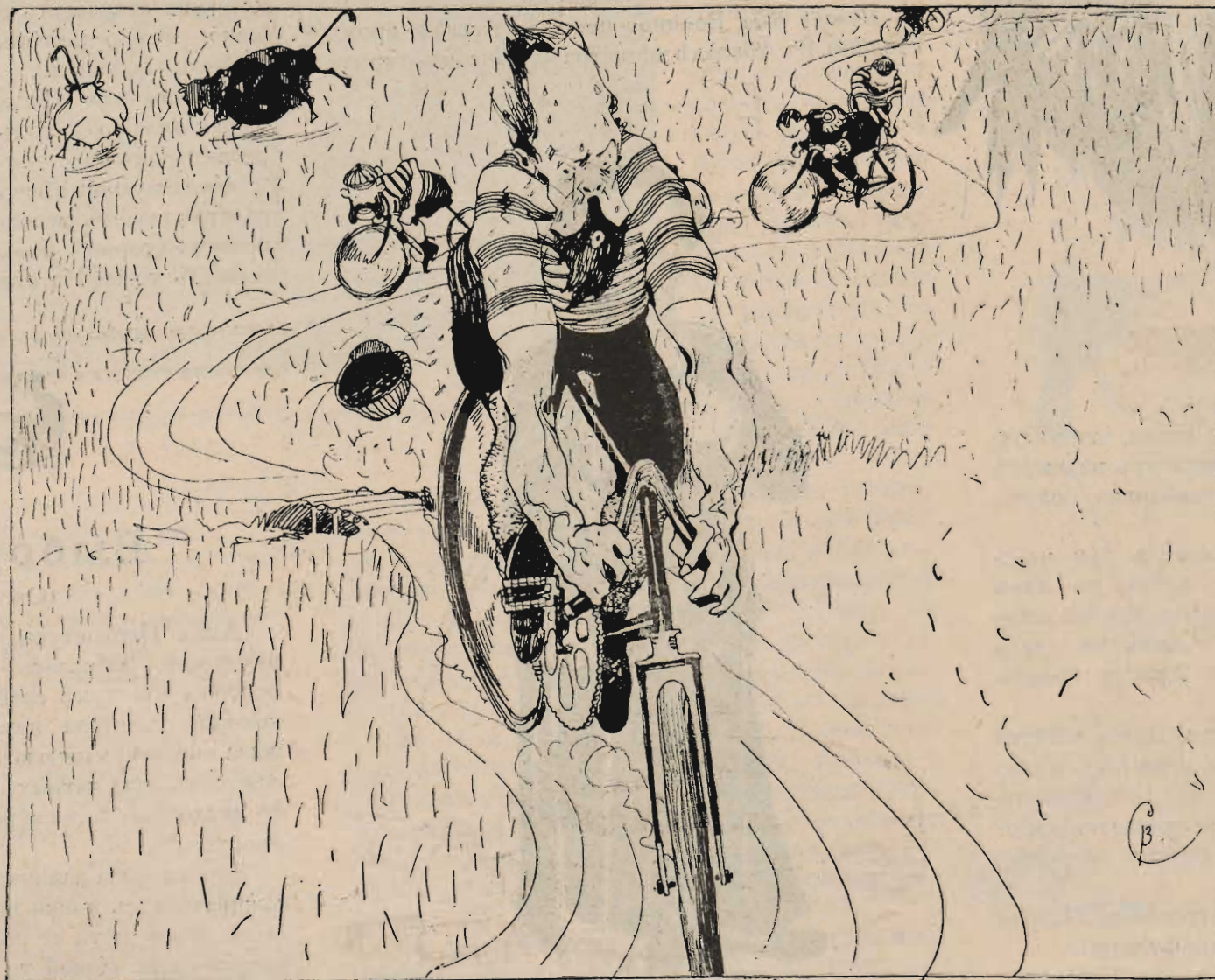
— Вотъ те святая икона! Я, говоритъ, конституционный и еще тамъ какой-то... выборщикъ...

Прошло два часа съ тѣхъ поръ какъ сошлись кумушки. На столѣ появился зеленый графинчикъ съ настойкой. Разговорамъ было конца.

Анна Перепетуевна со слезами на глазахъ говорила.

— Кумушка, родимая моя, помоги! Образуешь моего лиходѣя... Ежели сама не можешь, такъ ко-свенно...

— Не убивайся, Анна Перепетуевна — только потерпи, всю канитель изъ головы вытравимъ. Я поговорю съ племянникомъ, что околodочнымъ то служить... онъ это дѣло обдѣляетъ. Помощникъ то вѣдь тоже

ВСЕРОССИЙСКИЙ ЧЕМПИОНАТЪ.

Гонка на званіе перваго почетнаго всероссійскаго шарлатана.

свой человекъ: онъ ему отеческое вразумленіе сдѣлаетъ. Развѣ денекъ—другой на Казачьемъ погрѣтся.

Наступилъ вечеръ. Сгустились сумерки, зелененькій графинчикъ пустѣлъ. Кумушки плакали—одна съ горя, другая—изъ любви къ ближнему.

Далай—Норъ.

Подслушанный разговоръ.

— Скажи, кумъ, какъ ты думаешь, состоится у насъ Дума или нѣтъ?..

Хохоль. — (Потягивая изъ трубки).
Можетъ состоятся, а можетъ и нѣтъ, а коли
еще состоятся.... то будѣ великая...

Н. Х.

Объявленія.

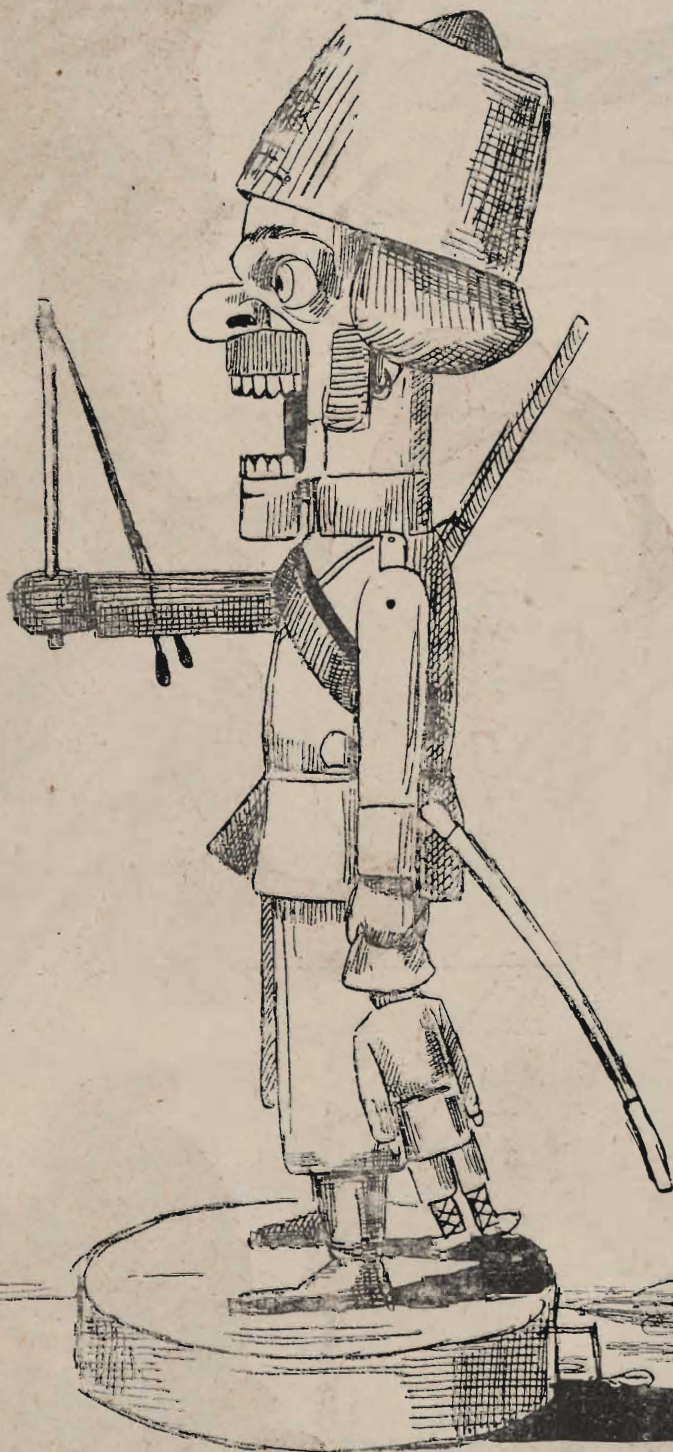
Принимаются объявленія для
напечатанія въ журналѣ

„Волшебный ☞ ☞ ☞
☞ ☞ ☞ ☞ Фонарь“.

по самому льготному тарифу.

Контора.

Модель олтиской игрушки—для кустарей.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА на 1906 г.
на первый ЕДИНСТВЕННЫЙ въ Россіи двухнедѣльный
ХУДОЖЕСТВЕН. ЛИТЕРАТУРН. и НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛЪ,
по образцу лучшихъ западн. художествен. изданій
съ РОСКОШНЫМИ МНОГОКРАСНЫМИ КАРТИНАМИ.

„ПРОБУЖДЕНИЕ“

ПРИ УЧАСТІИ ИЗВѢСТНЫХЪ ПИСАТЕЛЕЙ.
Издатель Н. В. Норецкій. Редакторъ Н. С. Баранцевичъ.
Цѣна каждаго отдѣльнаго № журнала 50 к., съ пересылкой 75 к.
подписавшіеся на 1906 г. получаютъ въ теченіе г. съ 1-го января:
24 роскошныхъ иллюстрированныхъ выпусковъ двухнедѣльнаго жур-
нала въ изящныхъ папкахъ съ рельефнымъ тисненіемъ
золотомъ и красками.

(1-го и 12-го числа каждаго мѣсяца).
12 выпусковъ „Свободная рѣчь“, фельетоны. 12 выпусковъ „Про-
винція“, обзоръ общественной дѣятельности въ провинціи, съ
портретами видныхъ провинціальныхъ дѣятелей. 12 выпусковъ
„Хрестоматія“. Критическій обзоръ произведеній появивающихся
въ періодическихъ изданіяхъ. 12 выпусковъ „Государственная Дума“.
12 выпусковъ „Идиный театръ“. Новыя, выдающіяся по мысли
драматическія произведенія. Комедіи и драмы. 12 портретовъ по-
пулярныхъ современныхъ дѣятелей, литераторовъ и худо-
жниковъ. 12 портретовъ „Наши освободители“, съ биографіями об-
щественныхъ дѣятелей принимавшихъ участіе въ освобожденіи
народа. 12 роскошныхъ многокрасочныхъ копій съ картинъ во-
ликихъ художниковъ. 6 пейзажей воспроизведенныхъ множествомъ
красокъ, автографами и хромо-литографіей. 6 картинъ исполнен-
ныхъ фототипіей красками. 6 картинъ въ декадентскомъ стилѣ не-
полненныхъ красками съ золотомъ и серебромъ. 6 многокрасоч-
ныхъ копій съ картинъ знаменитыхъ художниковъ религіознаго
содержанія. 12 цвѣтныхъ этюдовъ воспроизведенныхъ радужной
печатью съ картинъ знаменитыхъ художниковъ. 6 многокрасоч-
ныхъ картинъ съ изображеніемъ цвѣтовъ.
одна роскошная картина воспроизведенная краск. на Блѣмъ атласъ.
ГЛАВНАЯ КОНТОРА Спб., Невскій пр. № 33.
ПОДПИСНАЯ ЦѢНА: въ годъ 6 руб. съ пересылкой, на полгода 4 руб.

АГЕНТСТВА РЕДАКЦИИ „ВОЛШЕБНАГО ФОНАРЯ“.

имѣются въ слѣдующихъ городахъ:

Москва: Фимовъ, Д. И. Клюкина и Макенцова. Варшава: Цельмейстеръ.
Д. М. Воронежъ: Королевъ (Вокзалъ ж. д.). Одесса: Москвитинъ Г. Г. (для
всего крѣм. полуост.). Ростовъ на Дону: Шателъ, Г. Г. Крѣп. газ. „Дон-
ская Рѣчь“ (Таганрогъ и др. близ. города). Рига: Вланкевичевъ, Г. Л.
(Либѣна, Видава и близжайшія мѣстности). Вильно: Голомбъ, Э. для Кон-
яно, Гродно, Мінска, Витебска, и Могилева.

Редакция журнала „ВОЛШЕБНЫЙ ФОНАРЬ“ проситъ
всѣ письма адресовать въ Контору Спб., Караванная, 7.
Пробы № высылаются за двѣ семи копѣечныя марки.
Объявленія принимаются по такѣ: цѣлая стран. 120 руб.
1/2 стран. 70 р., 1/3 (одинъ столбецъ) 50 р., 1/4 столба.
08 р. Для годовыхъ и повторныхъ анонсовъ скидка.

МАГАЗИНЪ и МАСТЕРСКАЯ
мужскаго бѣлья

П. С. КУЗНЕЦОВА.

СПб. Невскій пр., д. № 30.

Отвѣт. Редакторъ И. Н. Потапенко.

Издатель К. Четвериковъ.

15 Января.

Электронпечатня К. А. Четверикова. Спб. Караванная, 7.

1905.

КОНТОРА: Спб., Караванная ул. 7. Ц. 10 к. № 4. — 28 Января 1906 г.

ВЫХОДИТЪ ПО ВОСКРЕСЕНЬЯМЪ.

№ 4 „Волшебнаго Фонаря“ вышелъ вмѣсто 22 Января 29 Января
вслѣдствіе техническаго переустройства типографіи.

ДК262
R4

Открыта подписка на 1906 годъ

НА

Волшебный Фонарь

Подъ редакціей И. Н. Потапенко.

Еженедѣльный журналъ общественной и политической сатиры и каррикатуры.

Смѣхъ—такое-же орудіе борьбы, какъ ружья, пушки, револьверы, торпеды, сабли и ножи. Но въ то время, какъ эти орудія дѣйствовали во всю, смѣхъ на Руси бездѣйствовалъ, ему былъ зажатъ ротъ и онъ принужденъ былъ ограничиваться беззубымъ хихиканьемъ по адресу того, что менѣе всего заслуживало осмѣянія.

Теперь мы получили право смѣяться и будемъ смѣяться смѣло, громко и безпощадно. И пусть всякій, кто владеетъ этимъ тонкимъ и острымъ оружіемъ, приходитъ къ намъ и смѣется вмѣстѣ съ нами. Будь то слово или рисунокъ, страницы нашего журнала къ его услугамъ. Смѣхъ громкій, смѣлый и безпощадный. Но, избави насъ Богъ отъ грубаго площадного смѣха,—онъ достойнѣе улицы, мы-же работаемъ въ храмѣ искусства.

Подписка приним. въ конторѣ журнала СПб. Караванная 7.

Подписная цѣна за годъ 4 рубля.

" " " полгода 2 р. 50 к.

Выходитъ по Воскресеньямъ Отдѣльный № 10 коп.
Издатель. К. Четвериковъ

ОБЪЯВЛЕНИЕ.

Въ виду того, что Управление Спб. Городскихъ телефоновъ не можетъ опредѣлить, когда, наконецъ, будутъ поставлены телефоны у абонентовъ, заявившихъ требованіе болѣе 15 мѣсяцевъ тому назадъ, контора „Волшебнаго Фонаря“ проситъ частныхъ лицъ указать способъ скорого получения телефона. Если по таковому будетъ полученъ немедленно телефонъ, то контора обязуется за это бесплатную высылку журнала въ 1906 г.

Къ свѣденію: кабель проложенъ еще въ началѣ Ноября 1905 г.

Контора „Волшебнаго Фонаря“, Караванная 7.

Передъ бурей.

Волюшка, волюшка,
Выгляни въ окошечко;
Твои дѣтки плачутъ,
Землю колушаютъ,
Дѣтки голодаютъ,
Намъ ѣсть не даютъ,
Пулеметами бьютъ.

Ни-Танъ.

Чиновникъ особыхъ порученій при...
Губернаторѣ.

Дневникъ хроникера.

(матеріалы для будущаго историка)

Января 9-го. День наступилъ при мертвой тишинѣ. Правительство дрожитъ отъ страха, но старается смѣяться. Приняты „всѣ“ мѣры. Пароль: „холостыхъ не давать, взрехъ не стрѣлять“. Съ цѣпей спущены самые лютые звѣри и барбосы. Боевымъ частямъ выдано удвоенное количество

патроновъ. Желających быть разстрѣлянными—мало. Вездѣ мракъ. Улицы пусты... Правительство смѣется... сквозь слезы.

Января 10-го. Въ Персіи введена конституція... Обыски на вокзалахъ отмѣнены. Кровавое число прошло при полномъ мракѣ. Правительство въ отчаяніи: убитыхъ очень и очень мало; въ столицѣ ни одного. Нейдгардтъ и Медемъ въ виду этого подаютъ въ отставку. Князь Мещерскій въ восторгѣ отъ „симптома власти“ Ѳедора Дурнова. Заправскіе провокаторы и шпіоны остались съ носомъ. Правительство переводитъ духъ. Коковцевъ экстренно телеграфируетъ о „надеждѣ“ выудить у французовъ звонкаго металла. „Надежда“ не производитъ фурора. „Новое Время“ находитъ, что „Нов. Время“ лжетъ. Всѣ охотно вѣрятъ.

Января 11-го. „Военные и другія положенія“ не сняты. Аресты продолжаются. Тюрьмы потѣютъ. Въ Умани апельсинъ залетѣлъ въ участокъ. Взрыва не произошло. Тульскіе дворяне конкурируютъ съ Курскими: просятъ тоже субсидіи на борьбу съ революціей; они постановили отказаться отъ пряниковъ и на эти деньги вооружить пряничную черную сотню. Прибалтійскій край все еще бушуетъ; генералъ Орловъ ждетъ подкрѣпленій и дальнѣйшихъ орудій.

Храбрый Минъ получаетъ чинъ кроваваго генерала. Агитація въ Думу не клеится. Пока Дума откладывается до... 1-го Апрѣля. Никто не обращаетъ вниманія. Положеніе крайне щепетильное. Ждутъ чего-то.

Января 12-го. Ждутъ ослабленія реакціоннаго прессы. Дедюлинъ напоминаетъ „чиннамъ“—зорко слѣдить за издателями. Новый мин. юст. Акимовъ не вѣритъ слухамъ о своей отставкѣ. Астрономъ Демчинскій сбѣжалъ изъ партіи трехъ покоевъ. „Новое Время“ и „Слово“ протягиваютъ дружественно другъ другу свои длани для борьбы съ крамолой. Они открываютъ фондъ въ пользу всемірнаго черносотеннаго Союза. Новый приказъ: разсѣивать холоднымъ оружіемъ. Всѣ въ ожиданіи. Дѣлается холодно.

Января 13-го. Министры усиленно совѣщаются. О щедрыхъ наградахъ не слыхать. Они противостоятъ другъ другу глаза, но все таки не знаютъ, какъ дальше смотрѣть и ступать. Дурново проситъ содѣйствія у типографовъ,—подъ страхомъ

пытки онъ любезно предлагаетъ не печатать „остро“ пахнущихъ вещей „преступнаго“ содержания. Въ случаѣ неповиновенія, онъ угрожаетъ арестомъ не только редакторамъ и издателямъ, но также наборщикамъ, накладчикамъ, крутетьщикамъ, смазчикамъ и т. д... вплоть до котенка, „остро“ мурлыкающаго на конторкѣ. Въ память 17-го окт. запечатываются 17 типографій.

Января 14-го. Графъ Витте не теряетъ надежды... на заемъ. Прокуратура завалена исками, за незаконное закрытіе изданій. Ждутъ въ виду этого „времен. правилъ“ о томъ, что иски и прокуратура—это двѣ отдѣльныя вещи. Газета „Воен. голосъ“ вноситъ поправку, что революціонеровъ разстрѣливаютъ statim только уже по выходѣ изъ тюрьмы. Витте закрываетъ одно ухо. Положеніе выжидательное.

Н. Ф-дъ.

Дворяне.

Благодѣтели христіанскіе,
Предводители дворянскіе
Со всея Руси съѣзжались,
Въ одну кучку собирались
И лишь къ дѣлу приступили,
Разобрать вопросъ рѣшили:
Какъ спасти имъ Русь любимую,
Треволненіями губимую?
По недолгомъ разсужденіи,
Они вынесли рѣшеніе:
Обезпечить неотложно
Всѣхъ дворянъ безъ исключенія,
А безъ этого—спасеніе
Для Россіи невозможно.

В.

Переписка.

Милая Мими, ты, конечно, ждешь отъ меня ужасающихъ описаній событій, бывшихъ здѣсь въ этотъ знаменитый день, 9-го Января, но представь—событій вовсе не было, не только кровавыхъ, но просто ни какихъ.

Правда, ожидали Богъ знаетъ чего. Рара наканунѣ ѣздила къ своему духовнику, одному почтенному и заслуженному протоіерею и исповѣды-

ДВА РЕЖИМА.

Какая страшная разница!

При Плеве.

При Витте.

вался у него! Маман спросила его, зачѣмъ онъ это сдѣлалъ,—вѣдь теперь еще не наступилъ великій постъ, и онъ отвѣтилъ:

— Мой другъ, истинный чиновникъ долженъ быть всегда готовъ ко всему. Можетъ быть, именно теперь, въ этотъ моментъ, рѣшается вопросъ, повѣситъ-ли завтра меня и мнѣ подобныхъ вѣрныхъ слугъ отечества—на фонарь или на воротахъ управляемаго мною департамента? Такъ вотъ я и желаю быть готовымъ.

Но Рара ужасно преувеличилъ. Вотъ и 9-е января наступило, а никого не вѣшаютъ. Вечеромъ, я сама видѣла, на Невскомъ проспектѣ, ярко свѣтили электрическіе фонари и ни на одномъ изъ нихъ не висѣлъ ни одинъ чиновникъ.

Маман, конечно, приняла свои мѣры предосторожности и въ этотъ день съ утра удалилась со мной въ самую заднюю комнату, изъ которой она выходитъ во дворъ. Но эта предосторожность оказалась излишней. Эти господа социал-демократы истратили въ Москвѣ весь свой порошокъ, а тотъ, который еще у нихъ остался, отобрали Дурново.

Ахъ, этотъ Дурново, какой онъ оказался энергичный и находчивый!

Никто этого не ожидалъ отъ него. Когда его назначили министромъ, всѣ только пожимали плечами. А теперь всѣ довольны и благодарны ему. Онъ такъ все это хитро устроилъ: до 9-го января переловилъ и посадилъ въ тюрьму всѣхъ, кто только даже былъ похожъ на человѣка, способнаго бунтовать и оказалось, что бунтовать некому.

Я такъ слышала—гсворили у насъ въ домѣ. Но, разумеется, я въ этомъ мало понимаю. А все таки и я скажу: молодецъ!

Да, вотъ тебѣ еще изъ области политики. Говорятъ, что адм. Дубасовъ, проснувшись на другой день послѣ революціи, и увидѣвъ, что Москва далеко еще не вся разгромлена, былъ крайне недоволенъ собою и просилъ, въ видѣ наказанія, послать его намѣстникомъ на Кавказъ вмѣсто графа Воронцова-Дашкова, который старъ и никуда не годится.

Цѣлую тебя. Твоя Ніні.

На стражѣ.

О финансахъ.

— „Значитъ, по вашему выходитъ, что добросовѣстное правительство должно выпускать кредитныхъ билетовъ какъ разъ на столько, каковъ у него золотой запасъ?“

— „Нѣтъ, всегда оно должно выпускать гораздо меньше“.

— „Почему же?“

— „Потому что кромѣ кредитокъ, выпущенныхъ правительствомъ, нужно вѣдь принимать во вниманіе и значительную массу фальшивыхъ бумажекъ, которые тоже находятся въ обращеніи“.

В.

Диковинная штука

(Вродѣ басни).

Посвящается А. С. С.

На самомъ видномъ мѣстѣ
На домѣ спицы стоять,
А на верху былъ пѣтушокъ изъ жести,—
Онъ просто флюгеръ представлялъ.
И флюгеръ самый былъ простой:
Коль вѣтеръ дулъ, хоть небольшой
Такъ онъ вертѣлся отъ него,—
И больше ничего.
Но вотъ однажды вечеркомъ
Случился казусъ съ пѣтушкомъ:
Вдругъ пѣтъ онъ сталъ
И съ той поры не замолкалъ.
Но пѣтъ не какъ пѣтухъ живой,
А на манеръ иной.
Коль вѣтеръ, на примѣръ, съ востока дулъ,
Такъ слышался пріятный мягкій гулъ,
Коль съ юга повѣвать,
Такъ пѣтушокъ тихонечко свистать,
А если сиверка несла,
Такъ пѣсь особая была.
Одинъ догадливый твердилъ,
Что мастеръ къ пѣтушку свистокъ прибилъ.
Другіе иначе объ этомъ толковали,
Но скоро правду всѣ узнали.
И дѣло, оказалось, просто въ томъ,
Что спицы-то деревянный, ну и въ немъ
Большая трещина была
И въ заблужденіе всѣхъ ввела.
И, стало быть, не флюгеръ пѣтъ,
А вѣтеръ въ трещинѣ свистѣлъ.

Бываетъ, что иной
Министръ, иль такъ—себѣ—сановникъ подставной
Такія аріи на міръ весь задаетъ,
Такъ о свободахъ пламенно поетъ,—
Что, кажется, въ томъ пѣньи
Звучитъ глубокое святое убѣжденіе.
Но присмотрись—и вотъ сюрпризъ нежданный:
Душа его—боченокъ деревянный
Изъ подъ казенной монополии.
Онъ пусть,—и вѣтеръ въ немъ свиститъ на волѣ...

В.

Изъ исторіи одного вооруженнаго возстанія.

(Пылкая фантазія).

I

Въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ.— И такъ. Понимаете? Ваши агенты должны организовать вооруженное возстаніе! Но только маленькими группами. Мы ихъ такъ по частямъ и поразстрѣляемъ, этихъ „товарищей-пролетаріевъ“. Ну, а своихъ предупредите, чтобы всегда съ этими тряпками красными на палкахъ впереди были. Войскамъ отдадимъ секретный приказъ: въ знаменосцевъ не стрѣлять, а потихоньку ихъ живьемъ доставить, безъ всякихъ членовредительствъ. Такъ что они могутъ быть спокойны. Заарестуемъ всѣхъ этихъ знаменосцевъ, разберемся тамъ, которые свои... Ну, и дадимъ возможность побѣгъ что-ли устроить. Тамъ видно будетъ. И жизнь, и честь ихъ въ опасности. Поняли?

— Слушаюсь, ваше высочр....

II

Въ казармѣ.— Такъ что, ребята, гляди! Въ знаменосцевъ, съ флажками, значить, которые съ красными,—стрѣлять а ни-ни, не могли! Потому самые бунтовщики. Живьемъ ихъ мерзавцевъ взять и по начальству представить. Поперевѣшаютъ ихъ канальи. Понаучать ихъ народъ супротивъ начальства бунтовать!

III

На улицѣ. Послѣ боя.— Рракаліи! Сволочи! Мерзавцы! Какого чорта дернуло коновода—зачинщика ихняго пристрѣлить! Какъ я объ этомъ командиру доложу? Сознавайся, кто это отличился? Выходи!

— (Молоденькій, бодрый солдатикъ выходитъ впередъ изъ рядовъ).— Такъ что, ваше бродіе, морда ужъ у него очень противная! Не выдержалъ, ну и уложилъ.

Н. Ад—нъ.

Невъроятный слухъ.

Въ Петербургѣ ходятъ упорные слухи, будто Таврическій дворецъ спѣшно передѣлывается въ тюрьму. Мѣра эта вызвана антигигіеническимъ состояніемъ тюремъ и желаніемъ правительства отвѣчать послѣднимъ требованіямъ пенитенціарныхъ принциповъ.

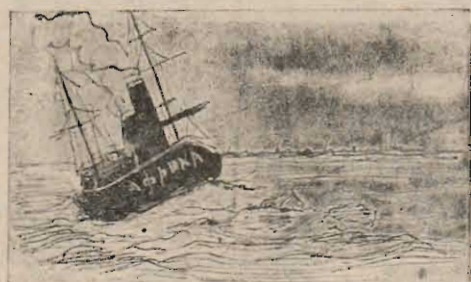

Вамъ знаетъ какъ, сдѣла Рессю...

ЖИЗНЬ И ПРИКЛЮЧЕНИЯ ГЕНЕРАЛА ДУБАСОВА.

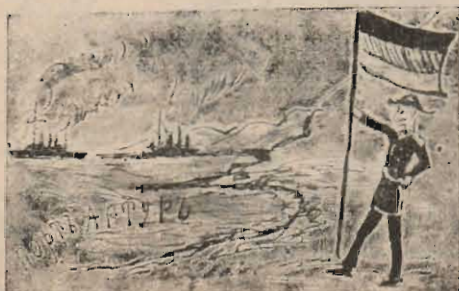
1) 1877 г. Взрываетъ турецкій мониторъ и получаетъ Георгія.

2) 1885 г. Сажаетъ на мель русскій крейсеръ. Ничего не получаетъ.

3) Обзываетъ непечатными словами товарища—офицера.

4) 1896 г. Занимаетъ Портъ-Артуръ—первая ласточка Р.-Японск. войны.

5) Дерется съ директоромъ ораніенб. пароходства.

6) Колотить чиновники. Выходить въ отставку.

7) Русскій агентъ въ Берлинъ—дерется съ нѣмецк. жандармомъ, за что изгоняется изъ Берлина.

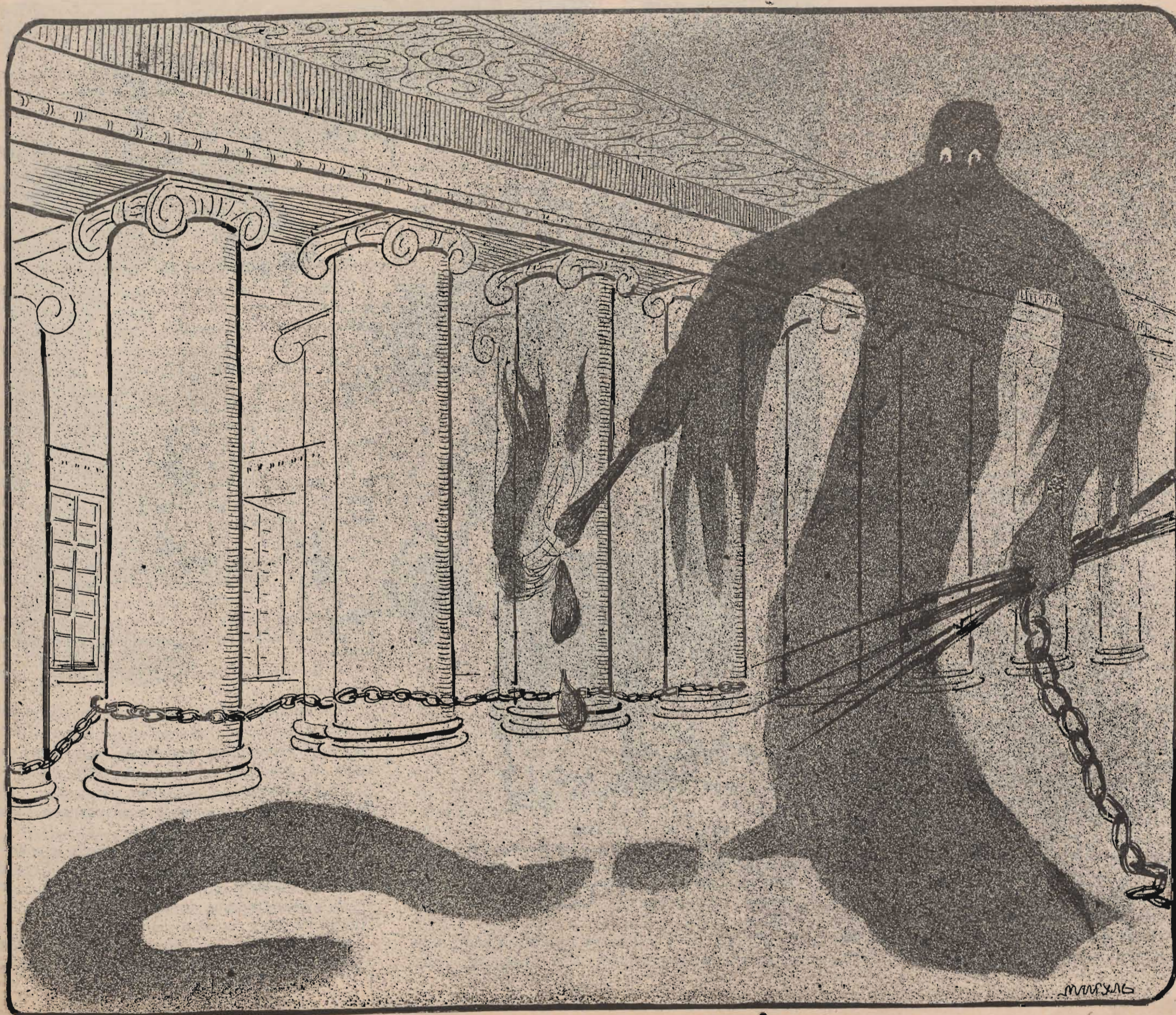
8) 1900 г. Получаетъ казенное возмездіе за сгорѣвшую на пожарѣ мебель—190 000 р

9) 1904 г. Ораторствуетъ на Гульской конференціи.—

10) 1905 г. Усмиряетъ голодныхъ и безземельныхъ крестьянъ Черниг. губ.

Въ Таврическомъ дворѣ въ послѣднее время являлись странная фигура, похожая на тѣнь, которая бросаетъ отъ себя еще болѣе страшную тѣнь. Говорящая тѣнь.

Что же касается Государственной Думы, то въ тюремномъ вѣдомствѣ объ этомъ ничего не слышно.

Телеграммы.

Тамбовъ. Вслѣдствіе крайняго недостатка въ губерніи кормовыхъ средствъ, губернаторъ издалъ обязательное постановленіе, согласно коему въ деревняхъ великій постъ долженъ начаться на двѣ недѣли раньше календарнаго срока. Масляница совсѣмъ отмѣняется.

Москва. Избранная Городской Думой коммисія подѣ предсѣдательствомъ городского головы Гучкова, по вопросу о чествованіи полиціи въ благодарность за благополучное разгромленіе первопрестольной столицы, рѣшила устроить банкетъ подѣ открытымъ небомъ на одной изъ площадей Москвы, только не на Красной. Вмѣсто пирожковъ къ супу будутъ подаваться фаршированныя бомбы.

Разсказываютъ, что баронъ Медемъ, уѣзжая за границу для изученія организаціи полицейской службы, высказалъ: „было-бы для стечества полезнѣе, если-бы меня послали за границу гораздо раньше“.

Минскъ. Мѣстный губернаторъ изобрѣлъ особое приспособленіе, благодаря которому бомбы, ударяясь о голову, сановника не разрываются. Мѣстный же полицеймейстеръ изобрѣлъ другое приспособленіе, благодаря которому, когда въ него, полицеймейстера, стрѣляютъ, то бываютъ ранены не онъ, а почтальоны и солдаты. И тотъ и другой получили массу поздравленій. Со стороны почтальоновъ и солдатъ поздравленій не послѣдовало.

Тифлисъ. Убитъ бомбой очередной генералъ.

Симферополь. Въ Днѣпровскомъ уѣздѣ крестьяне, послѣ праздничнаго отдыха, вновь принялись за работу по сжиганію усадебъ. Дѣло идетъ успешно. Усадьбы горятъ красиво. Вслѣдствіе усиленнаго огня, происходитъ преждевременное таяніе снѣгомъ на Чатырдагѣ. Опасаются наводненій.

Тула. Инженеръ Чаевъ, за то, что, съ разрѣшенія губернатора, оказывалъ помощь голодающимъ, арестованъ жандармскимъ унтеръ-офицеромъ. На заявленіе его, что у него имѣется разрѣшеніе отъ губернатора, жандармскій унтеръ-

офицеръ сказалъ: а мнѣ плевать на твоего губернатора. Инцидентъ исчерпанъ. Губернаторъ не подалъ въ оставку.

Москва. На желѣзныхъ дорогахъ московскаго узла рѣшено арестовать всѣхъ начальниковъ станцій, ихъ помощниковъ, кондукторовъ и машинистовъ. Въ министерство внутреннихъ дѣлъ посланъ запросъ относительно того, кѣмъ замѣнить

Художникъ.

ихъ. Министръ отвѣтилъ, что въ скоромъ времени послѣдуетъ ускоренный выпускъ правовѣдовъ и лицейстовъ, которые все равно ни на что не нужны.

Въ Москвѣ образовался новый кружокъ „художественныхъ исканій“ подѣ девизомъ: „хоть

травка не расти“. Политически-зрѣлые члены кружка находятъ, что теперь самое время начать борьбу съ рутиной... оперныхъ спектаклей. Динамита не потребуется.

Москва. (случайная). Адмиралъ Дубасовъ приказомъ по полиціи запретилъ кормилицамъ ношеніе красныхъ лентъ въ традиціонныхъ кокошникахъ. Полагаютъ, что этой мѣрой революція будетъ окончательно задущена.

Извѣстіе, достойное кисти художника...

На дняхъ къ министру народнаго просвѣщенія явилась депутація поговорить о народномъ университетѣ. Университетъ, какъ извѣстно, есть верховный разсадникъ просвѣщенія; ну, естественно, что о разсадникѣ надо говорить съ садовникомъ, а министръ народнаго просвѣщенія и есть, такъ сказать, садовникъ просвѣщенія.

Министръ „чрезвычайно сочувственно откликнулся“ и „пошелъ на встрѣчу“...

О, да, да, народный университетъ!—можетъ быть, вы думаете, господа, что я считаю его не важнымъ? О, нѣтъ, напротивъ, я считаю его очень важнымъ, ужасно важнымъ и готовъ содѣйствовать вамъ всѣми „зависящими отъ меня“ средствами. Но чѣмъ именно я могу быть вамъ полезенъ?

Вопросъ дѣйствительно головоломный: чѣмъ можетъ быть министръ народнаго просвѣщенія полезенъ народному просвѣщенію? До сихъ поръ по крайней мѣрѣ они оказывались для него вредными.

— Во первыхъ, мы просимъ васъ дать намъ помѣщеніе...!

— Помѣщеніе? гм... гм... Прекрасно: я произведу разслѣдованіе—имѣются-ли при какихъ—либо учебныхъ заведеніяхъ свободныя помѣщенія, могущія оказаться пригодными для вашей цѣли.

— Мы думаемъ, г. министръ, что это не только наша цѣль, но и ваша—и это главнымъ образомъ.

— О, да, да, конечно... Просвѣщеніе народа,—да, да!.. но вы же знаете, я такъ занятъ. Эти забастовки, бойкоты, союзы... Все это поглощаетъ все мое министерское время и мнѣ не до того... Чѣмъ еще могу служить вамъ, господа?

— Господинъ министръ, мы не обладаемъ достаточными средствами, чтобы поставить вполне

Передвыборная фильровка избирателей.

солидно такое важное дѣло, какъ народный университетъ. Мы надѣмся, что при вашемъ содѣйствіи государство окажетъ денежную поддержку дѣлу такой большой государственной важности.

— Денежную? Чго вы? что вы, господа! О деньгахъ и заикаться теперь нельзя! деньги всѣ давно ушли на... на... Ахъ, да не все-ли равно, на что они ушли,—ихъ теперь не вернуть. Тѣмъ болѣе, кто это было при другихъ министрахъ...

— Ну, хорошо, господинъ министр! Мы не имѣемъ у васъ просить не будемъ, мы сами найдемъ ихъ. Но мы желаемъ имѣть ваше ручательство, что народный университетъ будетъ избавленъ отъ какого-бы то ни было вмешательства администраціи въ его внутреннюю жизнь...

— Гм... гм... Вамъ извѣстно, господа, адресъ Дурново? Вотъ онъ... честь имѣю кланяться...

Важное извѣстіе.

Въ скоромъ времени будутъ опубликованы измѣненія основныхъ законовъ—въ самомъ радикальномъ духѣ, соответственно наиболѣе либеральнымъ западнымъ конституціямъ. Полное равенство всѣхъ гражданъ передъ закономъ, гарантія личной неприкосновенности и всѣхъ свободъ. Изданіе будетъ роскошное, въ специально заказанномъ въ Англіи тисненномъ переплетѣ и, какъ слишкомъ драгоценное, будетъ храниться въ эрмитажѣ для безпрепятственного осмотра публикой.

Для пользования-же гражданъ будутъ одновременно съ нимъ изданы *спеціальные законы*, составленные министромъ Дурново и представляющие собою *исключенія изъ общихъ конституціонныхъ правъ*.

1906—2906

„Справочка изъ исторіи государства Россійскаго.“

...Это было давно... Такъ давно, что тогда еще были люди, которые назывались министрами, и былъ министр-премьеръ. Ровно 1000 лѣтъ тому назадъ въ Россіи былъ премьеромъ Сергій Витте. Разбирая разрозненные номера сатирическихъ журналовъ, найденныхъ при раскопкахъ развалинъ зданія „судебныхъ установленій“, мы наткнулись на подробныя характеристики всѣхъ министровъ, ихъ премьера и многихъ государственныхъ мужей, мы узнали также много интереснаго о внутреннемъ устройствѣ государства, „объ исконныхъ началахъ“, на которыхъ оно создавалось.

Изучая эти характеристики, мы, люди 2,906 года, не можемъ не подивиться той самоотверженности, какую проявляли соотечественники тѣхъ журналовъ. Даже теперь, черезъ 1000 лѣтъ, отъ сюжетовъ этихъ страшныхъ памятниковъ вѣетъ такимъ злобоннымъ духомъ наглости, насмѣя и дикости, что историкъ не можетъ безъ содроганія изучать ихъ.

Во-первыхъ каждый министръ полагать, что ему по праву принадлежитъ та часть Россіи со всѣмъ ея населеніемъ, которая поступила въ его „кормленіе“ (подъ его завѣдываніемъ) по соглашенію съ премьеромъ. Во-вторыхъ, премьеръ думать, что вся Россія со всѣмъ ея населеніемъ и съ министрами

Прибалтийские бароны просят защиты от Латышей у русской власти, не выходя, однако, из-под прусской каски.

принадлежит ему по праву. А Россия думала, что и премьер и министры ошибаются.

Из этого и вышло недоразумение, которое 1000 летъ тому назад называлось словом „революция“.

Въ то время это слово пользовалось успѣхомъ, доказательствомъ чему служатъ то, что люди, которые говорили, что они умѣютъ дѣлать „революцію“—получали казенную квартиру, содержа-

ніе, уходъ и все, за что они прежде должны были платить. Это были иѣчто въ родѣ пансіоновъ, извѣстныхъ въ то время подъ именемъ „Тюрьмы“.

Однимъ изъ ближайшихъ исполнительныхъ органовъ правительства былъ союзъ людей, который обозначался словомъ „полиція“. Это слово повидимому было синонимомъ слова „разбойникъ“. На такое открытіе насъ навелъ слѣдующій фактъ: во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда гражданину (по тогдашней терминологіи—обывателю) приходилось спасти свою жизнь и имущество,—его друзья предупреждали его двояко: они кричали — или: „полиція“ или—„разбойникъ“. Въ послѣднемъ случаѣ гражданинъ не былъ такъ быстръ на ноги, какъ въ первомъ.

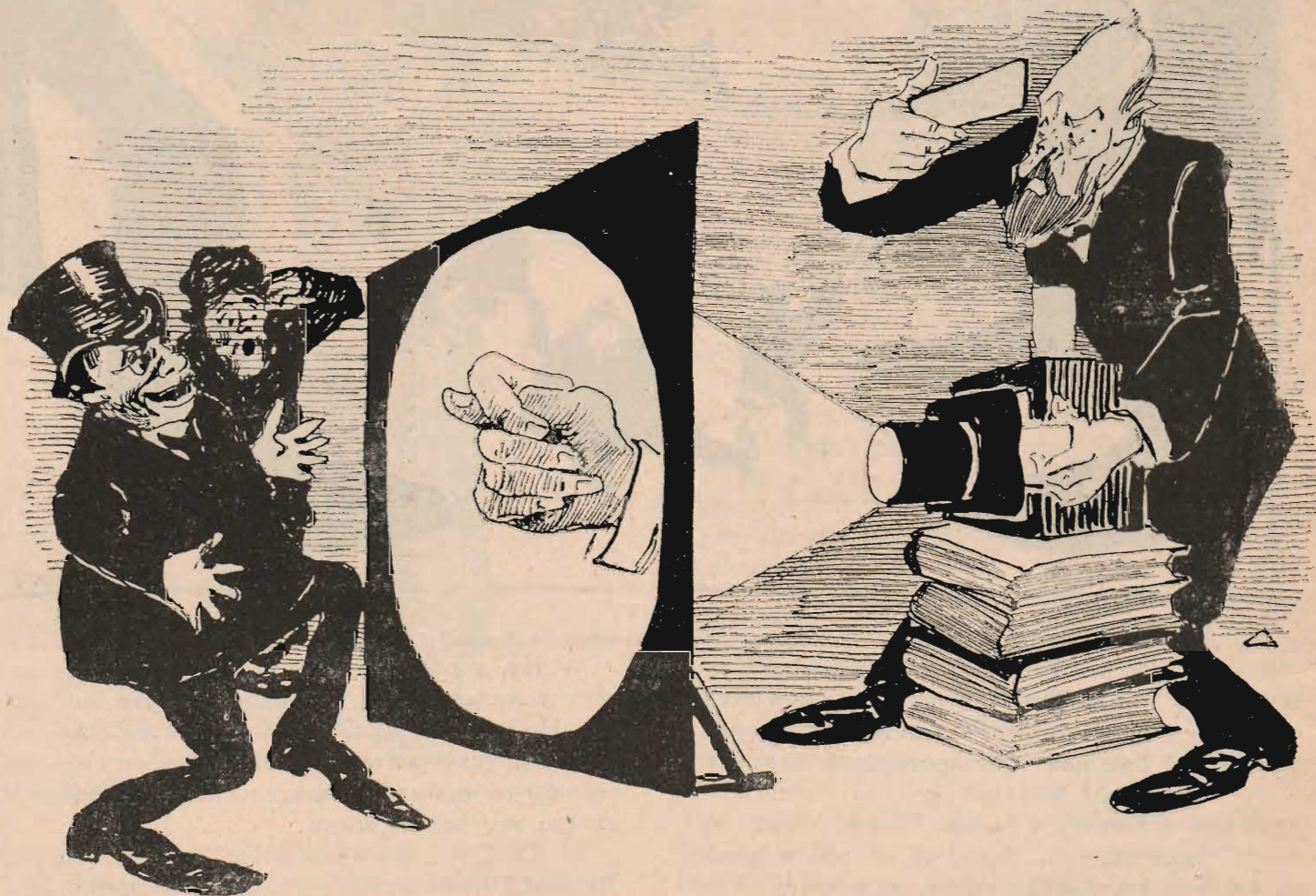
Для того, чтобы попасть въ этотъ союзъ, нужно было доказать свою способность къ полицейской

службѣ. Самымъ лучшимъ доказательствомъ было представленіе надлежащаго свидѣтельства объ участіи въ погромѣ, избіеніи извѣстной категоріи лицъ: „жидовъ“, „скубентовъ“, „ентилихентовъ“, „очковатыхъ“ и „волосатыхъ“ *)—для нижнихъ чиновъ, и изгнаніе изъ полка за шуллерство и мошенничество (и тетушкинъ хвостикъ — для высшихъ чиновъ).

Содержаніе союзъ этотъ получалъ отъ обывателей, при чемъ чины добровольно взыскивали опредѣленные суммы, (впрочемъ нерѣдко и неопредѣленные).

Послѣднее обстоятельство подтверждается тѣмъ, что за все время существованія союза ни одинъ изъ обывателей не могъ сказать: „я поса-

*) Пользуемся программой партіи правового порядка.

— Ахъ, извините, граждане! Это—мо ошибѣ

диль полицейскаго на скамью подсудимыхъ и его закатали“.

За послѣдніе годы своего существованія союзъ принялъ программу партіи „высшей филантропіи“, а именно: онъ по мѣрѣ силъ старался оградить подвѣдомственнаго ему обывателя отъ шума повседневной жизни, для чего помѣщалъ его въ особые павильоны, которые назывались „камерами“, (нѣчто, родственное пансіонамъ, называвшимся „Тюрьма“), и, такъ какъ изъ этихъ „камеръ“ часто доносилась особая музыка, то въ послѣдствіи такая музыка стала называться „камерной“.

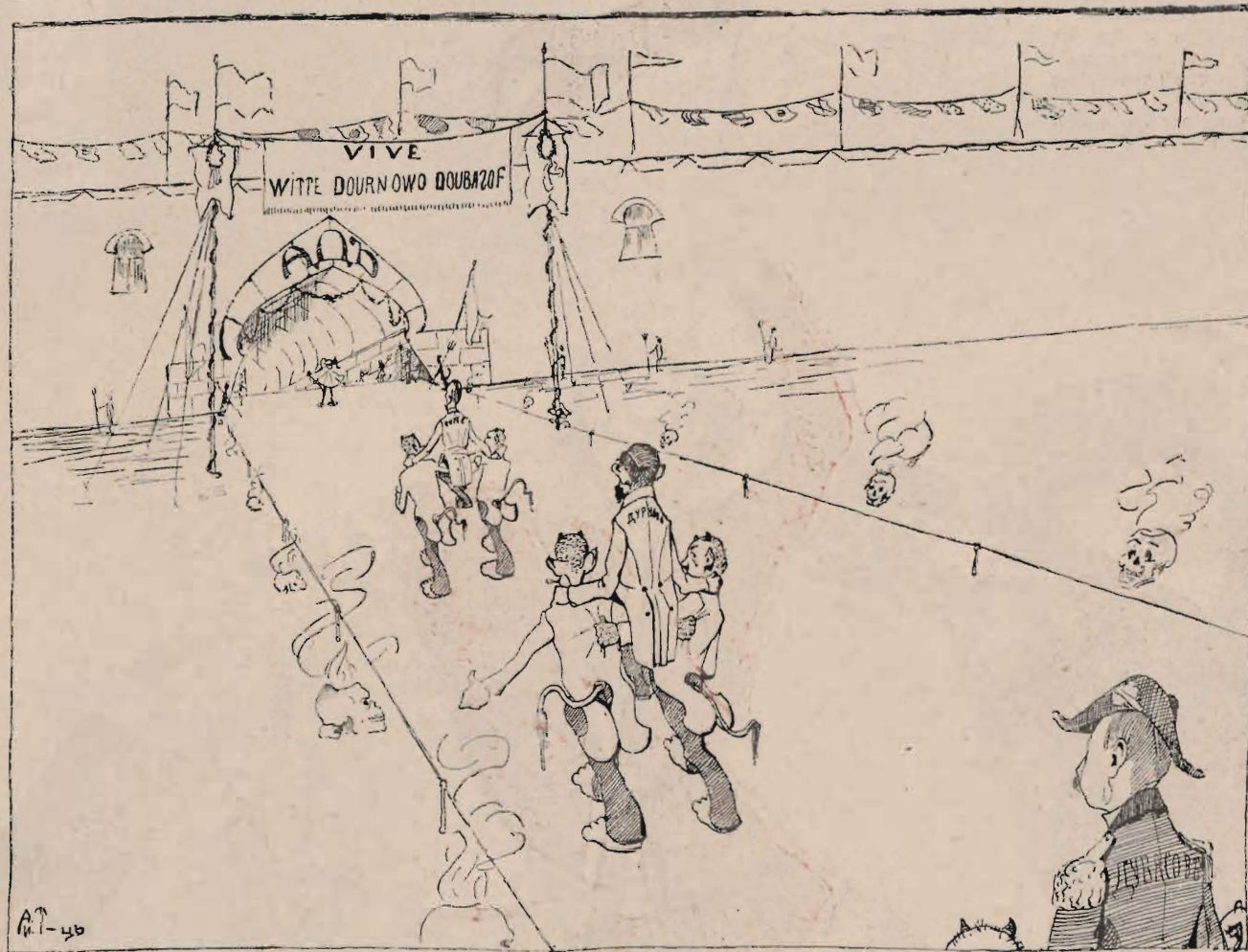
Апогея своего развитія „камерная музыка“ достигла въ премьерство Сергѣя Витте, который сочинилъ къ ней собственную пляску.

Кромѣ того союзъ старался облегчить положеніе обывателей тѣмъ, что увозилъ изъ ихъ квартиръ и уносилъ изъ ихъ кармановъ все то, что находилъ тягостнымъ и обременительнымъ для ихъ спокойствія и вреднымъ для неприкосновенности ихъ личности.

Справедливость требуетъ отъ насъ, какъ отъ безпристрастныхъ историковъ, чтобы мы отмѣтили некультурность, грубость и непониманіе своихъ интересовъ, которыя царили въ современномъ союзу обществъ.

Вмѣсто того, чтобы оцѣнить всю пользу, безкорыстно и самоотверженно приносимую ему союзомъ, общество взводило на него въ печати (въ злонамѣренной ея части) разныя напраслины и вмѣсто благопристойной благодарности осыпало нелестными даже для полицейскаго эпитетами, и въ нѣкоторыхъ мѣстахъ даже снимало, насильственнымъ путемъ, многихъ полицейскихъ съ постовъ.

Еще большаго удивленія заслуживаетъ другой

А. Г.-чб

Торжественное прибытіе героевъ для полученія заслуженныхъ мѣстъ.

союзъ, въ которомъ могли быть членами только „казаки“; для вступленія въ этотъ союзъ нужно было привести лошадь, винтовку (патроны выдавались за счетъ популярнаго въ то время мецената и филантропа—Трепова) и особаго рода летательный инструментъ, который назывался „нагайка“.

„Казаки“ отличались моральнымъ скопчествомъ, которое состояло въ томъ, что они не признавали ни родства, ни свойства, ни какихъ либо чело-вѣческихъ чувствъ.

„Казаки“ при употребленіи своего летательнаго инструмента („нагайка“) входили въ религіозный экстазъ и опускали его на головы всѣхъ встрѣчныхъ и поперечныхъ, дѣйствіе это назы-

валось на языкѣ правительства „поддержаніемъ порядка и охраненіемъ исконныхъ началъ“.

Реакціонная печать называла это—„охлажденіемъ горячихъ головъ“, а прогрессивная печать—„лущованіемъ“.

„Казаки“ очень любили лущовать и „жрать водку“.

По официальнымъ даннымъ, казаки работали за „спасибо!“

„Полиція“ и „казаки“ очень не любили „забастовщиковъ“.

„Забастовщиками“ назывались люди, которые очень любили „голодовку“.

„Голодовкой“ назывался рабочий праздникъ, который тянулся иногда даже нѣсколько мѣсяцевъ. Этотъ праздникъ имѣлъ сходство съ олимпійскими играми, но у забастовщиковъ состязанія не были такъ разнообразны и сводились только къ возможно долшему непринятію пищи.

Кромѣ этого отличія, были еще два очень существенныхъ: у забастовщиковъ въ празд-

ненствѣ разрѣшалось принимать, на равныхъ правахъ, участіе всѣмъ лицамъ безъ различія пола и возраста, а также мѣста, гдѣ производились состязанія, не считались (какъ это было у эллиновъ) священными и потому часто занимались „казаками“.

„Въ этомъ мѣстѣ повѣствованіе историка прерывается, благодаря цѣлому ряду залитыхъ кровью страницъ..... но дальше снова идутъ свѣтлыя, чистыя страницы, съ которыми мы со временемъ познакомимъ читателей.“

Рукопись нашель:

И. Г.-чб.

Изд. К. Четвериковъ.

29 Января.

Электротечатня К. А. Четверикова. СПБ. Караванная, 7.

Отвѣт. Ред. И. Н. Потапенко.

1906.

КОНТОРА: Спб., Караванная ул. 7. Ц. 10 к. № 5. 5 Февраля 1906 г.

ВЫХОДИТЬ ПО ВОСКРЕСЕНЬЯМЪ.

Подъ ред. И. Н. Потапенко.

Изд. К. Четвериковъ.

DK 262
R9
Рис. 641111

Открыта подписка на 1906 годъ
НА

Волшебный Фонарь

Подъ редакціей И. Н. Потапенко.

Еженедѣльный журналъ общественной и политической сатиры и каррикатуры.

Смѣхъ—такое же орудіе борьбы, какъ ружья, пушки, револьверы, торпеды, сабли и ножи. Но въ то время, какъ эти орудія дѣйствовали во всю, смѣхъ на Руси бездѣйствовалъ, ему было зажать ротъ и онъ принужденъ былъ ограничиваться беззубымъ хихиканьемъ по адресу того, что менѣе всего заслуживало осмѣянія.

Теперь мы получили право смѣяться и будемъ смѣяться смѣло, громко и безопасно. И пусть всякій, кто владѣетъ этимъ тонкимъ и острымъ оружіемъ, приходитъ къ намъ и смѣется вмѣстѣ съ нами. Будь то слово или рисунокъ, страницы нашего журнала къ его услугамъ. Смѣхъ громкій, смѣлый и безопасный. Но избави насъ Богъ отъ грубаго площадного смѣха,—онъ достоиніе улицы, мы же работаемъ въ храмѣ искусства.

Подписка приним. въ конторѣ журнала Спб. Караванная 7.

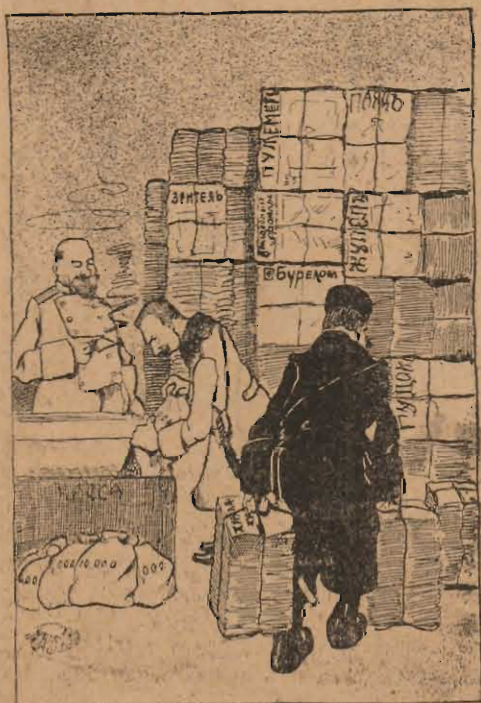
Подписная цѣна за годъ 4 рубля.

полгода 2 р. 50 к.

Выходитъ по Воскресеньямъ

Отдѣльный № 10 нбр.

Издатель Н. Четверикъ 17

Приходъ (залогъ).

Операция по афету журналовъ и газетъ и запечатанію типографій.

Родникъ безумныхъ слезъ, въ груди кипѣвшій
нашей,
Весь выплканъ до дна, до капли весь изсякъ,
И страхъ, что въ душу намъ вливался полной
чашей,
Разсѣялся, какъ дымъ, какъ предразсвѣтный мракъ.

Исчезла съ нашихъ лицъ тѣнь мрачнаго безсилія,
Улыбка рабская безропотно сползла,
Унынье блѣдное сложило тихо крылья.
Въ даль унеслась тоска, таинственна и зла.

Мы сбросили съ себя невольничьи одежды,
Съ проклятьемъ грознымъ разбили гнетъ цѣпей
И подъ благимъ лучемъ воспрянувшей надежды
Направились впередъ, какъ ураганъ степей.

Грудь новыхъ силъ полна, окрѣпили наши длани;
Не клонимъ головы предъ грознымъ палачемъ,
А ратью боевой стоимъ на полѣ брани,
Бряцаая и грозя отточеннымъ мечемъ.

И вмѣсто робкихъ слезъ и трепетной молитвы
Надменному врагу звучитъ со всѣхъ сторонъ:
Скорѣй съ дороги прочь! или въ разгарѣ битвы
Падешь истерзанный—подъ свой глубокой стонъ!..

И. Гурвичъ.

Расходъ (на сторгучь).

Сказка о камнѣ, огнѣ и водѣ.

Огромный камень, обросшій тлѣющимъ мохомъ, лежалъ посреди дороги.

Никому не давалъ ни проходу, ни проѣзду.

И отъ всѣхъ заслонялъ онъ дневной свѣтъ.

А по ту сторону камня было много этого свѣта—яркаго, солнечнаго.

Пробовали всячески люди убрать этотъ камень.

Они долбили его буравами, били молотомъ, поднимали его, ломаями...

Ничего изъ этого не вышло...

Камень лежалъ по прежнему, недвижно...

Тогда люди развели рядомъ съ камнемъ большой костеръ.

Огненные языки лизали камень и накалили его почти до красна...

Потомъ люди начали поливать камень студеной водой...

Камень злобно шипѣлъ и изъ него исходили облака тяжелаго пара...

Нѣсколько разъ такъ, поочередно накаляли и охлаждали камень.

И когда его потомъ ударили тяжелымъ молотомъ—онъ рассыпался на мелкіе куски...

Куски эти быстро убрали...

Дорога къ солнцу была открыта, и дружною толпой устремились люди къ благодатной цѣли...

Милыя дѣти. Нашъ камень (именуемый—бюрократія) лежитъ до сихъ поръ на большой дорогѣ и убрать его мы никакъ не можемъ. Мы обжигали его горячими народными волненіями, мы охлаждали его суровыми забастовками... А онъ только пынѣ еще порастаетъ погаными грибами и плесенью...

Совершенно безнадежный камень!..

Милыя дѣти, кто укажетъ, какъ убрать тяжелый камень, тому въ видѣ преміи будетъ даромъ высылаться нашъ журналъ—до тѣхъ поръ, пока его (журналъ) не арестуютъ.

Импрессионистъ.

Долой!

(Посвящаю С. Р.)

Ходить окликъ по горамъ,
Вдоль по селамъ, городамъ:
Бдетъ Треповъ—командиръ,
Бравый—ловкій кирасиръ...
То дорогъ кровь рѣкой...
Слышитъ онъ: „Долой... долой!“

* * *

Ходить окликъ по горамъ,
Вдоль по селамъ—городамъ:
Бдетъ Витте—искуситель,—
— То Портсмутскій примиритель...
Хоромъ Янки: „Вотъ герой!“
Дома-жъ всѣ кричатъ: „долой!“

* * *

Ходить окликъ по горамъ,
Вдоль по селамъ—городамъ...
Дурново приснились сны
Про овесъ его жены...
Крикъ въ Европѣ: „Ой—ой—ой!“
Мы-жъ кричимъ: „Долой... долой!“

* * *

Вотъ кругомъ и плачь и вой,
Раздаются надъ Москвой
То Дубасовъ—генераль,
Сухопутный адмираль
Проливаетъ кровь рѣкой...
И кричитъ Москва: Долой!..

* * *

Ходить окликъ по горамъ,
Вдоль по селамъ—городамъ:
Бдетъ Нейдгардъ, нашъ баронъ,
Въ Новгородъ задать трезвонъ;
Новгородцы-жъ всѣ гурьбой:
„Прочь отъ насъ... Долой... Долой!“
На—Тань.

„Разговоръ“.

Съ натуры.

Утромъ, часовъ около девяти, горничная Маруся побѣжала въ булочную и по дорогѣ встрѣтила сосѣдку по квартирамъ, живущую одной прислугой у одинокихъ супруговъ. Такъ какъ у той и другой господа спали еще, то времени хватало, чтобы поговорить и подѣлиться впечатлѣніями.

Маруся была въ высшей степени наблюдательна. Если нужно было узнать какой нибудь секретъ своихъ господъ, она способна была превратиться въ муху и проникнуть туда, гдѣ нельзя было подозрѣвать присутствія даже былинки. Она по одному звуку, по чуть слышному шороху могла опредѣлить, что дѣлается въ сосѣдней комнатѣ. Она все насквозь видѣла.

Когда подруги поздоровались, сосѣдка спросила Марусю:

— У васъ вчера гости были?

— Какой тамъ гости, разный сбродъ... барыня то у насъ темными дѣлами занимается—я вѣдь тебѣ объ этомъ говорила ужъ—такъ она со своими подражателями опять цѣлый вечеръ вола

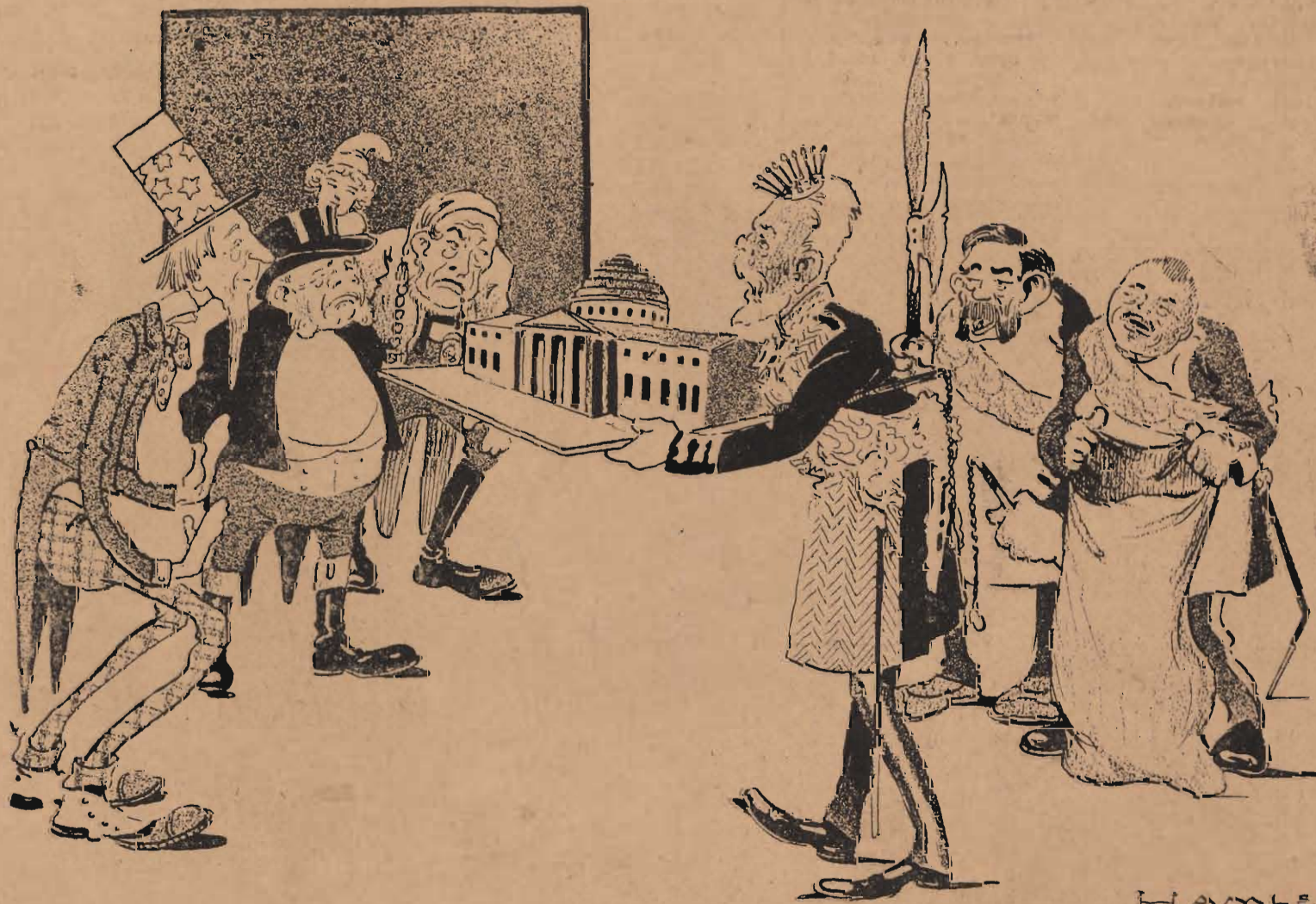
вертѣла. Барыня то совсѣмъ въ другую сторону пошла: пусть я, говорить, не буду потомственная гражданка, если на баррикаду не пойду... Въ моихъ, говорить, жилахъ человѣческая кровь находится, и я это понимать должна...

— А баринъ то какъ къ этому относится? подъ ея лудку пляшетъ?!

— Какой тамъ! у нихъ изъ-за этого каждый день скандалъ—того и гляди разведутся. Какъ начнутъ резониться, такъ она ему сейчасъ: тварь ты безсознательная... ты, говорить, одно слово, буржуй!..

— А что? это ругательство?

— Какъ тебѣ сказать: по барыниному то выходитъ брань, а баринъ такъ этимъ даже гор-

H A M L E T

Премьеръ. Позвольте вамъ представить: Государственная Дума. Собственноручно склеилъ изъ лучшаго картона... Кажется, ужъ вы не можете сомнѣваться и должны дать намъ денегъ.

Банкиры. Нѣтъ, дорогой графъ, мы удивляемся вашему искусству, но денегъ дадимъ только настоящей Думѣ и настоящему народу, а не картонному.

дится. Дѣйствительно, говоритъ, я буржуй, а не какой-нибудь тамъ пролѣтай безъ подметокъ; я, говоритъ, кого угодно продамъ и выкуплю, потому чловѣкъ я съ капиталомъ...

На той недѣлѣ, въ субботу между ними разговоръ вышелъ. Изъ столовой позвалъ къ себѣ въ кабинетъ.

Пойдемъ, говоритъ, ко мнѣ — я съ тобой говорить желаю... Тайнственно такъ: всѣ двери за собой закрыть, чтобы никто не слышалъ.

Ну, да вѣдь отъ меня не скроешься! Весь раз-го воръ слышала. На—перво то ласково говорилъ: милая моя, только пойми, что изъ этого выйдетъ!

Прекрати ты сборища, швейцаръ и тотъ двухмысленно смотреть. Вѣдь ты мнѣ всю карьеру запачкаешь!

А барыня ему въ отвѣтъ: и пачкать то, говорить нечего—она у тебя и безъ того грязная, а я въ своихъ цѣляхъ непоколебима. И за эти слова я тебя презирать должна, потому ты не чловѣкъ, а чиновникъ! И такія слова стала выворачивать, что онъ даже руки опустилъ... Чихаю, говоритъ, я на твой капиталъ. Скоро, говоритъ, вашему брату петля!..

— А онъ что же?

— Раскричался: не потерплю, говоритъ, это

насиліе! Въ собственномъ домѣ нѣтъ житья!

А она ему въ пику: и у меня тоже терпѣнье лопнуло, пожалуйста, говоритъ, разводъ, потому у меня теперь другая цѣль жизни.

Брошка у нея есть золотая, медальонъ съ брильянтами, а въ него былъ вставленъ бариновъ портретъ, маленькій такой... Она его выбросила, а вмѣсто него другой вставила. Такъ изъ-за этого у нихъ тоже часто скандалъ выходитъ. Баринъ обижается...

„Меня, это оскорбляетъ! Супружескаго, говорить, чувства ты не должна мѣнять на убѣжденія“...

— А портретъ то съ кого? Симпатія, что ли? Али какой актеръ?

— Нѣтъ... онъ ужъ, говорятъ, померъ давно... Послѣ него только однѣ книжки остались. И не одна она, вся ихняя компанія въ немъ души не чае. А вчера, такъ изъ-за него чуть не подрались. Есть двое, которые съ ними не согласны: собачій докторъ, да еще одинъ, замысловатый такой! Самъ на себя пальто надѣваетъ, не велитъ подавать, а на чай жертвуетъ. Такъ они его въ грошъ не ставятъ. Мы, говорятъ, сами справимся...

Вчера до двухъ часовъ проканителлись.—все другъ другу шпильки ставили. А когда ушли, такъ баринъ опять требовалъ, чтобы этого не было. Даже повелъ ее до слезъ...

— И что же, настоялъ на своемъ?

— Какой настоялъ—еще больше разсвирѣпѣла. Уйду, говоритъ, отъ тебя. А когда наша возьметъ, не я буду, если собственными зубами тебѣ глотку не перерызу!..

Далай-Норъ.

Подслушанный разговоръ.

— Курловъ-то каковъ, а? Счастливецъ...

— Это вы на счетъ чего?

— Да въ Минскѣ... бомба-то... вѣдь ничего?..

— Бомба-то бомба... голова-то какова?!

На—Тагъ.

Баньщики.

Единственные въ Россіи благоразумные элементы воздержавшіеся отъ забастовки.

Извозчики.

Лиценсты.

Загадки.

1. Ёдетъ холя—убѣжитъ и воля.
2. Теремъ большой,
Ключъ золотой,
Заяцъ убѣжалъ,
Друга позвалъ.

На—Тапъ.

Дневникъ хроникера.

(Материалы для будущаго историка)

Января 15-го. Обыски по всей странѣ продолжаются. Оружія и бомбъ забрано такое количество, что, по слухамъ, собираются начать новую войну, только еще не рѣшено, съ кѣмъ. Золото отливается за море. Губернаторскія головы крѣпнутъ до того, что безвредно отражаютъ ударившіяся о нихъ бомбы. Изъ Гомеля телеграфируютъ о готовящемся погромѣ. Графъ Витте на это отвѣчаетъ: „пустъ ихъ! мнѣ надоѣло!“

Января 16-го. Крестьяне „бунтуютъ“, настойчиво требуя хлѣба; имъ даютъ... пулеметы. Юж-

ные помѣщики бѣгутъ. Русскимъ промышленникамъ отказываютъ заграницей въ кредитѣ. Правительство дѣлаетъ видъ, что оно готово предать Нейдгарта суду; пока что, ему выдается 6.000 наградныхъ. Владивостокъ въ рукахъ революціоннаго войска. Ливенвичъ этому не вѣритъ и проситъ всѣхъ тоже не вѣрить. Разстрѣлы по спискамъ и безъ списковъ вдоль и поперекъ—продолжаются. Престижъ русскихъ генераловъ, неодошедшихъ ни одной побѣды на войнѣ,—въ Европѣ—возстановленъ. Въ столицѣ затишье. Чины полиціи удостоиваются благодарности „за усердіе“. Комендантъ, однако, проситъ еще и денегъ на ремонтъ квартиры.

Января 17-го. Гомель въ огнѣ. Казаки и хулиганы работаютъ во всю. Жители разбѣжались по дѣсамъ. Жертвы еще не сосчитаны. Окружи судъ ищетъ Павлокія Крушевана по дѣлу о полигаміи; особая примѣта: ножъ въ правой рукѣ, национ. флагъ въ лѣвой. Заграничные банкиры хлопочутъ о введеніи конституціи въ Россіи. Германія готовится.

Января 18-го. Графъ Витте исповѣдывается пе-

въ комитетъ: Вамъ, Ваше Превосходительство—единовременное пособіе 10000 рублей... Истинное геройство никогда не остается безъ награды...

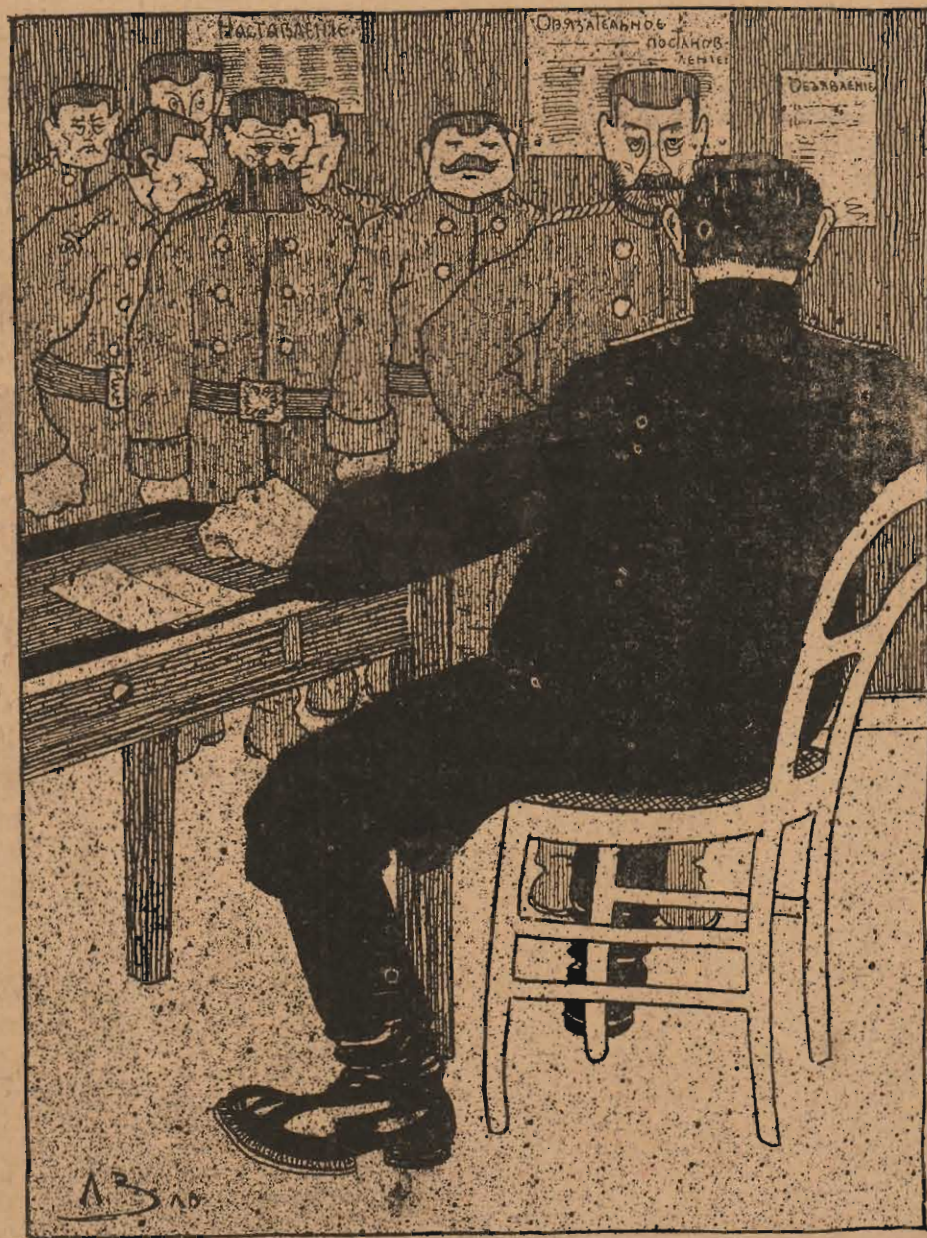
редъ граммофономъ Диллона; Премьеръ находитъ, что единственно хороший, дѣльный и, къ слову сказать, честный человѣкъ, видящій насквозь не только Россію, но и свою собств. душу—это С. Ю Витте. Всѣ качаютъ головами. Адм. Дубасовъ торжественно совершаетъ триумфальный объѣздъ Москвы и осматриваетъ поле сраженія. Обыватели затаили дыханіе. Генералъ Рененкампфъ призывается „zum Kampf“ въ Сибирь.

Января 19-го. „Новое Вр.“ мечтаетъ о диктатурѣ. Финансовая забастовка—(безденежье) продолжается. Предполагаютъ для улучшенія финансовъ открыть торговлю невольниками, отпуская по сходной цѣнѣ, захваченныхъ въ плѣнъ, „политическихъ“. Московскій губ. Медемъ получаетъ чинъ генерала. Онъ очень доволенъ. Прощаясь съ чинами полиціи, онъ проситъ поминать его медомъ, а не лихомъ.

Января 20-го. Революція во Владивостокѣ и Новороссійскомъ краѣ стихаетъ. Бѣжавшій черноморскій губернаторъ Трофимовъ—вернулся. Воронцовъ-Дашковъ доноситъ, что разстрѣлянные революціонеры—раскаиваются. Слухи о новой

На улицѣ. —Подайте бѣдному воину, лишейному ноги... —Ты, братецъ, еще бравый малый, такъ-бы служилъ гдѣ нибудь сторожемъ...

Лекція.

Охъ какъ я устала!

амнистии. Щигринскіе крестьяне не солово хлебуютъ. При гр. Витте учреждается новая сыскная канцелярія для „общенія“ съ кандидатами въ Госуд. Думу.

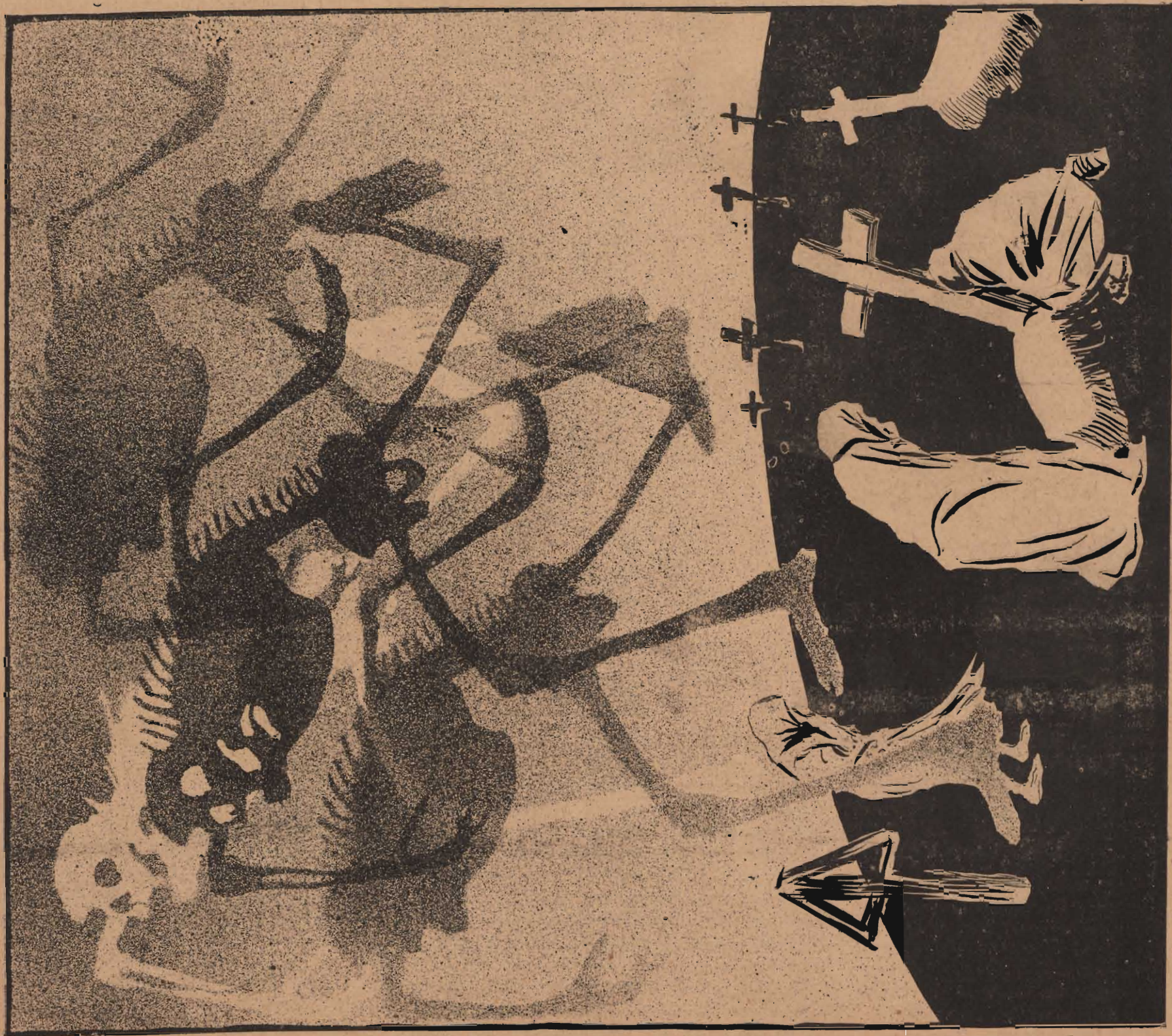
Января 21-го. Министры продолжаютъ совѣщаться шепотомъ. Революція вспыхнула въ Кутаисской губерніи. Прибалтійскій край все еще бушуетъ. По слухамъ, Треповъ дѣйствуетъ тай-

но. Порядочные люди ѣздятъ съ визитами въ тюрьмы. Сформированы вновь выучные передвижные быстроходныя пулеметныя роты. Добра уже никто не ждетъ.

Января 22-го. Москвичамъ дозволяется выходить ночью на улицу. Начались переселенія въ мѣста „не столь отдаленныя“. Побѣдитель Ливоніи ген. Орловъ передвигается въ Сѣв.-западный

край для „раздавленія“ гомельской революціи. Бомбы продолжаютъ подпрыгивать. Тихо.

Января 23-го. Срокъ созыва Государств. Думы „точно“ никогда не будетъ опредѣленъ, вслѣдствіе чего она будетъ называться „безсрочная Государственная Дума“. Въ Москву отправлены пулеметныя роты. Крестьяне продолжаютъ рубить лѣсъ. Храбрые генералы порятъ ихъ оптомъ.

Длина скорби.
(Говорящие тѣни).

И ходили они скорбные среди магилъ, въ которыхъ были зарыты близкіе и дорогіе имъ люди...
Когда-же они подымали головы и смотрѣли на небо, оно посыпало имъ страшныя тѣни губителей...
ныхъ чудовищъ...

Потому что слишкомъ много на землѣ развелось убійцъ и вса она напоена братской кровью...
Потому что въ аду уже нехватаетъ мѣста для грѣшниковъ...

— Остановитесь, графа! Разъ вы не видите—гропасъ... Мы погибнемъ...
— Увы, поздно я слишкомъ далеко заѣхалъ!

Нейдгарта гонятъ изъ заграничныхъ отелей. Дурново умоляетъ типографовъ „воспроизводить“ поменьше кровавыхъ пятенъ.

Января 24-го. Курскіе дворяне бьютъ челомъ адм. Дубасову. Ждутъ „временныхъ правилъ“ объ исключеніи слова „осель“ изъ русскаго лексикона; также запрещено рисовать ословъ въ какую-бы то ни было величину. Преосвящ. Арсеній на собраніи „истинно-русскихъ звѣрей“, для укрѣпленія принципа самодержавія приводитъ трогательныя иллюстраціи изъ сочиненія Брема: „жизнь животныхъ“. Никто не опровергаетъ.

Января 25-го. Витте вновь братается и лѣзетъ цѣловаться. Онъ проситъ депутацію передать пока крестьянамъ, вмѣсто земли, его „премьерскій“ поцѣлуй. Охотниковъ мало. Эстонцы оповѣщаютъ міръ о Безобразовскихъ безобразіяхъ. У Витте нечаянно сорвалось, что «Нов. Вр.» всегда лжетъ по существу. Къ Ригѣ стягиваются войска. Первое собраніе Гос. Думы, по достовѣрнымъ свѣдѣніямъ, состоится послѣ дождика—въ четвергъ. Обыватели бросились покупать календари и усиленно вычислять, когда будетъ дождикъ.

Январь 26-го. Во Владивостокѣ все „прити-

хаеть“. Гомельскій погромъ произвелъ заграницей „сенсацию“. Для разслѣдованія командированъ „чиновникъ погромныхъ порученій“. По примѣру Витте, минскіе помѣщики пробуютъ „брататься“ съ крестьянами,—но изъ этого тоже ничего не выходитъ.

Января 27-го. Алихановъ на Кавказѣ дѣйствуетъ успѣшно: опять началась татаро-армянская рѣзня. Кутаисъ—въ осадномъ положеніи. Ждутъ бомбардировки.

Января 28-го. Витте отрекается отъ поцѣлуя, онъ говоритъ, что депутаты сами себя поцѣловали. Раненъ адм. Чухнинъ. Многіе сановники запасаются ручными пулеметами. Дубасовъ „задержался“ въ Петербургѣ. Жители встревожены.

Января 29-го. Слухи, что Треповъ всплыветъ на Кавказѣ въ роли намѣстника, оживили дѣятельность патронныхъ заводовъ. Прибываютъ „буйные“ эшелоны изъ Манчжуріи. Обыватели не знаютъ, куда дѣвать себя.

Января 30-го. Тюремный вопросъ поставилъ правит. въ затруднительное положеніе: обыватели сами просятся въ тюрьму, куда не проникаютъ казаки и можно быть спокойными за свою жизнь. Организациа черныхъ сотенъ идетъ crescendo. Аресты тоже.

Н. Ф.—дѣ.

Число звѣрино.

Все мѣняется подъ нашимъ зодіакомъ...

Измѣнилось и „число звѣрино“...

Отнынѣ оно—не 666.

Насталъ нѣкій день, когда цифра 6 перевернувшись снизу вверхъ, преобразилась въ цифру 9.

Это было 9 января.

Это было въ страшный день вѣроломства, предательства и невинно пролитой братской крови.

Если соединить воедино три фатальныя цифры 9—что можетъ быть страшнѣе?!

Поэтому отнынѣ число звѣрино—999.

Импр.

HAMLET.

*Неприкосновенность личности и свобода слова (проект бронзовой группы.).***Письмо въ Редакцію „Волшебнаго Фонаря“.**

Дорогая редакція!

Въ интересахъ человѣколюбія, прошу не отказать помѣстить въ уважаемомъ журналѣ нашемъ это письмо мое: прочитавъ его, вы убѣдитесь, что мною руководить любовь къ порядку и къ сановникамъ, оный порядокъ водворяющимъ.

Вотъ уже больше двухъ мѣсяцевъ, при существованіи незыблемой свободы печати—у насъ печатаются ужасныя вещи,—именно въ сатирическихъ журналахъ и другихъ политич. изданіяхъ, гдѣ

прямо-таки осмѣиваютъ и бранятъ нехорошими словами, какъ будто какихъ простыхъ людей, такого почтеннаго и хорошаго человѣка, какъ господинъ Петръ Дурново и другіе его хорошіе друзья. Сердце мое обливается кровью, когда я вижу въ журналахъ, что Дурново изображаютъ продавцемъ овса, тогда какъ онъ министръ, и еще хуже того (стыжусь даже выговорить) прямо въ видѣ свиньи, казнокрада и Богъ знаетъ какими еще нехорошими фигурами. Я вижу теперь, что Дурново самъ понималъ, что это не хорошо и уже рѣшилъ съ этимъ покончить разъ навсегда. Но сколько онъ ни ста-

рается—никакъ не можетъ сладить съ этими злыми упорными людьми-редакторами и типографами, а потому я, стоя близко къ печатному дѣлу, и рѣшаюсь почтительнѣйше преподнести свой проектъ, какъ г. министру Дурново спасти свою честь, а между прочимъ и родину и разъ навсегда избавить Россію отъ подобнаго невиданнаго посягательства въ глазахъ иностранцевъ, которые оттого и денегъ намъ не даютъ.

Мое средство заключается въ слѣдующемъ:

Не касаясь ни однимъ словомъ незыблемо существующей у насъ свободы печати, въ виду возможнаго появленія холеры, чумы, или какой-либо иной моровой язвы, въ дополненіе къ существующимъ „временнымъ правиламъ о печати“, издать еще одни „временныя правила“, на основаніи коихъ, въ видахъ санитарнаго благоустройства, изымаются изъ продажи всѣ краски, употребляемыя въ типографіяхъ при печатаніи, какъ черная, такъ и красная и всѣхъ другихъ цвѣтовъ.

Тогда не только можно оставить неприкосновенной свободу печати, но можно еще ее расширить до безконечности и не будетъ болѣе надобности въ такой, слишкомъ радикальной конституціонной мѣрѣ, какъ заклочиванье и запечатыванье типографій цѣлыми десятками. И вообще тогда министрамъ можно будетъ спать спокойно. Вотъ и все.

Съ глубочайшимъ почтеніемъ—членъ партіи правоваго порядка.

PS. Если мой совѣтъ будетъ принятъ, то прошу отмѣтить, что идея эта принадлежитъ мнѣ и я этимъ всю жизнь буду гордиться.

Полиційская педагогика.

Торжество победителей.

Экспромтъ.

Пошли родныя все картины:
Передъ избушкой три дѣгины,
Вдали плетется становой,
Урядникъ, вяжетъ хворостины;
Съ нагайкой мчится верховой...

Н. Т.

**Замѣчанія старыхъ людей въ Фезралѣ м—цѣ.
Заключенія—примѣты.**

У поселянъ Россійскаго народа существуетъ старое преданіе, что въ этотъ мѣсяцъ удобнѣе всего заклинать губителей скирдъ и стоговъ—черныхъ мышей. По ихъ вѣрованію заклятіе не только можетъ сгубить этихъ зловредныхъ и кровожадныхъ звѣрей, но и совѣмъ искоренить ихъ изъ селенія. Надо только, чтобы народъ весь сразу въ одно время началъ читать заклятіе. Для образца приводимъ отрывокъ этого заклятія.

Какъ желѣзо на водѣ тонетъ,
Такъ и Вамъ—гадамъ—кровопійцамъ—
Сгинуть въ преисподнюю;
Въ смолу кипучую,
Въ адъ кромѣшный;
Не получить Вамъ съ народа ни овса,
ни золота.

Не грызть Вамъ болѣе народнаго сердца,
Не сосать Вамъ его крови...
Не найти Вамъ пощадъ на небѣ и здѣсь.
Плюнь отъ насъ, прочь окаянные...
Злодѣи—кровавые...
Да провалится земля подъ Вами...

Списалъ На—Танъ.

Современныя пословицы и поговорки.

II графъ уйдетъ, какъ со тиче изойдетъ.

Министръ—покушай; народъ—поговѣй.

Манифестъ согрѣлъ,—погромъ поспѣлъ.

Лежи на боку, да гляди въ тюрьму.

Руби, адмираль—намѣстникомъ будешь.

Нашего Мина не пройметъ и дубина.

Вѣнчаніе камергѣра Атександровскаго на губернаторскій постъ.

То знамя правды и любви,
Оно омочено в крови..

Кровавый путь предъ нимъ лежалъ,
Но твердо знамя онъ держалъ.

5 Февраля.

Электротпечатня К. А. Четверикова. СПб. Караванная, 7.

1906.